

ВОСПОМИНАНИЯ

НИКИТА ХРУЩЕВ

НИКИТА ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Избранные отрывки

Chalidze Publications

New York

1982

CHALIDZE PUBLICATIONS

505 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, N.Y. 10018

КАТАЛОГ

ВЕЩА — 1982

<i>Н. Хрущев.</i> Воспоминания. Книга 1-я	12.00
<i>Н. Хрущев.</i> Воспоминания. Книга 2-я.	12.00
<i>В. Буковский.</i> Письма русского путешественника.	12.00
<i>В. Чалидзе.</i> Победитель коммунизма.	7.00
<i>П. Милюков.</i> Воспоминания государственного деятеля.	15.00
<i>З. Фрейд.</i> Толкование сновидений.	15.00
<i>Ф. Ницше.</i> Так говорил Заратустра.	15.00
<i>Б. Рассел.</i> История западной философии.	30.00
<i>С. Киркегор.</i> Наслаждение и долг.	15.00
<i>С. Киркегор.</i> Страх и трепет.	6.00
Панорама современных идей. Перевод с французского под ред. <i>Е. Еткинда.</i>	15.00
<i>С. Булгаков.</i> Философия хозяйства.	15.00
Коран. Перевод <i>Крачковского.</i>	20.00
<i>Г. Федотов.</i> Россия и свобода.	15.00
<i>О. И. Мейендорф.</i> Православие в современном мире.	12.00
<i>И. Яхот.</i> Подавление философии в СССР (20-30 гг.).	15.00
<i>Б. Вышеславцев.</i> Кризис индустриальной культуры.	15.00

См. продолжение каталога в конце книги.

НИКИТА ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Избранные отрывки

Составитель В. Чалидзе

Chalidze Publications

New York

1982

N. Khrushcev

MEMOIRS

Edited by V. Chalidze

Copyright © for original material
by Valery Chalidze

Published by Chalidze Publications

Manufactured in USA

New York

1982

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Насколько известно, мемуары Н. Хрущева попали на Запад в магнитофонной записи, их подлинность была проверена специалистами, и по этим записям издательство Little Brown издало по-английски два тома мемуаров Хрущева. Мои многолетние попытки способствовать полному русскому изданию этих ценнейших материалов натолкнулись на не известно от кого исходящий запрет — тема эта, впрочем, несколько деликатная по понятным причинам, и я ограничусь здесь лишь выражением сожаления в связи с тем, что мемуары этого удивительного государственного деятеля пока не удастся полностью опубликовать по-русски.

Благодаря любезности руководства Русского института Колумбийского университета в Нью-Йорке в 1977 г. я смог ознакомиться с машинописной записью текста мемуаров. Я не мог снимать копий с записи, но мог диктовать на пленку нужные мне отрывки. Тогда я собирался писать книгу о Хрущеве — теперь я вижу, что этот план если и реализуется, то неизвестно когда. Пока же я решил опубликовать отдельно выбранные для моей книги цитаты из воспоминаний Хрущева.

Судя по этой записи в Колумбийском университете, материал не слишком организован —

автор его все время перескакивает с одной темы на другую, допускает много повторений, чувствуется, что диктовка велась не систематически, без заранее составленного плана, что придает тексту еще большую ценность, ибо это непосредственные, не сформулированные заранее свидетельства.

В магнитофонной записи много пропусков, возникших либо по технической причине, например, при копировании пленок, либо сделанных кем-то нарочно. Предполагать эту последнюю возможность заставляло меня часто то, что рассказ Хрущева обрывается иногда там, где чувствуется, что автор подходит к особо интересному и политически острому эпизоду.

Публикуя теперь фрагменты этих мемуаров, я хочу предупредить читателя, что даже в этих коротких отрывках — много путаницы, когда речь идет об описании конкретных фактов: Хрущев не имел доступа к архивам, диктовал все по памяти и не раз сам делал оговорки о том, что-де историки могут уточнить подробности, в которых он сам не точен. Например, в приводимых фрагментах бросается в глаза то, что дискуссию с Сахаровым об испытательных взрывах он связывает с первым взрывом водородной бомбы, произведенным, насколько известно, в 1953 году, — такая датировка дискуссии с Сахаровым весьма сомнительна, тем более что сам Сахаров сообщает, что

эта дискуссия началась в 1961 году.

Можно привести и другие примеры фактических неточностей в публикуемых отрывках. Но это нисколько не снижает ценности записей Хрущева, ибо самое интересное — это его мнения, пусть изменившиеся позднее, его впечатления, а факты и даты можно уточнить по другим источникам.

Я, однако, при публикации не считал нужным снабжать текст какими-либо уточнениями или комментариями, публикуя его в таком виде, как он приведен в машинописной записи в Колумбийском университете. Лишь иногда в квадратных скобках даются вставки предположительно пропущенных слов.

Отмечу также, что записи, из которых я заимствовал публикуемые отрывки, неоднородны по точности передачи подлинного текста Хрущева: часть записи точно передает диктовку вплоть до недоговоренных слов, часть же при перепечатке подверглась "чистке": опущены недоговоренные слова, опущены часто встречающиеся "слова-паразиты" — "значит", "вот" и т.п.

Все мои вставки в тексте набраны курсивом. Заголовки везде мои.

Валерий Чалидзе

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Хрущев о своих воспоминаниях	9
---	---

* * *

Предвоенные события	14
Присоединение Прибалтики	14
Война с Финляндией	18
Договор с Гитлером	35
О начале войны	43
События в Польше	60
Варшавское восстание	60
Выборы в Польше	62
О Гомулке	66
Хлебные поставки в Польшу	67
О помощи союзников	71
Корейская война	76
О XIX съезде партии	92
Дело врачей	113
Смерть Сталина	127
Арест Берии	147
О Берлинской стене	159
О ракетном вооружении	162
О инциденте на заседании Генеральной Ассамблеи ООН	169
О подготовке поездки в США	172
Карибский кризис	179

* * *

О Крупской	187
О Сталине	189
О семье Сталина	202
О генерале Власове	227
О Мао Цзе-Дуне	232
Об ученых	236

* * *

Об оппозиционных настроениях	261
Власть и творческая интеллигенция	264
"Это невероятно — держать рай под замком".....	288

Н. ХРУЩЕВ О СВОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ

Я, конечно, сейчас диктую свои воспоминания и стараюсь вспомнить наиболее яркие моменты, такие, которые вредно сказались для нашего советского общества, и люди пострадали за это, т.е. поплатились своей жизнью; я сейчас положительного не говорю, потому что от меня вряд ли кто-либо ждет, чтобы я эту сторону сказал, потому что она хорошо описана в наших документах, в наших решениях, нашей печати, и, может быть, даже с некоторым, даже не с некоторым, приукрашиванием, значит.

* * *

Сейчас я, как вольный казак, ничем не занимаюсь. Удел пенсионера доживать свой век. Особенно тяжело тем, которые занимались такой бурной политической деятельностью, как это выпало на мою долю. А теперь вот, как говорится, сажу на мели. Я не ропщу. Это удел всех людей. Когда-то каждый, независимо от того положения, которое он занимает, стареет, сдает, силы ему отказы-

вают. И он вынужден находиться в таком положении. Я еще в лучшем положении, чем мои сверстники. Я с ними не встречаюсь, но мне говорят, что некоторые только раскрывают рот, как рыба вытщенная из воды, а глаза у него уже помутнели и язык уже заплетается, и память совсем уже отпала. Я не буду указывать пальцем, но мне эти люди известны. Поэтому у меня это не стон, это не жалоба.

А я сейчас имею возможность оглянуться и высказать более смело, высказать свои соображения и высказаться о недостатках, как бы я поступал, как в современных условиях лучше организовать, чтобы наше общество было устроено более гармонично, и чтобы оно не растрчивало бы энергию попусту... и чтобы всегда поддерживать на должной высоте настроение этого общества.

* * *

... Диктую для людей, которые будут знакомиться с моими записями в свое время.

* * *

Я болел, лежал полгода в больнице, да и сейчас чувствую себя не так, как чувствовал себя весной, и мне хотелось все-таки оста-

вить свои записи для будущих историков, которые бы знали мою точку зрения по этому вопросу. И не только точку зрения, но и мои суждения, направленность этих суждений. Но, а насколько можно их подтвердить документально, то я полагаюсь в этом на разумность тех людей, которые будут заниматься. А я уверен, что если попадут мои материалы когда-нибудь в руки историков, то они не оставят их без последствий. Они будут с ними работать, и я думаю, они найдут зерна истины в моих суждениях по этому вопросу.

* * *

Сейчас я уже, так сказать, как затворник, или живу за городом, значит, общения у меня почти нет, значит, общаюсь я с теми, которые охраняют меня или от меня, значит, это мне трудно сейчас определить. Скорее всего, от меня охраняют, значит. Но неплохие ребята.

* * *

Индивидуальность должна проявляться в инициативе, а решения в нашем советском государстве должны приниматься коллективно, и так оно и есть. И в мою бытность,

когда я возглавлял и правительство, и занимал первое место в руководстве ЦК, я никогда индивидуально, единолично никаких решений не принимал, да и принимать было невозможно в тех условиях, в которых я работал. А я сам, когда работал, был за эти условия, я их создавал и старался их укреплять.

* * *

Два года тому назад я ездил за грибами. Это от скуки, делать было нечего, и я прямо волком завыл от скуки. Так чтобы не быть волком, я ездил собирать грибы. До пенсионного своего положения никогда этим делом не занимался.

Хочу продолжить запись своих воспоминаний ... Я пролежал в больнице почти полгода. Болезнь моя была сердечного порядка. Это был инфаркт. Меня спрашивают, записываю ли я свои воспоминания. Когда я говорю, что нет, я этого не делаю, то мне говорят, что это было бы очень интересно для моих потомков, потому что это будет представлять большой интерес. Я согласен с этим. Вот сейчас 15 марта 1975 года, я наконец почувствовал себя лучше и могу продолжить диктовать. Но я не знаю, на сколько у меня хватит сил. Буду стараться.

Вот это о Туполеве. На этом я, пожалуй, и закончу. Сегодня воскресенье 28 июля. День солнечный, и обещают хорошую погоду на радость москвичам. А вчера был дождь и погода была переменная, и был даже град. И очень удивительно получилось. У меня на веранде цветочки посажены. И на расстоянии трех метров у меня было одно поле градобойное, а другое поле не градобойное. Т.е. одни цветочки были значительно повреждены градом, а другие, буквально рядом, как ножом отрезало, там никакого ущерба не было. Из неба высыпалась горсть крупного града, и он повредил эти растения. Вот так бывает в природе, наглядный пример того, что от града посевы меньше страдают, чем от засухи. Потому что град всегда, никогда не распространяется на большие площади. А засуха может обрекать целые страны на голод. Ну, этот эпизод я записываю мимоходом, на этом кончаю.

ПРЕДВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ

Присоединение Прибалтики

Теперь, значит, Литва, Латвия, Эстония. Это было уже позже, это были уже проведены соответствующие мероприятия. И я, так сказать, в подробностях, кроме газетных, или, так сказать, на основе бесед, которые я имел, значит, когда приезжал в Москву, со Сталиным, значит. Ну, эти беседы были ... они тоже такого характера ... носили, так сказать, радости, что мы, значит, вот имели возможности, что эти литовцы, латыши, эстонцы опять, значит, будут входить в состав советского государства, значит. Ну, во-первых, это расширение территории и ... увеличение населения Советского Союза. Значит, и усиление государства Советского Союза, значит. И мы абсолютно были уверены, и эта уверенность основывалась у нас на знании настроения и на знании ... и народа латышского, эстонского и литовского, что рабочий класс и трудовое крестьянство ему по пути, значит, с народами Советского Союза,

значит. И советское государство, которое, так сказать, ликвидировало у себя эксплуататорские классы, и это, естественно, значит, распространяются все эти положения, значит, на народы, которые ... входят в Советский Союз, и теперь, значит, такое ... такая проблема встала, значит, перед эстонцами, латышами и этими ... литовцами, значит.

Ну, враги, бежала часть, то есть кто имел ... руководители, которые имели возможность, бежали ... Бежал Сметана, президент ... литовский, по-моему, председатель или президент был, я уж сейчас не помню, Ульманис, латышский глава государства. Или премьер был, или он президент, не знаю. Он тоже, по-моему, бежал, значит. А некоторые не бежали, не имели возможности бежать, они остались, значит. Они ... некоторым даже были предоставлены какие-то посты, значит, вот. Потом, значит ... значит я сейчас не знаю, значит, ну, одним словом, ... И мы еще, я считаю, это радость была обоснованная, потому что очень длинная береговая граница стала советской ...

А тогда у нас только был узкий вход — Ленинград, значит, по заливу Ботническому. А теперь мы, значит, имели уже границу, и потом, следовательно, мы рассматривали, что эти территории — Эстония, Латвия, Литва —

это, если разразится большая война, то это плацдармы, значит, для буржуазных, иностранных войск, которые готовили против нас интервенцию и со стороны Англии, и со стороны Франции и Германии. Поэтому это тоже, значит, повышало, значит, ... улучшало наше положение, значит, в организации обороны Советского Союза, значит ... А это имело большое значение, потому что ... положение, когда мы находились в окружении и в то время, так сказать, наша промышленность еще была слабая, и экономика слабая была, и поэтому силы враждебные империалистического лагеря были значительно ... превосходили в силе наши, поэтому это имело значение.

И поэтому я, значит, считаю, что эта акция, которая была, значит, она преследовала цели прогрессивные как в отношении народов тех, которые вошли в Советский Союз в результате этой акции, то есть Литва, Латвия и Эстония. Я не говорю о районах Белоруссии и Украины, потому что это и родственность национальная, значит, людей, которые населяли и населяют советскую Белоруссию и советскую Украину, а это отдельные народы, значит. Ну, они получили возможность жить на тех же условиях, на которых живет у нас весь трудовой народ, рабочий класс,

трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция ...

... Вот так развивались события. Сопротивления там тоже не было, хотя там по-другому все это было проведено, и там по этапам, так сказать, советизация проходила иначе, чем здесь. Там сразу, значит, когда они изменили состав правительства, создали прогрессивное правительство, и правительства, по-моему, тогда создавались там не из коммунистов, значит. Ну, Лацис возглавил правительство, по-моему ... Латвии, да. Он тогда не был коммунистом. Он был прогрессивным человеком, писателем, значит. И, я уж не помню, сейчас, значит, эстонцев и литовцев, кто на первых порах там возглавлял, значит.

Ну, там тоже, видимо, такого же характера шаги были предприняты, значит. Ну, как бы постепенно. Потом, так сказать, изнутри, как говорится, в народе нарастало требование, значит, и вводились, так сказать, советские порядки, и потом уже они как государство тоже вошли в состав Советского Союза, и это все было, так сказать, оформлено при демократических методах и при соблюдении юридических положений, которые требуются для таких случаев.

После, значит, завершения этих работ,

значит, по воссоединению народов Белоруссии и Украины и оформления вхождения в состав советского государства прибалтийских государств, тогда вопрос встал о Финляндии, значит. И с Финляндией вошли в контакт, чтобы переговорить на этот счет и договориться до определенного понимания, значит.

Война с Финляндией

Вопрос был выдвинут перед финнами о том, чтобы — это я говорю, так сказать, приблизительно, потому что точно — это есть документы, я только говорю, значит, как это протекало, значит, и как до меня это доходило, значит, в разговорах, и как я понимал, значит — что мы будем этот вопрос о том, что нам нужно обезопасить Ленинград. Что Ленинград находится на расстоянии от финской границы на пушечный выстрел, что с территории Финляндии можно вести обстрел Ленинграда, а финское правительство было реакционное, которое проводило враждебную политику в отношении Советского Союза, и, так сказать, демонстрировало заигрывание с гитлеровской Германией.

Глава государства финского был Маннергейм, значит, так, царский генерал, значит. Очень враждебно относился к Советскому Союзу, значит, и Финляндия действительно представляла угрозу — не сама по себе, но ее территория, которая могла быть использована враждебными силами более сильными, сильных государств — это большую угрозу представляло для Советского Союза. Поэтому беспокойство и озабоченность советского государства, советского правительства в том, чтобы обезопасить себя вот на севере, и обезопасить, если говорить, Ленинград, это вторую столицу Советского Союза, значит, это имело большой смысл и имело большое значение для советского государства.

И когда вступили в переговоры, значит, то, видимо, значит, я говорю "видимо", потому что я подробностей переговоров не знаю, проводились они, когда я на Украине в это время работал и редко уже приезжал. Поэтому — Сталин рассказывал, значит, значит, но ... я сейчас, у меня в памяти не сохранились подробности этих переговоров.

Но, одним словом, финны отказались, значит, не приняли наших условий. Я не помню, в чем конкретно выражались наши условия создать безопасность для Ленинграда, значит. Но, видимо, чтобы финны уступили

ли какую-то часть своей территории, значит, и тем самым отодвинуть свои границы, значит, от Ленинграда, и этим самым мы, видимо, считали, что это удовлетворяло наши запросы по обеспечению безопасности Ленинграда.

Финны отказались на этот счет разговаривать, и тогда уже вопрос возник, значит, решение этого вопроса путем войны.

* * *

Я приехал в Кремль, на квартиру к Сталину, значит. Я не знаю, был ли там, или потом подъехал при мне, значит, это не имеет значения, значит, Молотов, значит, и Куусинен, значит. Не помню, кто еще там, значит, кроме Молотова, был, сейчас не помню.

И начался разговор. И по ходу разговора я уже почувствовал, что это продолжение разговора, собственно, это уже реализация даже решения. Уже решение принято о том, что предъявить ультиматум Финляндии, значит.

И уже разговаривали с Куусиненом, что Куусинен будет возглавлять правительство, создается правительство карело-финнское, правительство во главе с Куусиненом, значит, что это правительство, эта республика, а Ка-

рельская ... Карелия у нас была автономная республика, которая входила в состав Российской Федерации, и это сейчас она на этом положении. А тогда, значит, решался вопрос о том, что она будет Союзной республикой и что ... было такое настроение, такое понимание, что если предъявить ... будет предъявлено ультимативное требование, значит, чтобы Финляндия согласилась на те предложения, которые ей были предложены, она их отвергла, то начали планировать военные действия, значит, так.

И такое понимание у Сталина было, значит, и я, конечно, тогда не возражал Сталину, я тоже так считал, значит, что правильно, значит, что достаточно, так сказать, ну, громко сказать, а если на слова не поверят, так выстрелить из пушки, и финны, так сказать, поднимут руки и признают, согласятся с теми требованиями, которые были выставлены нашим государством.

Я опять повторяю, какие конкретно там территории требовали, я сейчас не знаю, но какие политические, так сказать, какие взаимоотношения должны были сложиться, значит, а они, видимо, какие-то условия были выдвинуты, с тем, чтобы Финляндия не была бы, так агрессивно не относилась к нам, чтобы Финляндия была дружеской страной,

видимо, это преследовалось тогда. Ну, как оно это выражалось, значит, в каких формах, в каких договорах, как формулировалось, я этого не знаю, значит. Потому что я эти документы не читал и не видел.

И ожидали, и были ... так Сталин был уверен, значит, и мы тоже этого хотели, что не будет войны, что финны примут наше предложение и тем самым, значит, войны не будет, и мы своей цели достигнем, то есть цель эта — обезопасить себя с севера. Потому что Финляндия как территория и ее, так сказать, естественные ресурсы, они мало что, так сказать, дополняли к тем необъятным, так сказать, территориальным нашим возможностям и нашим богатствам, значит, как лесным, а это Финляндия богата лесом, но не может же она равняться с нами. Поэтому эта сторона не была, так сказать, что она привлекала, так сказать, вот, чтобы воспользоваться этими богатствами. Нет. А тут вопросы безопасности на первом плане, потому что ... Ленинград находится под угрозой.

Это я вот уже несколько раз повторяю, хотел бы, чтобы правильно поняли меня, что я правильно хочу передать, так сказать, понимание того времени, значит, вот и как я понимал Сталина и в чем я был полностью согласен тогда, значит.

Вдруг позвонили, что ну, произвели, значит, там ... значит ... финны ответили ответным артиллерийским огнем, значит. Ну, фактически, значит, началась война.

Я говорю это потому, что некоторые, если могут, так сказать, ну, потому что трактовка была другая, что финны первые выступили, и поэтому, значит, ... То это всегда, когда войну начинают, так всегда говорят о том, что ты же первый выстрелил, или ты мне первый пощечину дал. А я уже тебе отвечаю, значит.

Юридическое, о юридическом праве, если говорить, конечно, мы не имели, а моральное право, значит ... значит, желание обезопасить и договориться со своим соседом, когда ... и поэтому государству угрожают, мы тогда, так сказать, находили, моральное оправдание для своих действий, значит.

И война началась, значит. Я уехал, не знаю, через несколько дней, я уехал на Украину, значит, и мы были уверены, что, если уж финны, так сказать, приняли наш вызов и, так сказать, развязалась война между нами, то это величины несоизмеримые и несравнимые, следовательно, и поэтому, значит, этот вопрос будет решен, и решен быстро, и с небольшими, так сказать, потерями для нас и прочее, и прочее, и прочее ... значит.

Так понимали, так хотели, чтоб это так было. Но история этой войны показала совсем другое, значит. Развязалась война, и война стала довольно упорной. Финны показали большую воинственность, большие способности военные. Хорошо организована была оборона, значит. И наши попытки, значит, пробиться на Карельском перешейке, а это самый удобный с точки зрения военной и более прямой, так сказать, нацеленный для решения вопроса военными средствами, он оказался для нас не по зубам, значит. Оказались хорошими созданные укрепления, значит, железобетонные, артиллерия хорошо расположена, значит, и действительно создали неприступную, значит, крепость для наших войск. И я не знаю, сколько войск, но, видимо, войск наших там легло значительно и значительно больше, чем это могло быть, так сказать, предвидено планом решения таких сложных вопросов военными средствами.

Тогда я уже после приезжал, значит, потому что это длилось, я не помню сейчас даже сколько месяцев длилась эта война, но она затянулась далеко, значит, на всю зиму, но тогда уже был решен вопрос о том, что может быть, Карельский перешеек обойти и, может быть, ударить, значит, там вот где-то

у Ладожского озера, одним словом, севернее, там, видимо, у них укреплений нет и оттуда вроде с севера зайти. Но когда попытались сделать это, так там еще создались более сложные условия, потому что финны — это люди севера, спортсмены, прекрасно, так сказать, держатся на льдах, и поэтому наши войска столкнулись с льжниками, которые очень подвижны, значит, и вооружены они были тоже хорошо, они были вооружены автоматическим оружием, значит. Поэтому огнестрельность, значит, довольно высокая, значит, скорострельность, значит... И нанесли ...

Тогда был решен вопрос о том, что наши войска поставить на льжи, но это же не так легко ... на льжи было почти невозможно. Поэтому, значит, хватались тогда за физкультурников. Но их не так много. Но их набрали. Я помню, взяли их с Москвы, с Украины, с Ленинграда. Тогда мы провожали. Но тоже, так сказать, тогда была такая уверенность, ну, наши физкультурники придут ... И они, бедняги, сгорели там ... Поехали с большим подъемом, значит, но я не знаю, сколько их вернулось.

Тогда, значит, Сталин очень негодовал, значит, что вот мы ... Военные объясняли, что они не знали о создании этих укрепле-

ний, которые были созданы на Карельском перешейке, это называлась линия Маннергейма, по-моему, у финнов ... И поэтому, значит, стали обвинять разведку, значит, ... Но все это уперлось главное обвинение к Ворошилову, он Нарком обороны, и это действительно, уж если за поражение военное, которое мы терпели, так обвинять больше, собственно, и некого было, что это Ворошилов, значит, виноват, значит, что он не предусмотрел, а он, так сказать, принимал участие, разрабатывали планы и прочее.

Решал вопросы военные тогда Ворошилов, значит. И вот, значит, это было страшное время. Оно страшное было по потерям, но еще страшнее оно было по перспективе, значит. Наш флот морской действовал против финского флота. Но, казалось бы, соотношение, видимо, должно быть совершенно не в пользу финнов, значит. Но наш флот плохо действовал. И я помню, значит, когда-то я приехал с Украины, то у Сталина ... и докладывали, что какой-то корабль шел, значит, финский или шведский, значит, но наши не опознали его и ... Одним словом, наша подводная лодка пыталась потопить этот корабль, значит. Но она этого не могла сделать, значит.

Немцы это наблюдали якобы. И они ви-

дели. И потом немцы вроде, так сказать, ну, уколоть, видимо, нас, значит ... а оказать вроде помощь там, что же у вас так плохо, что вы даже не могли это ... что ж это вы, может быть вам требуется с нашей стороны какая-нибудь помощь, значит, да.

Можете себе представить, это будущий наш враг номер один, когда нас он оценивает, что мы ... ну, давайте, просто отбросим, значит, всякие права и юридические и моральные, но уж если мы ... началась война, так война и есть, она ведется военными средствами, и, следовательно, используется все с тем, чтобы в кратчайший срок решить задачу, которая поставлена перед военными силами.

А мы ее решить не можем. И Гитлер нам предлагает, так тут намекает, что он может кое в чем здесь, может быть, помочь, если нам, значит ... А это, собственно, ну, приковать наше внимание, что он понимает наше бессилие, что это ... этого он как раз и хочет, чтоб мы еще признали, приняли, значит, советы или помощь какую-то, значит, да ...

Одним словом, это уже нарастала тревога. Еще она не такая глубокая была тревога, но уже нарастала. Уже, так сказать, ореол, так сказать, непобедимости нашей армии, что если завтра война, мы сегодня к похо-

ду готовы, и что решать ... это, так сказать, было уже ... заронены семена сомнения, что если мы с финнами не можем справиться, так вероятный противник у нас более сильный. С ним надо справляться, так как же мы тогда с ним будем справляться, значит?

Ну, одним словом, был освобожден Ворошилов, значит. Ну, и это не сразу ... Было такое, значит ... Я не помню, кто командующим был ... Но я помню только одно, что вдруг, значит, мне Тимошенко, маршал Тимошенко, он тогда еще, по-моему, не был маршалом, был генерал, значит, пришел и говорит: меня вызывают в Москву. Наверно, говорит, я ... Наверно, ему намекнули или прямо сказали, что, наверно, я поеду на финский фронт, значит.

И Тимошенко уехал, значит. Потом было, по-моему, поручение, я не знаю, как было оформлено, но, по-моему, Тимошенко не был освобожден от командующего ... от обязанностей командующего киевского военного округа, он стал командовать войсками на Карельском перешейке, значит.

Но, тут и Тимошенко, значит, видимо, вкладывал ... внес свой вклад, значит, и опыт, который уже накопили, значит. Одним словом, решили все-таки, значит, что главный

удар наносить не с севера, как решили, в обход, значит, а в лоб бить. Надо разбить укрепления на Карельском перешейке и тем самым, так, сказать, решить войну с финнами, значит.

Я помню, Сталин и с горечью, и с грустью, и ... и с иронией рассказывал, значит, как протекала война на этом ... на севере ... Финляндии. Вот, говорит, идут — снега, глубокие — идут войска наши. В частях, говорит, было много украинцев, значит. Ну идут они, воинственно настроены, говорит, но ... Где она, говорит, тут хвыля — он так любил, значит, украинский, так сказать ... — где она тут хвыля, хвыля, значит ... И идут себе. Вдруг очереди с автоматического оружия, и падают наши люди, значит...

А финны, говорит, избрали такую тактику: это леса, поэтому он забирался на сосну, прикрытый ветками, в белом балахоне, совершенно незаметен, и подходит в упор, расстреливает он с этих деревьев, значит, и их ... и даже не мерит ... Тогда уже украинцы: где воны эти кукушки, их, этих финнов прозвали кукушки, как кукушки — сидит на дереве и оттуда ведет огонь.

Ну, с этими кукушками потом была специальная борьба, тренировали наших, видимо, против этих кукушек. Но это все, зна-

ете, время, и эта учеба давалась ... стояла большой крови нам. Ну, потом началась вот операция ... пересмотрели тактику, значит, лобовым ударом, значит. И сосредоточили ... а мы могли это, почему это сразу не сделали, уж вот спрашивается вопрос, значит, сосредоточили нужное количество артиллерии, самолеты, значит, так сказать, войска, пехоту, значит, все, что нужно для решения этого вопроса, и организовали удар, значит. Командовал, по-моему, Тимошенко. И пробили, разбили доты... против артиллерии ничто не может устоять, это вопрос калибра и количества, значит, артиллерии, значит.

Разбили, самолеты тогда ... но тоже очень характерно; потом Сталин говорил, значит, ну, наша авиация ... задание было, ну, вот, преградить финнам подвоз к фронту боеприпасов там, и всего, значит. То есть вывести из строя железные дороги, разбомбить мосты, тактически, конечно, это правильно, и расстрелять паровозы, значит, с самолетов. Ну, столько мостов там разбили, говорит, столько паровозов вывели из строя, что казалось бы, что теперь уже финны только на лыжах остались, потому что у финнов лыж ... потому что каждый финн имеет лыжи, значит, все, значит.

Но когда было решено ... вопрос, и фин-

ны попросили, так сказать, перемирия и вошли в переговоры, значит, и договорились, значит, о прекращении войны, значит, а потом подписали мирный договор, там, значит, что-то, я не знаю, насколько, на 25 километров, что ли, или больше отошли.

... Одним словом, война кончилась с финнами. Мир был подписан. И ... ну ... тогда стали анализировать причины, почему так получилось, почему так были мы плохо подготовлены, почему стоило таких больших жертв. Я не знаю, сколько тысяч легло там наших, но я думаю, что очень много. Я знаю, значит, тогда военные ... и Тимошенко приехал мне докладывал тогда, рассказывал, значит, и потом, значит, после, когда выявил штаб ... не была ... разведка наша была плохая, поэтому она не доложила, поэтому мы, так сказать, не знали, что ...

Все это оказывалось ложью. Разведка наша оказалась на должной высоте, и все, так сказать, доты этой линии, в которой были построены финнами, значит, линия Маннергейма, все были известны, нанесены были на карту. Поэтому, видимо, когда готовили операцию, то не было этих людей, готовивших операцию, значит, не знали о них ... допустили такое ... не посмотрели, не проверяли, не проверили они этих вот ... этих разве-

дивательных ... А это я даже себе не представляю, как это могло быть? Как? Потому что это святая святых, когда разрабатывается операция, то прежде всего берется и изучается местность, на которой будут развернуты военные операции. А, следовательно, если местность, так что на этой местности?

А это же не просто местность, а это укрепленный район, значит, это же сколько лет все это строили там эти укрепления. И это гранитные укрепления. Там естественные укрепления очень хорошие, ведь это же перешеек. Там много болот, там мало дорог, там, значит, очень местность такая, трудно ... труднодоступная для транспорта. Поэтому легко, значит, можно построить оборону, значит. Тем более, значит, там на месте, значит, и лес, и гранит, и все, что нужно для строительства обороны, вооружение. И финны это хорошо использовали, как мне говорили, значит.

И поэтому нам стоило большой крови, больших тысяч людей. Но я бы сказал, что финская война, она нам стоила, может быть, даже миллионы жизней. Почему я так думаю? Потому что если бы у нас — или бы финнов не трогали, договорились как-то без войны, но это, видимо, трудно, потому что слишком были озлоблены и эти ... финские были ... Маннергейм тогда был прези-

дентом, и Таннор, по-моему, тогда Таннор был премьер-министром, это ... это большой враг наш, социал-демократ, значит, но большой враг Советского Союза и враг нашей марксистско-ленинской идеологии, значит. И он так ... и ... и до самой смерти остался нашим непримиримым врагом и после большой, второй мировой войны, и после разгрома Финляндии нашими войсками, уже, когда финны вместе с немцами отдали свою землю под плацдарм немецкий для наступления против Советского Союза, когда Гитлер напал на Советский Союз, значит.

Ну, вот такая ситуация. Но Гитлер сделал для себя, видимо, это я гадаю, но оно тут гадать не требуется, так сказать, больших усилий, что Гитлер, видимо, смекнул тогда, что если Советский Союз еле-еле справился с Финляндией, с которой бы я расправился, как он, наверно, так сказать, похвалялся в своем кругу, так сказать, за несколько часов, значит, что столько крови потребовалось и столько времени, и так они неумело пользовались даже своим подводным флотом против обезоруженных торговых судов, потопить их не могли, то что останется от Советского Союза, если двинутся немецкие войска, вышколенные, организованные, имея командиров хороших, имея тех-

нику богатую и ... и.... и большие массы войск, значит.

Он поэтому и считал, что он расправится с Россией в два счета. И вот отсюда, так сказать, и планы ... и план Барбаросса, там у него, кажется, Барбаросса, да, значит ... и молниеносная война. Она основывалась на самоуверенности, и эта самоуверенность оказалась, так сказать, на высоте, которая не оправдалась в конечном итоге, значит... действительность эту самоуверенность. Но питала эту самоуверенность, я считаю, в большой степени злополучная, неудачно проведенная финская кампания. Вот видите ... Это ... я думаю, что если бы это ... если бы мы провели по-другому эту кампанию, если мы ее начали, как нужно было, как мы могли провести, значит, имея такое соотношение сил, которое каждому, как говорится, ребенку ясно — Финляндия и Советский Союз ... И тут вдруг мы, колосс, оказались слабыми перед маленькой страной, перед маленькой армией, значит, да...

Это, естественно, наших зоологических врагов, какими являлись фашисты, нацисты немецкие, Гитлер, глава этих ... этой оголтелой банды, естественно, это его не осаждало в его, так сказать, рассуждениях военных против, а наоборот, это подкрепляло его и вдохнов-

ляло, что он решит эту задачу и обязательно решит, и решит он ее быстро и малой кровью тоже.

Поэтому вот и был разработан такой план, потому что они, видимо, безусловно, военные, они же, так сказать, операции все изучаются, значит, в академии, значит, все операции, которые были проведены интересные в истории войн. И немцы, конечно, эту нашу операцию военную с финнами они уж ее досконально изучили эту операцию, и все слабости наши были вскрыты, и противопоставлены этим слабостям сила и умение, и организованность немецких войск.

Договор с Гитлером

...А сейчас все горе-историки на всех языках лепечут, что Гитлер — мерзавец и что он неожиданно обманул нас и напал на нас. Конечно, это глупый аргумент, потому что я не знаю, на какое понимание, если это серьезные люди, они могут рассчитывать, что Гитлер нас обманул, потому что он ведь, только как пришел к руководству, еще и создал партию, так он написал программную свою книгу "Майн Кампф", где он главной целью поставил борьбу с коммунизмом и уничто-

жение Советского Союза. Поэтому обмана здесь никакого не было, а здесь была игра дипломатическая, и потом он достиг своей цели и запутал Сталина.

* * *

Воссоединение Украины и Белоруссии, и вхождение в состав прибалтийских государств в состав советского государства, это, конечно, в народе советском тогда воспринято правильно, это было народное ... всенародное торжество, идей марксистско-ленинских, руководства Сталина, мудрости Сталина и прочее, и прочее, и прочее ... И в этом, так сказать, тут ... мы тогда, ну, как говорится, безоговорочно стояли на этих позициях, значит, и прославляли имя Сталина, прославляли его, так сказать, прозорливость, его государственность, его, так сказать, заботу о государстве и умение решать вопросы, которые, значит, нужно было решать с тем, чтобы укреплять советское государство и создавать еще большую неприступность наших советских границ.

И, шутка ли сказать, тогда взглянуть, значит, на карту, что мы выходили к Балтийскому морю, значит, вышли к Балтийскому морю, мы перенесли эти границы —

были очень близко к Киеву, западные с Польшей. мы их перенесли, значит, значительно западнее, значит. Ну, что мы договорились с Польшей, то есть это с немцами и заключили пакт о ненападении — это, я думаю, абсолютное большинство партии воспринимало как тактический шаг, потому что и это было правильное понимание, хотя мы об этом не ... не могли говорить и не говорили публично, даже, по-моему, на собраниях не говорили об этом, значит, а ... но люди понимали и не могли допустить, чтобы у нас, у коммунистов, которым ... чтобы мы, так сказать, как-то вошли в такой союз душевный, я уж не говорю, что идеи наши противоположны, значит, с фашистскими ... пониманием, значит, значит... Но чтоб у нас были какие-то ... договоренность так, значит, ну, хотя бы, ну, о мирном сосуществовании, о возможности мирного сосуществования с Гитлером. С немцами реально, но с Гитлером это было невозможно, потому что его книга "Моя борьба" она, значит, сразу говорила не о сосуществовании с нами, а об уничтожении нас. Поэтому не может Гитлер вдруг проснуться когда-то перед тридцать ... в тридцать девятом году перед августом ... как двадцать третьего августа, когда он Риббентроппа послал в Москву, что он вдруг, так сказать, переродился.

Нет, он остался Гитлером со всеми, так сказать, его пониманием, значит, и его роли, как он, так сказать, отводил для себя роль, значит, завоевателя и покорителя и ... и ... и освобождения народов от коммунизма и от большевизма и прочее. Поэтому он очень ... эта сторона у нас оставалась, значит, но тогда, если мы так решили, если Гитлер пошел с нами, значит, это тоже, так сказать, удовлетворяло такое самолюбие и честолюбие, что, значит, мы настолько сильны, что Гитлер вот не напал на нас, а пошел с нами на договоренность, заключил пакт и, следовательно, значит, мы люди — понимали, но хотели бы, чтобы это ... чтобы не было войны, значит, да.

И торжествовали, торжествовали. Но правительство — понимание было другое. И не обманывали себя. Я уже говорил о Сталине, что тот сказал, когда подписали договор, что мы вот приехали с охотой, значит, с Булганиным и Маленковым, значит, и потом к Сталину. По-моему, не ... тогда нет, я извиняюсь, тогда еще Маленков и Сталин не ездили, так сказать, на дачу к этому ... потому что они занимали другое положение. Я приехал. значит, Ворошилов приехал и другие члены этого ... президиума приехали, значит, и я, значит, ... и Берия, конечно, был. Бе-

рия уже проложил дорожку ... Центрального Комитета Грузии, тут уже как грузин он ...

Хотя в это время он, так сказать, по такому нашему уставному положению в партии он еще был только член ЦК, он еще не был ни кандидатом, ни тем более членом Политбюро. Это он уже стал во время войны, большой войны, значит ... А... ну, тогда он уже ходил, он был там, значит.

И на ... Сталин тогда говорил, он ... я помню, как он ... вот ... обманул, он на свою персону ... "вот обманул ... обманул", что вот подписал договор, значит.

И Гитлер считал, что раз подписал договор, то, следовательно, война начнется. И война эта, значит, она минет нас на какой-то период времени, что начнется война между Германией, Францией и Англией, возможно, Америка будет втянута, мы будем иметь возможность, так сказать, быть нейтральным. Следовательно, сохранять мощь, сохранять силы и прочее, значит. А потом идти, когда будет дело видно.

Ну, я думаю, что это ... такое заявление "когда будет видно", оно предопределяло, конечно, что мы, видимо, не будем нейтральны, так сказать, до истечения, так сказать, этой войны, значит, а, видимо, на каком-то этапе мы были бы все равно вынуждены включиться в эту войну, значит.

Ну, это так сказать, рассуждения сейчас о будущем и понимания, значит, с позиций того времени, значит.

Я не помню и месяца, и числа, но помню, что я в это время был в Москве, приехал с Киева. Ну, когда я приезжал из Киева, то всегда почти, редко я имел возможность располагать своим временем, а чаще всего сейчас же я имел звонок от Сталина, чтоб я приезжал.

Я приезжал, значит, другой раз один я заставлял Сталина, и поэтому тогда было легче обмениваться мнениями и особенно излагать свои взгляды и свои нужды, которые я привозил всегда, значит, с Украины для Украины, значит. А ... а чаще всего, когда я приезжал, то там уже обязательно бывал Молотов, Ворошилов, Каганович. Ну, а Жданов не всегда бывал, он в то время был секретарем ленинградского обкома, поэтому редко он бывал, значит. Но когда Жданов был, то Жданов всегда, когда он бывал в Москве, то он тоже, так сказать, приглашался и был вот ... Реже, но Берия бывал, значит, там и Каганович. Каганович чаще бывал, значит. А вот ... ну, кто еще тогда из членов был: Микоян, конечно, Микоян всегда бывал, значит. Вот этот круг людей, значит.

Я помню, еще Молотов, когда-то я тоже, приехавши с Украины, был у Сталина, Молотов пришел, и он рассказывал, что он вызывал Шулленберга. Шулленберг — это посол Германии был, значит, вот ... И Шулленберг, как история показала, был большой сторонник мирных отношений и укрепления мирных взаимоотношений Германии с Советским Союзом. Он был решительный противник войны Германии против Советского Союза, и поэтому Гитлер его повесил, значит, когда заговор был против Гитлера в 44-м году, то в этом заговоре Шулленберг тоже был, значит ... И он был повешен Гитлером.

Но вот, это я говорю, значит, о Шулленберге. Одним словом, Молотов еще до этого, когда ... до 23-го августа ... когда-то вызвал Молотова ... Молотов вызвал Шулленберга, с ним какие-то вопросы решал, значит, уже вытекающие из договора, и Шулленберг буквально, так сказать, ну, сиял, что договорились, чтобы не было войны, что вот о ненападении, о дружбе, значит. И он, значит, Шулленберг что-то говорил: сам бог, говорит, нам помог, сам бог помог, значит ... Ну вот, Молотов рассказал.

Правда, тогда мы относились к этому, что это игра была. Но потом история показала, что это действительно были искренние настроения и понимание необходимости строить отношения Германии с Советским Союзом на мирной основе, а не на военной, значит. И в результате такого понимания, значит, и такого стремления Шулленберга, он, видимо, выражал это и, видимо, и докладывал в свое время, значит, свое мнение, безусловно, Гитлеру. И когда этот заговор, он тоже был вовлечен в него, и Гитлер заговор потерпел, значит ... и в числе казненных был и Шулленберг.

О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Я хочу говорить о начале войны. Много официальных точек зрения на этот счет имеется, и главенствующая точка зрения говорит о том, что война началась неожиданно, что это было вероломство со стороны Гитлера и что мы не были подготовлены и в результате этого вероломства Гитлер использовал внезапность и таким образом добился на первых порах, в первые годы войны, больших результатов. Так ли это?

Это не так, это искаженно подается. Во-первых, если есть люди, которые могут поверить в эту гипотезу, то, следовательно, руководство Советского Союза не понимало простых вещей, не понимало того, что ... ведь Гитлер еще до прихода к власти написал так называемую книгу "Майн Кампф", в которой ясно изложил свои цели по уничтожению Советского Союза, уничтожению коммунизма и чуть ли не поголовному уничтожению славянских народов, значительное уничтожение славянских народов. Поэтому нельзя считать, что это была неожиданность; кроме того, я еще пока живой свидетель этих

событий и человек, который близко стоял к Сталину, который знал его настроение и его понимание. А Сталин считал, что он обманет Гитлера заключением договора 1939 года и таким образом отведет первый удар от Советского Союза и толкнет Германию на западные державы. Он думал, что он создаст условия для Советского Союза более благоприятные, если Советскому Союзу придется участвовать в войне, которая уже нависла над миром. А Сталин имел в виду, что придется участвовать, и я тоже считаю, что эта война была неизбежна. Сталин думал, что тем самым Советскому Союзу будет предоставлена возможность выбора, когда, в какой момент выгоднее для Советского Союза включиться в эту войну, следовательно, никакой неожиданности, никакого особого вероломства не было, потому что война, которая началась, была обусловлена договором, который был подписан Риббентропом и Молотовым 23-го августа 1941 года. Ну, вероломство было в том, что Советский Союз заключил с Германией договор о дружбе и ненападении, но эта формулировка была или для младенцев или для глупцов, потому что уж слишком различны были стороны, которые подписывали этот договор, поэтому в договоре было записано одно, а каждый понимал эти записи по-своему.

Я уже говорил, как Сталин воспринимал этот договор. Он буквально ходил гоголем. Он ходил, задравши нос, и буквально говорил: "Надул Гитлера, надул Гитлера".

Следовательно, это говорит о том, что Сталин правильно понимал и оценивал тогда значение этого договора: здесь была игра, кто кого обманет, кто кого надует, но это продолжалось до того времени, пока Советский Союз не вступил в борьбу с Финляндией. Когда удачно был решен, согласно договору, вопрос с Эстонией, Латвией и Литвой, потому что эти страны не оказали вооруженного сопротивления и согласились на требования, которые были предъявлены со стороны Советского Союза, и события развивались в направлении, желаемом для Советского Союза. Но когда очередь наступила для Финляндии, то Финляндия категорически отвергла требования, которые были предъявлены Советским Союзом. И тогда назрел вопрос у Сталина, что надо решить вопрос силой, т.е. войной. Я отлично все это помню и знаю, я уже диктовал, что я был у Сталина буквально в день и час, когда прогремел выстрел по Финляндии с нашей стороны.

Немцы [наше поражение в Финляндии] наблюдали, и я помню, как-то Сталин сказал, что посол Фон Шулленберг передал от Гитлера, что, мол, если вы в затруднениях в борьбе против финнов на Балтийском море — и показал конкретный случай, когда наши подводные лодки действовали против флота, против корабля, даже невооруженного, и плохо очень действовали — то немцы готовы оказать содействие. Сталин это отверг, но Сталин буквально пришел в уныние, и не только Сталин; он сразу, образно выражаясь, посерел, потому что увидел, как плохо подготовлена наша Советская Армия, а эта песня "Если завтра война, если завтра в поход ...", эта формулировка песенная оказалась полностью несостоятельной. Мы начали войну против маленького противника из всех возможных противников, и наши доблестные воины сложили много голов и еле-еле справились с задачей, которая была поставлена. После этого Сталин буквально перетрусил, он оценил в результате войны с Финляндией, что наша армия слабая, что наш командный состав слаб и что и в вооружении мы слабы. Финские солдаты были вооружены скорострельным оружием, автоматами, а мы винтовками пятизарядными. А

у нас были предложения до войны о создании ручных, скорострельных, автоматических, автоматического оружия, но Сталин это забраковал, потому что большой расход оружия, большой расход боеприпасов, что это оружие ближнего боя и что это оружие неприцельное и прочее, оказалось, что такая точка неосостоятельная. И действительно оказалось, что это оружие ППШ, автомат, — недалекобойное и неприцельное, но оно много давало огня при атаках и при ближнем бое; и тот солдат, который был вооружен этим оружием, имел преимущество перед солдатом, вооруженным классической винтовкой, трехлинейной. И после этого, после войны с Финляндией, после заключения мирного договора Сталин буквально дрожал перед Гитлером; он, видимо, пришел к выводу, что наша армия не может противостоять гитлеровской армии, поэтому он все сделал для того, чтобы угодить Гитлеру, пунктуально выполнял договор; а выполнение договора — это поставка тех материалов, которые предусматривались при подписании договора, это хлеб, и я не знаю, что еще было.

Ведь порядок был такой: я был членом Политбюро, но этот вопрос конкретно не обсуждался, и я этого договора не видел конкретно; я думаю, что, кроме Молотова

и Сталина, никто этого договора не видел, и кроме, конечно, чиновников иностранных дел, которые были к этому договору непосредственно причастны.

Сталин боялся и поэтому пунктуально выполнял, он буквально дрожал и требовал ото всех выполнения с тем, чтобы не показать себя перед Гитлером, что он не выполняет взятых на себя обязательств.

Главная причина, из-за которой наша армия плохо справлялась и терпела поражение и в Финляндии, и в первый год войны, даже в первые годы войны, 1941-42 годы, во-первых, был истреблен командный состав, как высший и средний, так и низший; люди были выдвинуты новые, которые не были подготовлены достаточно, да и не обладали теми качествами, которыми обладали командиры и особенно высший командный состав, который был отобран в Гражданской войне и в период многих лет строительства армии. Я имею в виду в первую очередь Тухачевского и Якира, Корка и многих других, вплоть до командиров рот. Эти люди были в большинстве своем истреблены, а восстанавливать кадры — не такое легкое дело, для этого требуется время и опыт, а это опять же время. Пришли к руководству после Тухачевского, Гамарника и других, которые тог-

да возглавляли Красную Армию, пришли люди, которые были ниже как и по своему культурному уровню, так и по уровню своей специальной подготовки. Это было вполне понятно, если посмотреть, кто тогда занимал какие посты. И вот, например, Тухачевский 26 лет командовал Западным фронтом; если взять Егорова — это старый царский полковник, который имел и достаточно военных знаний, и большой опыт, он командовал Южным фронтом во время гражданской войны. Да и другие: Эдельман, Корк и другие — все были арестованы. Эти люди были, безусловно, честны и преданы своему народу и партии, они были ниже по своим качествам и по подготовке, и по культуре; там получился какой-то естественный отбор в результате первой мировой войны и потом гражданской, которые сделали отбор и расставляли кадры; быстро тогда окрепла Красная Армия.

После расстрела руководства, если брать Наркомат Обороны, возглавлял Ворошилов; но Ворошилов, если так говорить, и в военном отношении, и по другим своим данным был человек, который не соответствовал своему назначению, он мало понимал; если взять Ворошилова и Буденного, они сыграли большую роль в гражданскую войну, но

это же кавалерия. Тогда были особые условия войны, и они там проявили и свое понимание, и умение, и свою храбрость. А готовиться к классической, которую навязал Гитлер против Советского Союза и всех стран мира, она требовала более глубоких знаний и более солидной подготовки и в материальном отношении, и в учебном, когда сколачивают армию, правильное воспитание армии.

Конечно, Ворошилов это сделать не мог, тогда в руководстве, я на одном заседании был, меня на это заседание пригласил Тимошенко, когда мы приехали в Москву, он по своим делам в Военный Совет, а я по своим в ЦК, он меня попросил, чтобы я присутствовал на одном из заседаний. Я, по-моему, об этом уже записывал. Я упирался, не хотел идти, потому что считал, что мне там делать нечего. К этим делам Сталин очень ревниво относился, если кто-нибудь из членов Политбюро, как он говорил, влезал в военные дела. Он считал, что это дело военных и только военных. Ну, Тимошенко доказывал мне, что там наши военные вопросы стоят, вопросы Киевского военного округа, и я как член Военного Совета, он просил меня, чтобы я присутствовал и посмотрел, как решаются эти вопросы, и я в конце концов согласился.

На этом заседании председательствовал Нарком Ворошилов. ... Там были главные пер-

соны Кулик, Мехлис, Штеменко и Ворошилов, как председатель, и другие. Я не помню, кто был начальником Генерального Штаба, я не припомню фамилии этого начальника Генерального Штаба, хотя я его хорошо знал, стареет память, ничего не поделаешь. Это был старый военный еще с царских времен, он перешел на сторону Красной Армии и был командиром, он пользуется большим уважением и высокой репутацией как военный человек. Но дело в том, что эти люди не решали военных вопросов, а главные были — это Ворошилов. Меньшее влияние имел на решение военных вопросов Мехлис; с его энергией, с его пробойной силой и с его большим удельным весом, который он имел в глазах Сталина; Штеменко, который тоже считался человеком, он действительно был честным человеком, но это был сумасшедший человек; Кулик тоже честный человек, но он был глуп, и я не знаю, по-моему, он совершенно был не подготовлен к той роли, которую он должен был играть. Поэтому на том заседании, на которое я попал из-за настойчивости Тимошенко, я думаю, Тимошенко и хотел, чтобы я посмотрел, что это за спектакль, который проводился под руководством Ворошилова. Я просто не знаю, с чем это можно было сравнить, потому что это были люди,

которые не признавали друг друга, каждый по-своему горячился, кричал, стучал кулаком, Ворошилов отвечал тем же самым, и вопросы не решались.

Таким образом, наша армия оказалась плохо подготовленной, потому что она была в плохих руках: у людей, достойных по политическому доверию, но ничтожных по своему умению заниматься восстановлением и подготовкой армии в организационном отношении и вооружении, которое также необходимо для армии, чтобы она была обеспечена всем необходимым, когда начнется война.

Вот, собственно, это главная причина, и она сказалась на состоянии нашей армии. И Сталин, видимо, понял, потому что он сразу же заменил Ворошилова или после войны с Финляндией, или в процессе и назначил Тимошенко. Это было лучшее, но, конечно, не то, что могло бы быть, если бы не были расстреляны маршалы, как Тухачевский, Якир и другие. Это был даже не второй сорт, а какой-то сорт, но все-таки это было лучше, чем Ворошилов, такое мое мнение. О Ворошилове много песен сложено, а некоторые поют и сейчас, это заслуженно только частично. А потом, это были придворные поэты, поэты и музыканты, которые писали это за

плату и хорошую плату, слагали песни и обучали Красную Армию превозносить Ворошилова и, главным образом, Ворошилова; ...

В чем была главная ошибка Сталина? Я беру Сталина, потому что за редким исключением он всегда определял политику Советского Союза во всех направлениях и прежде всего в военном и промышленном. А ошибка его заключалась в том, что Сталин, когда был заключен договор с Гитлером и война уже началась, она была определена и даже число было точное: война Гитлера против Польши начнется 1-го сентября 1939 года, и мы тоже должны были вступить в это время. Но Советская Армия вступила позже, но эта затяжка была уже тактического и политического характера сделана Сталиным. Я не скажу, что это было неправильно сделано, для того, чтобы выставить Гитлера перед всем миром как агрессора, это фактически было сделано правильно; Гитлер упрекал Сталина, почему он не действовал согласно договору. Но Сталин не сделал основного: надо было бы после подписания мирного договора переводить промышленность на военное производство, уже надо было готовиться на военный период. Если бы мы это сделали, то мы были бы вооружены значительно лучше и по танкам, и по артиллерии, и по

пулеметам, а тогда у нас даже винтовок не было, даже винтовок не было ... Я просил, чтобы дали винтовки для Киевского Военного Округа, мне тогда Маленков отвечал [что винтовок нет] .

* * *

Ну, Генеральный Штаб, он разрабатывал планы и он виноват. Но кто руководил этим Генеральным Штабом? Ворошилов. Так что если конкретно говорить, то был виноват Ворошилов, но главный виновник был, конечно, Сталин. Почему? Во-первых, потому что он поставил людей возглавлять Советскую Армию; я уже перечислял, эти люди были неспособны. Кулик оказался совершенно неспособным для выполнения своих обязанностей; я в 1940 или 1941 году Сталину даже об этом сказал, что Кулик не производит впечатления человека, который справляется со своими обязанностями и действительно обеспечивает потребности советской армии в вооружении, а он занимался артиллерийским и всем вооружением. Сталин тогда на меня гаркнул, что я ничего не знаю, что Сталин его знает по Царицыну, что он так-то командовал артиллерией и он такой-то артиллерист, и все это Сталин говорил правильно:

Кулик был артиллерист и как офицер старой царской армии умел стрелять из пушек, но совсем другое дело заниматься артиллерийским обеспечением всей Советской Армии — для этого у него не хватало, и армия в первые дни войны оказалась без пулеметов, и особенно у нас совсем не было зенитных пулеметов и не было достаточного количества всего вооружения ...

* * *

И страна оказалась не мобилизована в первые дни войны, и это тоже был просчет Генерального Штаба и Сталина, потому что Гитлер не внезапно напал: было уже скопление войск на советских границах, и оно продолжалось довольно значительное время, и мы это видели, информацию получали и докладывали Сталину. Я сам лично об этом Сталину говорил, что военные говорят, что немцы стягивают войска к нашей границе, летают над нашей территорией, что мы, наконец, посадили немецкий самолет и захватили летчика в районе города Тернополя. Одним словом, какие еще могли быть более наглые признаки того, что Гитлер готовится к войне, кроме тех, которыми мы располагали и о которых Сталин знал.

И несмотря на это, Сталин настолько был запуган Гитлером, а напуганность эта от неуверенности в силы Советской Армии, что если война будет навязана, то мы сможем остановить и разгромить противника. Поэтому он шел по линии убления Гитлера с тем, что мы можем быть не плохими союзниками, даже хорошими союзниками, а потому что у Сталина была такая трусливость и неуверенность. И доказательство то, что когда уже началась война, когда Гитлер открыл огонь по нашим войскам и по нашим границам, когда бомбардировщики немецкие бомбили наши города, бомбили Киев, я в это время находился в ЦК, я с утра пришел в ЦК и получил предупреждение, что в три ночи начнется война, и я уже не уходил домой, я ждал этих трех часов, ждал начала войны.

То, что мы могли сделать, мы сделали, т.е. войска наши, которые располагались, были соответственно стянуты и поставлены на границы, командующий Киевским Военным Округом находился на командном пункте в районе Тернополя, с ним находился оперативный штаб. Там был Баграмян, начальник оперативного отдела, начальник штаба Киевского Военного Округа находился в Киеве, и он мне как раз и докладывал о том документе, который был

получен, что в три часа ночи начнется наступление на Советский Союз.

Собственно, все было известно и предупреждено, и, несмотря на это, когда началась бомбежка, Сталин сказал, что не надо отвечать огнем, что это какая-то провокация местная, у местного командования, что Гитлер не нарушит данного слова, в договоре записанного. Это уже противоречит собственному мнению Сталина, которое я услышал 23-го августа 1939 года, когда был подписан договор и Сталин говорил, что он надул, обманул Гитлера, что Гитлер сосредоточит на Западе сначала силы, а мы будем в стороне, будем иметь возможность выбрать время, если создастся ситуация, которая требует вступления нашей страны в войну. И при таком его заявлении в 1939 году вдруг, когда был открыт артиллерийский огонь по нашим войскам, он сказал, чтобы не отвечали огнем. Это говорит о том, что он абсолютно потерял веру в народ, потерял веру в его силы, потерял уверенность, что страна наша выстоит нападение. Ведь он такое заявление сделал в первые дни войны, когда разгромлена была наша техника, наша авиация на Белорусском фронте, и немцы пере-

шли в наступление; он тогда сказал, что Ленин создал нам государство, а мы его просрали.

* * *

Когда меня вызвал Сталин в Москву — это было или в августе или даже в конце июля — мы уже тогда отошли к Киеву. Когда я вошел в командный пункт, а он тогда находился на улице Кирова, по-старому, в Мясницкой улице, в станции метрополитена, — то я увидел Сталина, он совершенно был деморализован. Сидел серый на кушетке, и, когда я подошел, он вяло, так сказать, ответил мне на мое приветствие, пожал мне руку, спросил, какое положение. Я ему сказал, что положение очень тяжелое, потому что мы отступаем. Он мне опять пробурчал: "Вот говорили, то есть русская смекалка, где же эта русская смекалка?" Ну, меня это просто возмутило: как это может Сталин говорить о русской смекалке, т.е. посылать упрек за неудачу, которая была на русских людей, и не только на русских, а в том числе и на украинцев и белорусов, потому что первый удар был организован против этих республик.

Как он мог бросить такой упрек, когда в этом поражении, которое терпели наши войска, виноват был Сталин; он был виноват в том, что он уничтожил кадры и не использовал всех материальных возможностей, которые были созданы трудом и потом советских людей ...

СОБЫТИЯ В ПОЛЬШЕ

Варшавское восстание

Хрущев говорит о Варшавском восстании в связи с тем, что со стороны западных стран было много обвинений, что советские войска не помогли тогда восставшим.

Я только могу высказать свои соображения на этот счет, но каких-нибудь конкретных фактов, как решался этот вопрос и, значит, насколько имели почву вот такие обвинения, которые Запад приписывал Сталину, значит, я не могу утверждать. Что они имели основания.

Предположения для противной стороны вполне достаточные были и можно было их логично обосновать, потому что если так рассматривать, значит, подошли наши войска к Варшаве . . .

Но когда наши войска подошли, и там было восстание, значит, и тогда большой шум был, что мы должны были оказать помощь, но это же война, поэтому, что значит оказать помощь; там стояли немцы, они, значит, за-

щищались, потом перед нами была такая мощная река, как Висла, значит. А поэтому это не такое легкое дело, значит, что захотел, значит, и ворвался в эту самую ... Мы подошли к Киеву, мы тоже остановились перед Днестром ...

... И мы Варшаву брали не в лоб, не прямо, так сказать, переправлялись не из Праги, значит, окраины Варшавы, а с севера, значит. На севере форсировали Вислу и обходили Варшаву.

Но я понимаю, значит, и противные стороны, что у них ... они имели возможность, значит, кое-кому вдолбить в голову, что мы сознательно не предпринимали ... Потому что, собственно, если так говорить, не в интересах наших было укреплять вот этого генерала, который поднял восстание. Потому что он потом бы воевал и против нас, значит, потому что, если мы не признали его, а мы, видимо бы, не признали, значит, так что это, инспирировал это восстание Черчилль, значит, через Миколайчика. Он хотел нас поставить, ну, так сказать, перед фактом, что мы кровь пролили, пришли в Варшаву, немцев выгнали, а в Варшаве уже польское правительство, уже Миколайчик сидит, так сказать. Ну, а уже, так сказать, устранять созданное правительство, это уже, так сказать, ослож-

нения между союзниками какие-то, если хотя бы даже трения, чего, конечно, нежелательно было бы.

Выборы в Польше

У нас уже было Люблинское правительство Польское, мы уже создали. А правительство польское было в Лондоне, значит. Возглавлял его Миколайчик. Естественно, что Запад и, главным образом, Лондон он готовил свое правительство для Польши с тем, чтобы использовать нашу технику, наши войска, нашу кровь в разгроме немцев, освободить Польшу, и чтоб Польша осталась капиталистической, и была, так сказать, прозападная, значит. С тем, чтобы, так сказать, лишить возможности построить новую, народную, социалистическую рабоче-крестьянскую Польшу на социалистических началах.

Этот замысел был у Черчилля, ну естественно, значит, замысел у Сталина, и мы все, собственно, так думали, как Сталин, в этом вопросе. И я тоже, так сказать, всем сердцем, так сказать, и душой был на ... за это, с тем, чтобы Польша была социалистическая, чтобы Польша была бы, ну, не буквально, так сказать, советская Польша по форме, но по существу чтобы она была, значит, чтоб там

верх взял рабочий класс в союзе с крестьянством. Значит, чтобы там победила ленинская политика, значит.

* * *

И действительно, после разгрома немцев пришло время, когда надо было выборы проводить. Выборы эти прошли. Миколайчик был выставлен, другие буржуазные деятели Польши были выставлены кандидатами в Сейм. Таким образом были организованы выборы, был произведен опрос населения персонально, кому они доверяют и выдвигают в руководство. Влияние Миколайчика в деревне было довольно высоко, да и не только, видимо, в деревне, а и в городах, потому что Польша тогда еще имела следы пилсудского руководства, . . .

... было большое количество людей, которые были восстановлены против Советского Союза и подписания договора с Гитлером, подписанного Риббентропом и Молотовым. Это тоже оставило нехороший след, и какая-то часть населения польского не могла понять и смириться, что, мол, Советский Союз с Гитлером решили начало войны, которая первым делом обрушилась на Польшу, на Варшаву, на польское государство, на поль-

ский народ. Поэтому выборы эти были довольно сложные, но по условиям международным, видимо, это было обусловлено как-то между лидерами советского государства, Великобритании и США на каком-то периоде, и надо было, чтобы выражено было народом свое мнение ...

И когда были эти выборы и Миколайчик получил абсолютное меньшинство, а другие партии — ПОРП и другие партии, которые шли под руководством партии на выборах, — они получили большинство, тогда поляки очень остро выдумали такую поговорку. Когда объявили результаты выборов, поляки так говорили: "Цо-то есть за шкатулка (т.е. урны избирательные), цо-то есть за шкатулка, опускали Миколайчика в эту шкатулку, а вытаскиваешь Гомулку". Тут у них и получилось и остро, политическое такое.

Следовательно, поляки тогда среди польской интеллигенции, а я считаю, она сочиняла эти острые такие поговорки, что они не верили, что выборы были объективные, что они были подтасованы коммунистами, что большинство голосовало за Миколайчика, а при подсчете голосов получилось, что большинство получил Гомулка.

... Польский народ уже устал от пилсудчины, и даже если он проявил в своем голосовании непонимание и был введен в заблуждение, а скорее всего был запуган колхозами. Даже если так было, в голосовании была выражена, значит, воля крестьян, что опускали Гомулку, а вынимали Миколайчика (*наоборот — см. выше — В.Ч.*), то это, видимо, не было у них какого-то глубокого сознательного определения своего политического лица, а это было что-то временное, и это быстро одумался крестьянин и пошел вместе под руководством Объединенной рабочей партии Польши.

Ну, и польские руководители разъяснили о том, что они колхозы не будут вводить. И действительно, нужно отдать должное, что они и сейчас еще колхозов не имеют, и крестьяне — тоже отдать надо должное — голосуют и голосуют за кандидатов, которые выставляются руководящими органами, т.е. ПОРП вместе с другими партиями, потому что в Польше сейчас существует коалиция какая-то (другие партии существуют, которые имеют единую платформу основного социалистического государства, социалистического строительства)...

О Гомулке

Я помню, в отсутствие Гомулки, когда делегация уехала, Сталин в нашем узком кругу говорил: "Вот какой человек ... я просто смотрю, не понимаю его. Он все время сидит и мне в глаза заглядывает и все время записывает все, что я скажу. Он сейчас же, блокнот лежит и карандаш, и он все записывает". Сталину, видимо, нравилось это, но у Сталина всегда было два чувства: видимо, ему нравилось, когда он замечал, что Гомулка так внимательно прислушивается к каждому его слову, поэтому, следовательно, он делал вывод, что Сталин для него, значит, авторитет, ну, так сказать, божественный авторитет и что он смотрит ему в рот, смотрит ему в глаза, значит, и ловит каждый его звук. Это, конечно, льстило ему, он человек был тщеславный, хотя умел надевать на лицо маску безразличия, а в этом безразличии выражалось божественное величие, что ему, мол, все равно, как относятся к нему. Но он изрекает истину, и истину, которая не подлежит сомнению, поэтому независимо от отношения окружающих людей — это истина и другой истины нет. Внутри-то он знал, как он под-

креплял эту истину: если кто не следовал ей, тот следовал в могилу. Это он на деле показал в 1937 и 38-м годах и в другие годы, и в войну, и после войны.

С другой стороны, когда все это записывалось, то он мог расценивать, что это подосланный человек, что это агент империализма, что он это делает по заданию, и поэтому это опасный человек, записывает он для того, чтобы информировать своих хозяев, которые им руководят.

Это, так сказать, два чувства, которые скрывались подмаской безразличия Сталина, но он, конечно, не был безразличен, и поэтому в нашем кругу говорили: "Что это за человек, не пойму его, вот так он заглядывает и каждое слово записывает..."

Хлебные поставки в Польшу

Сталин благоволил польскому руководству, и он со своей стороны, чем мог помочь Советский Союз, все это делал, и другой раз он это делал даже в ущерб Советскому Союзу. Я имею в виду, когда страшный голод был на Украине в 1946-47 годах в результате бедственного неурожая. Это жестокий год был по неурожаю, и Украина сдала все, что могла сдать, и план все-таки не выполнила,

и буквально пустые закрома были и у колхозов и у колхозников, и там был голод и даже были проявления людоедства, и это отмечалось не один и не два случая. А в это время хлеб, который взят был с Украины, посылался в Польшу. На Украине не было такой направленности против Польши, украинцы не знали этого, это знал узкий круг людей только, но я знаю это со слов Ванды Львовны Василевской; она в это время часто ездила в Варшаву и видела, как варшавяне живут и, как она выражалась: "И я посмотрела, едят они белый хлеб и ругают советское правительство, что мало дают белого хлеба, а вместо белого хлеба присылают черный хлеб. А поляки черного хлеба никогда не ели, они ругают за то, что это черный хлеб; а украинцы, чей хлеб посылается в это время в Польшу, пухнут с голоду и людоедствуют".

В этом, конечно, обвинять польское руководство и поляков нельзя, потому что поляки обращались с просьбой, им давали; они брали, и о том, что людоедство имеется на Украине, голод, они этого не знали.

Тогда этого не знали в нашей стране, этого не знают и сейчас, потому что кто же мог знать. Знал это я, как руководитель, первый секретарь ЦК и Председатель Совета Министров, знал это Сталин, знали другие, которым

я говорил. В результате того, что я эти вопросы ставил, говорил, настаивал, я попал сам в опалу. Это ничего не дало, потому что Сталин, несмотря на мое прямое обращение дать карточки и ввести карточную систему и общественное питание для крестьян, потому что они работать не могут, это тоже нашло резкое осуждение меня, что я позволил написать такую клеветническую, как он сказал, бумагу. А потом, уже весной 1947 года, когда надо было в поле выходить, тогда вынуждены были признать мою правоту и организовать общественное питание, потому что крестьяне буквально от ветра валялись, те, кто выжил, а сколько их умерло; вот такое я на этом фоне показываю, что Сталин в ущерб Украине, украинскому народу; я говорю об Украине, а такое же положение было в Молдавии.

Я помню, тогда посылали, Сталин послал Косыгина, он тогда был министром торговли, что ли, занимался вопросами карточек, и Косыгин, когда приехал, Сталину тоже доложил, что там люди голодают и страдают от дистрофии. Сталин тогда возмутился и тоже закричал на него, а потом он до самой смерти, когда встречался с ним, он говорил в шутку: "Вот мой брат-дистрофик". А Косыгин —

очень худой человек, не упитанный внешне, поэтому "вот, мой брат-дистрофик", его так тогда многие называли, в узком кругу, конечно. Сталин так говорил, а Сталину подражали, и тоже некоторые так его называли.

Вот такое положение было на Украине и в Молдавии. Было ли в других республиках что-нибудь подобное, я этого сказать не могу, но во всяком случае у нас были строгие карточки, и поэтому уж если не было голода, то и не было жирного питания, т.е. впроголодь жили, и несмотря на это, Сталин выделял средства зерновые и посылал в Польшу. И это, безусловно, я рассматривал, что Сталин это делает, желая замолить грехи, как это делают верующие, перед польским народом за соглашение с Гитлером, в результате которого был раздел Польши, да и, собственно, это какое-то, в какой-то степени наше соучастие в начале войны. Это я уже говорил и политически объяснял, как это произошло, но факты, ведь это судят по фактам; я говорю о массах людских и на основе фактов, а не на основе каких-то политических комбинаций, которые складываются и предпринимаются меры в результате таких сложившихся политических комбинаций...

О ПОМОЩИ СОЮЗНИКОВ

Я считаю, что большую роль сыграл Черчилль. Он понял нависшую угрозу над Англией, и он, ну, все делал для того, чтобы натравить немцев против Советского Союза, чтобы втянуть Советский Союз в войну против Германии. И когда Гитлер счел возможным напасть на Советский Союз и напал на него, то первый Черчилль заявил о том, что Англия считает необходимым, значит, заключить какой-то договор с тем, чтобы объединить наши военные усилия против Германии.

Хрущев говорит о том, что когда американцы остановили продвижение Японии, ясно было, что она не может напасть на Советский Союз, это было большое облегчение для СССР.

Англия и Америка все делали со своей стороны, чтобы оказать материальную помощь, я имею в виду материальную помощь всех видов, и в том числе главным образом военную и вооружением и другим обеспечением, нужным для ведения войны; и мы получили очень существенную помощь, это было, конечно, не великодушие со стороны Ан-

глии и Соединенных Штатов Америки. Это не то что они хотели помочь Советскому Союзу, народам Советского Союза, нет. Они оказывали эту помощь нам с тем, чтобы мы перемальевали живую силу общего врага.

Таким образом они нашими руками, значит, нашей кровью воевали против своих врагов, против своего врага Гитлеровской Германии, но платили нам тем, что мы могли продолжать воевать, платили нам вооружением и материалами. Это было с ихней точки зрения разумно, и это действительно было разумно. И нам это было выгодно, хотя нам очень было тяжело и очень дорогую плату мы нанесли, но мы были вынуждены это делать, брать это, потому что без этого мы воевать были бы не способны.

... Американцы и англичане, они предприняли героические усилия, чтобы нас, ну, не дать возможность нам выйти из строя, чтобы противник разгромил нас, и мы, так сказать, были бы беспомощны оказывать сопротивление.

Нам давали самолеты, нам давали автомашины, и когда я увидели автомашины, которые мы стали получать, значит, я просто, как говорится, глазам своим не верил, что вот ... И мы их получали в довольно-таки большом количестве. В каком количестве —

я сейчас не знаю. Вот этих цифр у нас нигде не опубликовано и здесь, так сказать, большой хранитель, если сейчас не материалов, так памяти — это Анастас Иванович Микоян. Потому что он, так сказать, выполнял функции представителя Советского Союза ...

Хрущев много рассуждает о том, что это нехорошо, что Сталин недостаточно признавал объем помощи союзников; он надеется, что когда-то будет все проанализировано и об этом будет сказана правда.

Вся наша артиллерия была на американской тяге. Я помню уже потом, говорил уже после смерти Сталина, я говорю, давайте мы, я говорю, сейчас все машины, которые мы, значит, производим, давайте мы дадим военным, потому что уже просто неприлично смотреть: парад идет, а тягачи — американские студебеккеры, значит, используются на Красной площади. ...

... Вот это я только хочу сейчас подчеркнуть тем самым, значит, какое количество мы получили этих машин. И представьте, если бы мы этого не получили, как бы мы наступали, как бы мы двигались от Сталинграда до Берлина, значит? Это я даже себе не представляю, значит.

Одним словом, это надо признать, значит. Это не меняет нашего положения, не меняет, значит, собственно, и отношений, сложившихся между нами, значит. Но признания, значит, со своим союзником, их вклад в войну, разгром Гитлера, они так хвастливо наши, что мы, так сказать, вот шапку вынули, значит, и мы победили, а они, так сказать, вот пришли на разбор и прочее.

* * *

Я уже в своих воспоминаниях говорил и повторяю, что вклад Америки был решающим в поставке нам материалов военного потребления для создания оружия, необходимого нашей советской армии, с тем чтобы обеспечить разгром Германии. Я уже говорил и повторяю, что каждому мало-мальски мыслящему человеку должно быть ясно, что это делалось не из любезности, не из уважения к нашему строю, к нашей политике, к нашей системе, к нашим политическим взглядам, нет, это делалось на сугубо коммерческой основе ... Мы вам даем алюминий, сталь, тушенку и прочее, а вы кровью своей платите нам, кровью, которую вы проливаете в борьбе с гитлеровской Германией. Ну, у нас были условия такие, что нам не давали выбора: чтобы выжить, мы были со-

гласны и на такие кабальные условия; и мы еще за такие условия благодарили, потому что это была, так сказать, политика.

Я не говорю, что если сложится такая ситуация, то Советский Союз может использовать противоречия между [капиталистическими] странами и, так сказать, использовать в своих интересах. Это яркая иллюстрация политики, изложенной нашим Лениным. Такая ситуация сложилась, когда Гитлер развязал мировую войну.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

... Я не помню, это к какому году относится точно, но, по-моему, кажется, к пятидесятому, когда я уже начал работать в Москве. А, видимо, еще до моего переезда с Украины в Москву приезжал Ким Ир Сен со своей делегацией и вел беседу со Сталиным. И там он поставил вопрос перед Сталиным о том, что они хотели бы прощупать, как говорится, штыком Южную Корею, и что он убежден в том, что ... там сразу, при первом же толчке из Северной Кореи внутренний взрыв произойдет в Южной Корее, и там восстановится народная власть, то есть такое ... такая же система, которая создана в Северной Корее.

Ну, естественно, что Сталин не мог, так сказать, противостоять этому, потому что это импонировало и сталинской точке зрения, его убежденности как коммуниста, и это и меня, и всех других, значит ... Тем более, это внутренний вопрос, корейский вопрос, значит, и вот Корея хочет подать руку своим братьям, которые, значит, в Южной Корее находятся под пятой Ли Сын Мана.

Но Сталин говорил, я помню, что, мол, вот Ким Ир Сен, значит, сказал, что он подумает, значит, подсчитает все, и тогда с конкретным планом он приедет. По-моему, или было уже условлено, когда он приедет, или же, как только он подготовит все свои соображения, тогда он об этом скажет. Да. Потом я, не помню, в каком это месяце и в каком году, приехал Ким Ир Сен, значит, докладывал Сталину, значит, и ... был совершенно уверен Ким Ир Сен в успехе этого дела.

Я помню, Сталин тогда выражал сомнение, значит, его беспокоило, что ввяжется ли Америка, или она пропустит это, значит, мимо ушей. И склонялись к тому, что, если это быстро будет сделано, а Ким Ир Сен был уверен, что это будет сделано быстро, то Соединенные Штаты, значит, уже исключение ... будет исключено, что они вмешаются своими вооруженными силами.

Но я помню хорошо, что Сталин все-таки решил запросить мнение Мао Цзе-Дуна, значит, вот на предложение Ким Ир Сена. Я должен заявить сейчас, что это было предложение не Сталина, а это было предложение Ким-Ир Сена, и он, так сказать, значит, инициатором был, значит. Ну, Сталин его, конечно, не сдерживал. Да я считаю, что никакой ком-

мунист не сдерживал бы, значит, в таком ... порыве, значит, освободительного движения... по освобождению Южной Кореи от Ли Сын Мана, ставленника американской реакции.

Это противоречило бы, ну, политическому и коммунистическому мировоззрению, значит. Так что я не осуждаю Сталина за это, а наоборот, я полностью на его стороне, и сам, наверно, бы тоже принял это бы решение, если бы мне, так сказать, нужно было бы решать, значит.

Мао Цзе-Дун тоже положительно ответил. И, по-моему, значит, вроде он тоже, я не знаю, кажется, я сейчас дословно не помню, как формулировал Сталин запрос, значит. Значит но, по-моему, он спрашивал его, как он относится по-существу к этой акции. И второе: вмешаются ли Соединенный Штаты или не вмешаются. По-моему, и на этот и на другой вопрос Мао Цзе-Дун ответил, значит, и одобрением, значит, предложения Ким Ир Сена, и выразил тоже мнение, что Соединенные Штаты, видимо, не вмешаются в этот ... ну, внутренний вопрос, который решается самим корейским народом, значит.

Я помню, за обедом, на даче много шутили. Ким Ир Сен рассказывал о быте южнокорейцев, значит, говорил о климате, о больших возможностях, о хороших условиях вы-

ращивания риса, рыбной ловле, ну, словом, много рассказывал хорошего о Южной Корее, и что это, значит, такое воссоединение Южной и Северной Кореи, ну, Корея станет более полноценной, и она будет, так сказать, иметь возможность обеспечить и сырьем свою промышленность, это за счет севера, и она обеспечит потребности народа за счет произрастания риса и других сельскохозяйственных культур, главным образом которые выращиваются в северной ... то есть в южной Корее. Ну, и рыбная ловля, все.

Ну, все мы, так сказать, желали успеха Ким Ир Сёну, значит, и всему руководству Северной Кореи, значит. Как говорится, ну, вот ожидали, что это успех, так сказать, будет реально завоеван. Ну, мы и до этого давали вооружение Северной Корее, и я сейчас не помню, совершенно не помню, да и это, видимо, и мы не ... безусловно, не обсуждали, какие средства вооружения были в связи с этим выделены для Северной Кореи. Мне это было неизвестно. Но я, само собой разумеется, считал, что нужное количество он получит, значит, и танков, и артиллерии, и значит, стрелкового ... стрелкового вооружения, винтовок, пулеметы, значит, минометы, значит ... значит ... и прочие средства, значит... как вооружения, значит, и ... так и инженер-

ные средства, необходимые ... И зенитные средства.

А наши воинские авиационные части были, которые прикрывали Пхеньян. Следовательно, наши войска так и остаются там, которые будут выполнять роль прикрытия, значит, столицы северного ... северной Кореи, значит.

Настал момент, значит, и началась война. И нужно сказать, что война была начата успешно. И северокорейцы очень быстро продвигались. Но все-таки то, что предполагал Ким Ир Сен, что при первых выстрелах будет внутренний подъем и будет восстание, значит, и свергнут будет Ли Сын Ман и прочее — этого, к сожалению, не произошло.

И поэтому, значит, очищение от Ли Сын Мана и его, значит, клики проходило, так сказать, путем продвижения войск Северной Кореи. Сопротивления были слабые. Это ... здесь Ким Ир Сен оказался прав, что строй был непрочный, и что он сам себя не мог обеспечить. Это говорит о том, что внутри южнокорейцев Ли Сын Мановский режим не пользовался поддержкой, значит. Он был прав, значит, и, значит ...

Но внутренних сил для восстания не хватило. Видимо, все-таки ор ... это организационно работа была поставлена слабо. А Ким

Ир Сен считал, что там, ну, в Южной Корее ... вся покрыта этими ... партийными организациями, которые ждут сигнала, и они, так сказать, поднимут народ на восстание.

Восстания не получилось, значит. Но заняли Сеул, и армия быстро продвигалась вперед, значит. Быстро и очень успешно. И мы, ну, прямо говоря, значит, я говорю, что тут все радовались и желали Ким Ир Селу успехов. Потому что это освободительная война была, значит, и потом эта война не народа против на ... другого народа, а это война была классовая. Это рабочие и крестьяне, и интеллигенция, которая шла под рукой ... под руководством партии, значит, Северной Кореи, которая стояла и стоит на социалистических началах, значит. Я не помню, как она называется сейчас, выскочило из головы, значит. Так что это прогрессивная была ... явление, значит.

Потом, значит, не хватило духу буквально, так грубо говоря, когда уже армия Ким Ир Сена подошла к Пусану, это уже, ну, последний, кажется, портовый город на юге. Его бы надо взять, значит, и война кончилась бы, значит. И таким образом была бы единая Корея, а не была бы она разделенной, и была бы, безусловно, социалистическая Корея. И более мощная, богатая, зна-

чит, промышленностью, сырьем и сельским хозяйством.

Но этого не произошло, значит. А ... и ... противник воспользовался тем, что Ли Сын Ман организовал сопротивление вот в этом Пусане, и ... а к этому времени уже были подготовлены войска для высадки десантом, значит, в Чи Муль По, и десант был высажен в Чи Муль По.

Это создалось очень тяжелое условие. Собственно, вся армия, которая была на юге, она отрезалась этим высаженным десантом, значит, и вооружение, которое там было, значит. Одним словом, настал момент катастрофический для Северной Кореи, значит. И ... и тут уже, как говорится, ну, ... значит, уже нависла катастрофа для Северной Кореи, значит.

Когда Ким Ир Сен готовился к походу, мне совершенно было непонятно, почему Сталин отозвал всех советников, которые были в дивизии, кажется, и, может быть, даже и ниже, я не знаю, были ли в полках. Но он вы ... отозвал всех советников, которые были представители советской армии, которые консультировали и помогали, так сказать, вот строить армию. А когда началась война, значит, Сталин их отозвал.

Я тогда сказал Сталину, что он очень враждебно, так сказать, реагировал на мою реплику и, значит, говорит: не надо, значит. Может быть захвачены в плен. Мы не хотим, чтобы были бы данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в этом деле. Это дело Ким Ир Сена, значит.

Таким образом, наших советников не было. Это поставило, безусловно, в тяжелые условия. И потом, когда уже ... завязались упорные бои, значит, я очень переживал, значит, и ... мы получали ... получали донесения тра ... такие, ну, трагического состояния Ким Ир Сена, значит. И мне, значит... Я очень сочувствовал Ким Ир Селу, и я тогда предложил Сталину, высказал, я говорю: товарищ Сталин, почему бы не оказать помощь более квалифицированную ... эту ... помощью в виде советов, значит, Ким Ир Селу.

Ким Ир Сен сам человек не военный, партизан, но революционер, который хочет воевать, хочет драться за свой народ, хочет освободить всю Корею, чтоб она была свободная и независимая, значит. Но, я говорю, он не военный сам. А тут война, значит, и уже... уже он вступает в войну с американскими частями, значит. А, я говорю, наш посол там, значит, был, я забыл, он умер, значит, фами-

лию его забыл, бывший секретарь ленинградского, второй секретарь, кажется, ленинградского обкома, он во время войны получил звание генерал-майора, потом, кажется, генерал-лейтенанта.

Я говорю, ну, это все-таки генерал, но он генерал не военного ... военного времени, а ... это не профессионал военный, поэтому он и не получил соответствующего военного образования, значит. Поэтому его советы — они, конечно, ни ... никак не могут ... заменить квалифицированного военного, который, так сказать, подготовлен к ведению военных операций. И я назвал, говорю, вот, я говорю, Малиновский, он же командует сейчас Дальневосточным военным округом. Почему, например, где-то не посадить Малиновского с тем, чтобы он инкогнито, но он бы разрабатывал операции и давал конкретные указания, значит, и тем самым оказывал помощь этому ... Ким Ир Сёну.

Сталин очень остро реагировал на мои замечания, значит, чтоб Малиновскому поручить, значит. Я был поражен, почему, значит, если Сталин, значит, как говорится, благословил Ким Ир Сёна и не сдержал его, значит, и вдохновлял его, значит, на этот ... на этот путь, значит, и соответствующее вооружение выдали ... было дано, значит, и ... одним

словом, мы были на стороне Ким Ир Сена, значит. Ким Ир Сен бы без помощи нашей бы не смог, значит, если ...

Помощь наша, правда, только выражалась в том, что мы ему дали вооружение, значит. Но этого было достаточно, это была решающая помощь, значит. Но если бы мы еще помощь оказали людьми, а если б мы оказали помощь людьми, значит, люди бы квалифицированно, значит, и могли бы взвешивать и соотношение сил, то, безусловно, я считаю, что если бы один, максимум два танковых корпуса еще бы получил Ким Ир Сен с тем, чтобы ускорить продвижение на юг, и он с ходу бы занял Пусан, и война кончилась.

А потом американская пресса говорила, что если бы был занят Пусан, значит, вот с хода, то было якобы уже решено не вмешиваться военными силами со стороны Соединенных Штатов. Но это не произошло, была заминка большая, и тогда вот был удар уже десантных войск Соединенных Штатов, и развязалась война. Война ... и потом, значит, они отбили Сеул, они, значит, продвинулись дальше, они уже ... уже перешли ... эту разграничительную линию, которая была по ... установлена по ... при заключении мира с Японией. Одним словом, здесь уже наступило катастрофическое положение для Се ...

Северной Кореи, для ... для этого Ким Ир Сена.

... Началась, развязалась война, то наши войска очень успешно ... я говорю об авиации, наша авиация успешно справлялась с задачей, которая была поставлена по прикрытию города и электростанции, значит, и она не допускала бомбежки и сбивала, значит.

Потом, значит, а в основном тогда на ... наша авиация была вооружена истребителями МИГ-15. Это новый, первый наш истребитель с реактивным двигателем, очень маневренный и хороший истребитель. Но американцы в ходе войны перевооружили свою истребительную авиацию и ввели новый истребитель, который был более быстроходный, более мощный, и уже против этих истребителей наш истребитель МИГ-15 был слаб. И мы терпели поражения, значит. И американцы прорвались и бомбили здесь уже, значит, мы не обеспечивали прикрытия и потеряли свое господство в воздухе.

В это время, я уж не помню, значит, да ... в это время, значит, значит ... вот, когда создалось такое трагическое положение для Северной Кореи, и мы сочувствовали Ким Ир Сэну и народам ... народу Севернo-корейской республики, вдруг, значит, прибыл Чжоу Энь Лай, значит, от ... По-моему, Чжоу Энь Лай прибыл.

Я не помню, при первой встрече Чжоу Энъ Лая со Сталиным я не был, да даже и при второй я не был ... Потому что ... Кажется, тогда Сталин был на юге, и Ким Ир Сен ... этот самый Чжоу Энъ Лай прямо полетел к Сталину, значит.

Там, значит. велись переговоры. Я уже об этих переговорах знал, значит, позже, когда кончился, и Чжоу Энъ Лай улетел, Сталин уже рассказывал, когда он вернулся в Москву, что Чжоу Энъ Лай прилетел по поручению Мао Цзе-Дуна и посоветоваться, как быть, что вот ... Что он тоже спрашивал Сталина, выдвигать ли на территорию Северной Кореи китайские войска с тем, чтобы ... потому что у корейцев уже ... уже почти не было войск ... с тем, чтобы преградить путь движения на север южнокорейцев и американцев, значит... Или же не стоит, значит.

И мне ... тогда, я помню, значит, так я помню, значит, говорили, что сперва, поговоривши со Сталиным, значит, вроде согласились ... пришли к такому выводу, что не стоит вмешиваться Китаю, значит. А потом, значит, тогда, значит, я не знаю ... улетал ли Чжоу Энъ Лай, или же только лишь готовился улететь и опять потом, значит, не знаю, кто проявил инициативу, проявил ли Чжоу Энъ Лай по поручению Мао Цзе-Дуна, или Сталин.

Но опять вернулись к обсуждению этого вопроса, и тогда согласились с тем, что Китай выступит в поддержку Северной Кореи, что войска уже подготовлены, что они находятся на самой границе, и что, значит, эти войска вполне справятся и разобьют американские войска, значит, и южнокорейские, и, таким образом, будет восстановлено положение.

Чжоу Энъ Лай улетел, значит, Я его не видел, и я, следовательно, и не слышал. Я это вот говорю то, что уже потом я знал, значит, по рассказам самого Сталина. Там никого не было, по-моему, кроме Сталина, значит, так что Чжоу Энъ Лай, значит, а, кажется, Чжоу Энъ Лай был, значит, я даже сейчас не твердо, значит, могу помнить, ну, видимо ... Потому что тогда главный, так сказать, посыльный и умный посыльный был ... Мао Цзе-Дуна — это Чжоу Энъ Лай, и к нему с уважением относился Сталин, и мы очень уважали Чжоу Энъ Лая, считали его умным человеком, гибким, современным человеком, с которым можно говорить и можно друг друга понимать, значит.

Вот так был решен вопрос о том, что Китай вступает в войну, так сказать, добровольцами. Он не объявляет войну, а добровольцами. И что этими добровольцами будет ко-

мандовать Пен де Хуэй, значит. Мао Цзе-Дун дал очень высокую оценку Пен де Хуэю, что это звезда, так сказать, на военном небосклоне китайском, лучшая, самая яркая, значит. И началась ... начались бои.

И нужно сказать, что китайцы действительно остановили продвижение южнокорейцев и североамериканцев, значит, и ... упорные бои. Я помню, эти все документы есть, когда этот Пен де Хуэй докладывал Мао Цзе-Дуну, значит, он составлял очень обширные такие телеграммы, значит, в которых излагалось план, значит, военных действий против американцев, что ... намечались рубежи, намечались сроки, значит, силы, которые мы, значит ... и, значит, такое категоричное заявление, что они будут разбиты и будут окружены там или будут фланговые удары такие решающие...

Одним словом, несколько раз, значит, в этих планах, значит, которые сообщались Мао Цзе-Дуну, а Мао Цзе-Дун присылал Сталину, громились войска Се... Соединенных Штатов Америки, и война кончалась, да.

Но, к сожалению, война не кончалась. Амери ... китайцы терпели очень большие поражения, значит, потом мы получили сообщение о том, что при налете на командный пункт был убит генерал, китайский генерал,

сын Мао Цзе-Дуна. Так что Мао Цзе-Дун потерял сына в Северной Корее, значит.

Война, значит, продолжалась, и война уже была очень упорной и кровавой. Китай очень нес большие потери, значит, потому что техника вооружения, видимо, значительно уступала китайская северо ... э ... Соединенным Штатам, значит. Следовательно, на живой силе, главным образом, была построена тактика, значит, и оборона и наступление, значит.

Война приобрела затяжной характер, значит. Уже тут, значит, стабилизировались, значит, фронты, значит... значит той и другой стороны. Поэтому здесь уже э ... такое было... проявлялось и с той стороны упорство. Но все-таки упорство такое, что, значит, северо-корейцы вместе с китацами стали теснить и вытеснять ... э... южнокорейцев и американские войска. И заняли опять Пхеньян, значит, и ... и, значит, теснили их на границу, которая была установлена мирным договором, значит.

В это время Сталин умер. Значит, вот в 53-м году война продолжалась, значит, так что Сталин умер, война еще не закончилась. Вот так началась война, так, значит, она продолжалась, значит, и вот ... значит, значит, так, как я ее вот сейчас представляю в своих записях, значит. Ну, схематично, конечно,

потому что я на память все это говорю, значит, а, например, документов, которые бы решались по оказанию военно-технической помощи Северной Корее вообще я не видел и ... их никто не видел, кроме Сталина, так что ... Но, в основе я знал.

Документы, которые получали мы от нашего посла, я их все читал. В это время уже я получил право гражданства, значит, и стал почту читать. Сталин сказал, чтоб мне рассылали, а то я почти не получал. Когда я работал на Украине, я никакой почты Политбюро не получал, значит, кроме тех вопросов, которые относились непосредственно к Украине или, значит, ко мне, значит.

А тут я уже получал. Все донесения ... это не все донесения, а те донесения, которые Мао Цзе-Дун пересылал Сталину, полученные Мао Цзе-Дуном от Пен де Хуэя, Сталин рассылал. Я тоже их читал, значит, я, таким образом, знал. Тогда уже лучше знал положение дел, которое сложилось в Северной Корее, значит.

Вот, собственно, корейский вопрос, значит.

О XIX СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Не помню, в каком месяце, однажды, когда Сталин собрал нас у себя, он высказал, что ... свою мысль о том, что надо собрать съезд партии. Ну, нас уговаривать не надо было. Мы все считали, что это невероятно, значит, что съезд, кажется, уже не собирался, сколько, 12 или 13 лет. Ни съезд ... с 18-го съезда. 18-й съезд, по-моему, проходил, кажется, в 38-м году, значит. Или в 38-м, или в 39-м. А это уже был 52-й год. Значит, вот, кажется 13 лет не было съезда и не было Пленумов Центрального Комитета. Не собирались Пленумы. Не собирались активы, значит. Не собирались совещания активов, значит.

Одним словом, значит, партия, Центральный Комитет, значит, значит, никакого не принимал, так сказать, коллективного руководства. Все делалось от ЦК и единолично Сталиным, значит. Президиум ЦК, значит, подписывал. Это все Сталин. И он даже не спрашивал членов Президиума, значит, а ... так, принимал решения и публиковал, значит.

Когда он сказал, что ... ну, мы все сказали, что надо собрать съезд. Это, по-моему ...

и наметили, кажется, на ... ноябрь, что ли, месяц собрать съезд, 52-го года, по-моему, так.

Но ... Сталин не сразу определил повестку дня. Сперва он высказал, что надо съезд. Но мы между собой обменивались мнением, гадали, значит, будет ли, возьмет ли Сталин на себя доклад и ... или кому-нибудь будет поручено кроме Сталина, значит. И мы, значит, тогда думали, кому же доклад он может поручить? Ну, он ... если он сам не возьмет на себя доклад, он почувствует, что он физически слаб и не сможет выдержать, так сказать, чтоб простоять на ... на трибуне, значит... Мы думали, что, возможно, что он все-таки возьмет доклад и раздаст его письменный, то есть не будет его зачитывать ...

А потом уже докладчик вносит на утверждение коллектива руководящего, и там вносятся поправки, если принимается за основу этот документ.

... Потом, когда уже Сталин сказал, что, ну, надо определить время, значит, назвал время, когда созвать съезд, значит, повестку дня, значит, назвал, значит, отчетный доклад, по-моему, отчет ревизионной комиссии, значит, потом, значит, Устав, говорит, надо ... Да, программу, по-моему, тоже, значит, кажется, изменяли, значит, и Устав,

значит... И пятилетку. По-моему, пятилетка тоже ...

Тогда вот и определили, значит. Сталин сам сказал, что отчетный доклад, говорит, давайте Маленкову поручим, значит. Значит, по программе, значит, я сейчас не помню, кому было поручено сделать там доклад по программе, кажется, программа стояла, значит ... Или Маленкову тоже было поручено, не помню. А вот об Уставе, значит, Хрущеву поручили делать доклад, значит. Доклад к пятилетке — председателю Госплана, значит ... значит, Сабурову, значит.

Вот так, собственно, и было принято, как Сталин сказал, никаких замечаний не было, и было принято, было записано, значит.

Ну, я признаюсь, когда мне поручили готовить доклад по Уставу партии, я очень дрожал, значит. И ... и это меня ... большая честь, но не обрадовало, потому что это ... я знал, что очень трудно подготовить вообще до ... доклад по такому вопросу, и трудно его провести через утверждение, потому что я знал, что тут набросятся на мой доклад, значит, особенно, Берия, и Маленкова он потянет за собой, значит. Так оно и было, значит.

Но в конце концов, было принято, значит, стали готовить доклад, был подготовлен

доклад отчетный, был доклад подготовлен, значит, по программе, был доклад подготовлен по Уставу, значит, и утвердили, значит. Мой доклад очень был сокращен, значит. Сокращен, значит, он и не дошел до Сталина, а Сталин поручил, значит, посмотреть доклад, по-моему, Маленкову, Берия, мне и еще кому-то, значит, а этот Берия ... зачем это, вы знаете, короче, короче ... И вот это исключить, это исключить, значит, я ... и действительно очень много исключили. Таким образом, мой доклад вышел что-то около часа или час, так вот, не больше.

Ну, я считаю, что от этого суть не пострадала, значит, только исключили за счет примеров. Это, так сказать, ну, как говорится, беллетристика, так сказать, доказательства были, утверждения того или другого положения. Но здесь я в какой-то степени, ну, подражал Жданову. Тоже Жданов когда-то делал доклад, по-моему, по Уставу на ... на каком-то ... на XVIII съезде или на каком, значит, и у него очень много было примеров, значит, таких, не знаю, насколько они были необходимы, но я считал, что это уже апробировано.

Вот так начался доклад. То есть готовились к съезду. Спрашивается, почему Сталин не поручил Молотову доклад или ... или Микояну,

которые занимали более высокое положение в партии и были, особенно Молотов, самые известные партийные и политические деятели нашей партии?

Поэтому, если Сталин не мог, то мы все ... до ... люди довоенного руководства, мы все рассматривали, что Молотов — это будущий, ну, вождь, так сказать, который заменит Сталина, когда ... если Сталин уйдет из жизни, значит.

Но в это время уже не могло быть и речи, потому что тут на ... при каждой встрече нападал Сталин на Молотова, нападал на Микояна, значит. Поэтому эти два уже человека были в опале и ихняя, так сказать, даже жизнь уже подвергалась опасности, значит. Таким образом, значит, вот и получилось.

Были сделаны доклады, значит, потом начались обсуждения. Я не помню, кажется, раздельный был доклад. По-моему, доклад отчетный, доклад, и по программе, значит. Кажется, были общие прения. По Уставу были отдельные прения, значит. Короткие прения. Да там и, собственно, и не было, да и условий-то не было по-настоящему разворачивать эти ... эти прения, значит, обсуждения этих вопросов, значит.

Съезд шел к концу. Кончилось, значит, и доклад к пятилетке, обсудили, и пятилет-

ка ... доклад о пятилетке ... и пятилетка была составлена — это самая плохая из всех пятилеток, которые когда-либо принимались. И, значит, это очень неквалифицированно была подготовлена, значит, и ... и доложена съезду. Поэтому мы сейчас же, значит, на ... не знаю, через год-два мы вынуждены были взять на себя ответственность, то есть Сталин уже умер, ответственность на Центральный Комитет и объявить о том, что необходимо в процессе выполнения пятилетки надо внести коррективы. Это невероятно. Утвержденная съездом, значит, но мы вынуждены это сделать были, потому что ни в какие ворота, как говорится, не лезла эта пятилетка.

Я уже сейчас не помню, по каким отраслям и по каким положениям сейчас конкретно, значит, но все тогда согласились, и я не помню, мы, кажется, даже рассылали тогда среди членов ... делегатов съезда XIX, что-то ... я не помню ... Но какую-то мы форму искали демократического порядка с тем, чтобы скорректировать эту пятилетку. И мы ее скорректировали, значит.

Мы ее перевыполнили, эту пятилетку, но скорректировали, потому что жизнь требовала, она внесла коррективы. Мы должны были не противиться этому вопреки здравому смыслу и практике, но основывались на том,

что это съездом была утверждена пятилетка.

... Мы подошли уже к концу съезда. Надо было выборы проводить съезда. Ну, вся подготовительная работа была проведена, значит, аппаратом ЦК, как ... как это всегда делалось, значит. Все люди уже ... до начала съезда, я не знаю, за какое ... за сколько месяцев уже были, так сказать, подобраны аппаратом, сколько рабочих, сколько интеллигенции, какая интеллигенция, значит, персональность ... сколько колхозников, сколько рабочих совхозов, сколько вообще рабочих, сколько колхозников — одним словом, вся структура состава Центрального Комитета она заранее была разработана и заранее были подобраны люди. Поэтому, значит, и когда выборы были на съезд, то уже сразу рекомендовалось. Не выбирали на съезд людей, как когда-то это было, а уже говорили, что вот такого-то надо провести на съезд, потому что он имеется в виду, этот человек, чтоб его выбрать в состав Центрального Комитета, членом или кандидатом, или членом ревизионной комиссии. Одним словом, уже все, значит, до съезда и за съезд, все это было сделано.

Ну, можете себе представить, значит. А, к сожалению, такая практика — она, собственно, осталась и сейчас. И ... и, собственно, съезд

проходил и выборы на XX съезд — это вот тоже, вот такая уродливая демократия, значит. И, конечно, это ... это уже такие методы, они вообще неправильные, а дальше и сейчас они нетерпимы, значит, нетерпимы, значит.

Поэтому надо искать, и я вот достарался искать уже новые методы, вот на XXII съезде я, значит, пытался, значит, и внести коррективы, значит, в программу, в Устав, который тоже обсуждался и был принят, новый Устав. Доклад делал товарищ Козлов, значит. Ну, очень робко мы это делали. И я хотел бы, чтобы правильно поняли, что ... почему робко, значит. Потому что мы продукт, мы сами, люди, руководители, мы продукт революции. Мы воспитаны были на примерах Сталина. А Сталин для нас был тогда, да, так, ну, это величина, не знаю, какого значения, значит. Что нам, так сказать, не выдумывать, а учиться и подражать, значит.

И когда мы уже потом стали видеть недостатки, то мы все-таки не могли освободиться психологически от такого состояния, чтоб искать что-то кардинальное, значит, и исправлять с тем, чтобы вернуть партию на ленинские рельсы, значит, на ... партийную

демократию, значит. Это очень трудно, очень трудно, и мы шли ощупью, значит.

А вот тогда, а тогда совсем это считалось, значит, в порядке вещей. Начали ... выбрали Центральный Комитет. Закончился съезд. Спели Интернационал. Сталин в конце выступил, буквально, я не знаю, сколько, пять или семь минут он речь держал, значит, что-то там, так сказать, сказал. Тогда все, так сказать, восхищались, все, значит, радовались, как гениально сказано и прочее.

Я помню, когда Сталин закончил свою речь и сошел с трибуны, значит, и потом съезд был закрыт, и мы пошли там в комнату Президиума ЦК, Сталин говорит, ну, смотри, так говорит, а я, говорит, еще вот смог, значит, смог ... Мы тогда посмотрели, что же смог? Пять-семь минут он смог ... смог продержаться на трибуне, он считал это уже своей победой. Следовательно, мы только сделали вывод, насколько он уже физически был слаб. Поэтому для него это была невероятная, так сказать, трудность. И... а когда он произнес речь, вот на 5-7 минут, он считал, значит, что он еще силен, и что он еще может, так сказать, работать, значит. Вот ...

Кончился съезд, значит, потом, значит, вдруг ночью начинают голосовать. Голосовать, что, значит, поправку. Не знаю, или да-

же через день. Я помню, тогда, кажется, Говорова в кандидаты, что ли, Сталин говорил, пропустили его. Не пропустили, он просто не был включен, Говоров. Еще кто-то. Два или три таких человека, о которых потом Сталин вспомнил, и он уже после съезда, он, значит, их вставил в списки, значит, выбранных органов, значит.

Ну, это тоже, казалось бы, хорошо, что он вот так о людях заботится. Но плохо то, как он насилует Устав, как он насилует теорию и практику строительства партии, значит, что он один, без обсуждения, значит. Вот он сказал, значит, он выдумал, что забыли. Пропустили при печатании, когда не было, значит, и ничего не было пропущено, а тут уже, значит, очень легко было доказать, значит. Вот это.

Потом мы очень были поражены, значит, еще следующим фактом. Формирование руководящих органов — Президиума Центрального Комитета и Партийной Контрольной комиссии, как она называлась, значит ... значит, кажется, так, значит. Ну, это самое ответственное ... такой момент, из выбранных членов ЦК надо создать вот эти руководящие органы, значит.

Это, по-моему, ну, Президиум — это ЦК выделяет, значит. Мы смотрим, значит, со-

зывается Пленум. Никакого разговора со стороны Сталина не поднято, значит, какой будет состав. И ни числа, ни персонального состава. Ничего неизвестно, значит. Мы смотрим, что же ... А на съезде партии, вот, когда ... или на съезде, или это, кажется, на Пленуме, значит, Сталин выступил, кажется, на Пленуме, значит, на первом Пленуме, Сталин выступил и очень разделал Молотова и Микояна. То есть он, так сказать, поставил под сомнение их. Значит, он, так сказать, в его речи сквозило, значит, я не знаю, прямо или косвенно сквозило политическое недоверие, что они подозреваются, значит, эти люди, в нечестности какой-то политической.

Да, но выборы ... Мы так переглядываемся друг с другом. Я смотрю на Маленкова, потому что, если кто должен подготовить, так это Маленков. Сталин же людей не знает персонально никого, значит, за исключением самой верхушки, в которой он вращался. А так он не знает, значит, людей, значит. И поэтому он должен к помощи аппарата прибегнуть, значит.

Мы спросили Маленкова, как ... он говорит, я ничего не знаю, мне никаких поручений не было, и я никакого участия я не принимал в этом вопросе. Мы удивились, как же, кто же тогда, кто же работает, значит?

Когда открылся Пленум, значит, Сталин его открыл сам, значит, Сталин же ... и тут же внес предложение о составе Президиума Центрального Комитета, вытащил какие-то бумажки из кармана и зачитал их. Он предложил состав в 21 человек, было принято без разговора, а вообще и без обсуждения, разговора. Но к этому уже привыкли, раз Сталин предлагает, то нет ... нет вопросов и нет обсуждения. Это богом данное предложение, а все, что бог дает, не обсуждается, а только благодарят его за благо, значит.

И он зачитывает, значит. Когда он читал состав, значит, ну, мы так смотрели все вниз, не поднимая глаз, значит, потому что — во-первых, 21 — это трудно работать в таком большом коллективе и принимать оперативные вопросы, а Президиум — это оперативный орган. Это, значит, очень большой по составу. Но это вообще возможно. Но когда начали называть состав Президиума, значит, и это все было принято, мы потом, значит, переглядывались уже, когда было закрыто заседание, переглядывались, значит, что получилось, кто такой список составил?

Потому что не мог Сталин людей, которых он назвал, он их не знал. Поэтому он не мог бы этот список сам составить. Что кто-то ему составил. Я, признаться, подо-

зревал, что это сделал Маленков, но скрывает, нам не говорит. Я потом его даже так, по-дружески, допрашивал. Я говорю, слушай, я думаю, что ты приложил руку, значит, ну, думаю, что это продукт не только его ума, а, видимо, были поправки со стороны Сталина.

Он говорит, я тебя заверяю, что я абсолютно никакого участия не принимал, Сталин меня не привлекал, и никаких поручений не давал, и я, следовательно, никаких предложений не готовил. Ну, тогда мы больше еще удивились, значит. Я ... а Берия не допускал, потому что там были лица, которых Берия никак не мог бы назвать Сталину, наоборот, он бы возражал. Но я все-таки спросил, я говорю: Лаврентий, ты приложил руку к этому, значит?. Нет, я сам, говорит, набросился на Маленкова, думал, что он, но он клянется, божится, что он тоже не принимал участия. Молотов — это исключено было. Микоян также, ... Булганин не мог, потому что он не знал это ...

Поэтому вертелось у нас все время, так сказать, в голове, значит, мысль, мы отыскивали, кто же автор, кто? Конечно, Сталин. Но кто ему помогал, значит? Мы не могли. Поскребышев, кажется, еще тогда находился ... заведывал секретариатом ... секретари-

атом, но он тоже не мог сам составить без аппарата, значит. Может быть, Сталин обошел, значит, Маленкова, и кого-то, значит, привлек с аппарата, который бы помог Сталину составить этот список. Мы не допускали, потому что, видимо, Маленков бы узнал, потому что в аппарате люди много лет работали с Маленковым, и поэтому они как-то тайно, под секретом, значит, и прочее, но сказали бы Маленкову, если бы они имели поручение такое от Сталина и принимали участие.

Так мы и не могли разгадать. Значит, 21 человек были избраны. Я не буду перечислять сейчас этих людей, значит, там были разные люди, значит, и разного достоинства. Но люди, которые были избраны в члены ЦК, так что эти люди пользовались доверием, значит, в партии, значит, и поэтому нельзя было сказать что-либо, что эти люди не достойны, значит.

Но, что очень многие из них были не подготовлены к этому, значит, в этом у нас была ... в этом мы не сомневались и было твердое мнение по этому вопросу, потом, когда мы обменивались между собой, значит.

Когда был принят такой состав в 21 человек и персонально, Сталин тогда выступил и сказал, значит, что ... или даже он не второй раз, а сразу изложил это, что, так как это

будет громоздкий состав Президиума в 21 человек, поэтому я предлагаю, он говорит, чтобы избрать, значит, из состава этого Президиума Бюро, Бюро Президиума, значит.

Ну, это совсем, так сказать, не уставное предложение. Только что Устав приняли, и тут же Устав этот ломается, значит. Это, говорит оперативное бюро будет, которое будет собираться чаще и будет принимать решения по всем текущим оперативным вопросам. И, кажется, он предложил состав Бюро в 9 человек, значит. И тут же назвал, значит... значит, состав Бюро .

В состав Президиума, когда он называл, читал, я слушал и обращал внимание, будет ли включен Молотов и Микоян и Ворошилов, значит, потому что я сомневался, что это люди, которые ... на которых уже Сталин махнул рукой или, так сказать, уже нависла над ними ... над ихними головами опасность, значит, попасть в шпионы или ... и таким образом, объявить врагами народа, значит.

Нет, были включены. Ну, я радовался, что это хорошо, значит. Потом, значит, Бюро, когда он стал читать, зачитывать, значит, там уже не было фамилии Молотова и не было Микояна. Но был Ворошилов. Я опять ничего не понимаю, значит. Думал, как это так, значит. Молотова нет, Микояна нет, но

Ворошилов есть. А Ворошилов Сталиным подозревался значительно раньше.

Я говорю "подозревать" — это подозрение, это ни на чем не основано, значит, но так Сталин, значит, Молотова и Микояна ...

Бюро, по-моему, такое было, значит: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Сабуров и Первухин. Вот, кажется, вот ... сколько это получилось, 8 или 9, значит, человек. Да, Булганин. Вот, 9 человек, Булганин, значит. Вот такой состав Бюро, значит. Значит, Ворошилов попал в Бюро, значит.

Думаю, что такое, значит, я думаю, подумал, ну, значит, хорошо кончается, что Сталин в конце концов, значит, убедился в том, что это ошибка была, что он Ворошилова считал нечестным человеком, что он какой-то агент английский или черти какой, значит. А тут зависело от воображения Сталина, значит, объявление, кто агентом является какой империалистической страны, значит.

Съезд закончился. Началась работа, значит. Работа, конечно, продолжалась так же, как она и до этого была, значит. Но здесь, значит, уже это из 9 человек, значит, Сталин, так сказать, уже по своему выбору и своему благоволению избрал пятерку, значит. Это нигде не упиралось и ни ... нигде и не говори-

лось Сталиным, а избрал... это избрание мы определили, потому что он ... когда только он считал нужным созвать, пригласить к себе, а это считалось большой честью быть приглашенным или получить недоверие, когда дру... когда кто-то не приглашен из тех, которых он раньше приглашал.

И вот он, значит, в пятерку, значит, это: Берия, Маленков, Булганин, Хрущев, значит... кто же еще пятый чаще всего бывал тогда, значит? Да, и Сталин. Вот, вот пять, значит. Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев.

Редко, реже, значит, Кагановича приглашал. Но совершенно не приглашал он Молотова, значит, как члена Президиума, и Микояна, и редко приглашал Ворошилова, несмотря на то, что он член Бюро, значит.

Работа протекала, собственно, так же, как и до XIX съезда, то есть никакой работы коллективной, что все, так сказать, принималось теми же методами и таким же порядком, как это было уже и вошло в практику Сталина, значит, вот после, я бы сказал, значит, 38-го года, значит. И еще до 38-го года, до XVIII съезда, еще, так сказать, более или менее сохранялась сложившаяся такая практика, и она в какой-то степени была демократично партийная ... партийная эта практика,

значит. А потом все уходило, уходило, так сказать, на нет, и все, так сказать, склонялось к единоличному управлению, а потом уже начались окрики, значит, и приказы, и ... прочее, значит.

Это уже после разгрома основной группы из ... из состава Центрального Комитета, избранного на XVII съезде, и активных членов партии, так стариков, как мы называли, которые прошли дореволюционный путь борьбы, значит, по сколачиванию нашей партии и ... и участия в борьбе, значит. Участия в партии, в борьбе по ... организации рабочего класса и совершении революции, Октябрьской революции и победы ее, значит.

... Потом мы очень встревожились тогда за судьбу Молотова и Микояна, что не ввести их в Бюро, значит, это зловещий акт со стороны Сталина, что это он, значит, что-то задумал уже более активно. И вот, кажется, на Пленуме, он тогда, на первом Пленуме, он и выступил с какой-то речью. Я сейчас даже ее не помню, я только знаю, значит, и я был поражен, когда он выступил, и тут он формулирова уже ... Но на Пленуме уже, это ... это не шутка, это не то, что я слышал от него ... в узком кругу, там 2,3, 5, там 7 человек ... и он высказывал, и там же при Молотове другой раз, и при Микояне. А это уже на Пленуме он ...

Молотов потом выступил после Сталина, Микоян что-то говорил, значит, но, ... я не помню, что говорил ... это, наверно, в стенограмме осталось, если это записывалось ... Может быть, даже и не записывалось, Сталин это мог сделать, значит. Ну, значит, вот мы уже были насторожены, что, видимо, Молотов и Микоян обречены, значит, Сталиным, значит.

После съезда, значит, Микоян и Молотов продолжали, значит, пользовались практикой, которая была, и по этой практике, когда собирались у Сталина, то Молотов и Микоян сами приходили, без звонка, значит, когда узнавали, что Сталин в Кремле, значит, и, если не в Кремле, а за город уехал, то они тоже приезжали, их пропускали, и они приходили, так сказать, и вместе проводили вечера, так сказать. Я уже не буду сейчас возвращаться, какие это вечера, потому что я об этом уже, может быть, больше говорил, значит, потому что у меня это большой осадок к этим вот, значит, вечерам, значит, к так называемым обедам и ужинам, и заседаниям вот, значит.

Они приходили и принимали участие со всеми. Значит, потом, однажды Сталин сказал, что ... я не хочу, чтобы они приезжали, Молотов и Микоян, значит. И, не знаю, что

он сделал, значит, как, одним словом, он не стал ... он приказал, видимо, никому не говорить о том, когда Мо ... когда Сталин приезжает в Кремль, и никогда не говорить, где Сталин, значит, когда звонят, значит, они справляются с тем, чтобы рабочий день кончился, узнать, где Сталин, но они понимали, что они тем самым хотели сохранить себя не только уже как руководителей, я думаю, как членов партии, как людей, как человека, значит. С тем, чтобы к Сталину пойти и, таким образом, чтобы Сталин ... чтобы вернулся, так сказать ... вернул доверие этим людям, значит.

И я это понимал, значит, и я всем сочувствовал и всемерно был на стороне Молотова и Микояна, значит. Он, значит, запретил. Таким образом, значит, и эти люди потеряли возможность, так сказать, знать, где Сталин, следовательно, они потеряли возможность и бывать вместе со Сталиным.

Я не знаю, с кем разговаривали, значит. Видимо, Микоян и Молотов, значит, говорили, может быть, с Маленковым, может быть, даже с Берия. Одним словом, мы тогда втроем, значит, Молотов ... этот Микоян ... то есть этот Маленков, Берия и я, значит, мы договорились и, другой раз, значит, так: позвонить или Молотову или Микояну и сказать:

мы поехали на Ближнюю. Мы поехали туда-то. Они уже понимали, что ... что ... что ... это значит, значит. И они ездили. Они тоже приезжали.

Ну, я заметил, что Сталин очень недоволен, когда они приезжали, но это продолжалось какое-то время, значит. И они пользовались вот такой формой, значит, так сказать, агентурное сообщение, значит, сочувствующим Микояну и Молотову, значит, вот с нашей стороны. Мы уже превратились в агентов, значит, этого ... Молотова и Микояна, значит.

Прошло какое-то время, Сталин это понял, значит. А, видимо, понять-то ему было не трудно, он, наверно, сейчас же попросил приемную свою, значит, что, мол, он им сказал, наверно, чтоб они не сообщали, где Сталин, ни Молотову, ни Микояну, а они все-таки приезжают и довольно точно приезжают. Следовательно, он знал, что кто-то из нас это делает, значит, то есть из людей, которых он приглашает. И мы им сообщаем.

И однажды он устроил большой разнос, так сказать. Он не называл никого из нас, но больше всего адресовался он к Маленкову, значит, потому что он считал, что это, возможно, он, значит. И сказал, значит, что я не хочу ...

ДЕЛО ВРАЧЕЙ

Я хотел бы сейчас продиктовать о так называемом деле врачей. Вдруг Сталин ... зачитал когда-то пригласил к себе, в Кремль, и зачитал письмо врача. Какой-то ... какая-то врач, женщина ... Толмачук, что ли, вот что-то такое на "чук", я не помню я ... ее фамилию, она пишет, что она работала лаборанткой, кажется, врачом, и была на Валдае, когда умер Жданов. И описывала, что ... в своем письме, что Жданов умер, потому что его лечили врачи, так, собственно, лечили в кавычках, чтобы не вылечить, а вот в результате там каких-то упущений или преднамеренных даже действий, Жданов умер в результате.

Ну, естественно, что если бы это так было, то каждый бы возмутился, значит, такому зло ... злодейству, злодеянию ... Но ... значит, тем более врачи это сделали, значит, это же совершенно, как говорится, против ... противоестественно, даже можно сказать. Врач должен лечить, оберегать здоровье, а не убивать жизни, не убивать человека.

Но, если бы Сталин был бы нормальный человек, то мало ли таких писем поступает

от людей ненормального порядка или, значит, люди, которые с ложных позиций подошли в оценке того или другого события или действия того или другого лица. Но Сталин был как раз очень восприимчивым к этому. И поэтому, значит, я считаю, что этот ... эта враг, это тоже продукт сталинской политики, значит, когда он внедрил в сознание всем, что мы окружены врагами, что в каждом, так сказать, человеке надо видеть, так сказать, неразоблаченного врага, и бдительность и прочее...

С его установкой, что если даже 10 процентов правды, значит, значит, о том или другом факте, о котором сообщается, то это уже очень положительный факт, значит. Но это 10 процентов, а сколько, значит, какой процент действительных, заслуживающих внимания фактов, о которых сообщают. Это, значит ... это ... кто эти проценты может учесть? И как ... и поддаются ли они вообще учету? Это вообще ... призвать людей вот к такому подходу к окружающим, к людям, с которыми ты работаешь, это ... это, знаете, ну, создать дом сумасшедших, когда каждый будет выискивать как фактов несуществующих в своем приятеле. А ... а именно так было. Поощрялось. Натравливали сына про-

тив отца, отца против сына. Но это, так сказать, классовый подход.

Я понимаю, что классы ... классовая борьба она делит семьи и делит, значит, очень жестоко, ни перед чем не останавливаясь. Так это классовая борьба, значит. А ... но ... значит, когда это уже определяется позиция того или другого члена семьи, я приветствую это, и это нормально. Потому что вопрос борьбы за лучшее будущее, за построение социализма, это не парадное шествие, а это кровавая, мучительная ... мучительная борьба, значит, и я знаю, я сам участник этой борьбы, когда 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, значит, и частично 22-й год, когда была война, значит. Я понимаю, когда еще, значит, после разгрома белогвардейцев еще бушевали банды недобитые, которые ... махновцы, григорьевцы, значит, и ... антоновцы, значит, и кронштадтское восстание, значит. Ну, много было крупных банд и мелких банд...

Тогда совещание проходило, и после одного из совещаний был -- сфотографировались участники совещания.

И мы, я помню, мы сфотографировались с Фурмановым. И моя фотография тоже есть, то есть я тоже присутствую, так сказать, на этой фотографии. Мне прислала моя сослуживка... значит, по политотделу армии, това-

рищ Шудский Вера, она сейчас пенсионерка и я доволен, жива и здорова. Я не знаю, как ее миновала чаша ... чаша, так сказать, вот, когда была эта мясорубка, но она мне прислала уже в другое время, когда я занимал высокий пост, она выкопала у себя где-то фотографию, я на этой фотографии ... я помнил потом, что действительно фотографировался. И потом себя узнал, значит.

Но, вот это была борьба. Потому что тогда столько банд было на Кубани, значит, и эти банды, главным образом, пополнялись за счет офицерства, которое собралось на Северном Кавказе, бежало со всего Советского Союза, да и своего казачьего офицерства было немало, и потом на юге осели вот те, которые не успели выехать на Куба ... в Крым и в Турцию, значит ... Вот ... и потом, значит, кровавая борьба, классовая борьба была. Это все мне понятно. И я, так сказать, полностью за Ленина, значит, за его, я бы сказал, значит, прозорливость и ... и, я бы сказал, и за его гуманность, которую он проявлял даже в эти дни, значит, он все делал для того, чтобы не затронуть тех, значит, которые невинны. И даже некоторые, которые в какой-то степени, значит, он, видимо, видел, что они могут быть винны, но он обходил это, он делал все для того, чтобы их укре-

пить на положительных позициях, не ... если они даже где-то поскользнулись, так поддерживать их и укрепить их на положительных позициях, то есть или сделать сперва нейтральными их, значит, это лучше при острой классовой борьбе, и ... а потом постепенно и втянуть их в активную борьбу уже по строительству новой жизни, то есть социалистической жизни. Это я понимаю.

Но уже вот, когда этот нами этап пройден, это уже другое дело, значит. И вот вам, значит, вот продукт такой, ну, мало сказать, неразумной политики, это я ... это ... это политика больного человека, я бы сказал, значит. Значит, и она вот привела к такому. Письма, значит, а Жданова лечили кремлевские врачи, и, значит, надо полагать, что это все лучшее, что и было известно среди медицинского мира Советского Союза ... привлечены для работы в кремлевской больнице, значит. И тогда, значит, кто же лечил? Я сейчас не помню, кто лечил, но я знаю, что были арестованы Иван Никитич Виноградов, значит, которого потом я, когда уже был он освобожден, больше, лучше узнал, потому что он не раз консультировал состав... входил в состав консультативной врачебной комиссии при осмотре моего здоровья.

Василенко, крупнейший врач, профессор, значит, которого я мало знал лично. Не знаю я, встречался ли я с ним до этого времени, но я очень хорошую характеристику о нем слышал от врача, которого я очень уважал, Стражевского. Он давно уже умер, после войны умер, но я его знал по Киеву. Это крупнейшее светило, я бы сказал, не только Советского Союза, но это светило мирового значения, значит. Он очень меня просил, когда уже кончалась война, чтобы Василенко взять из состава армейских врачей, а он был во время войны в армии, значит, и чтобы он пришел бы в клинику для работы в клинике, заведовал которой Стражевский, и он мне прямо говорил: это мой ученик. Я хотел бы, чтобы он остался, значит, после меня. Чтобы клиника, так сказать, была бы в надежных руках, значит.

Значит, Василенко арестован был. И целая группа врачей, самых крупных, которые тогда работали, значит, и имели какое-то ... работали в кремлевской больнице, и имели какое-то соприкосновение с лечением Жданова, значит.

Ну, арестовали этих людей. Часть арестовали. Тут Сталин разослал это письмо, значит, я не помню, с какой своей припиской, видимо, тоже, значит, и он, так сказать, ну,

мобилизовывал гнев против врачей, что вот они, значит, такое учинили злодеяние, что умертвили Жданова, значит. У Жданова было подорвано здоровье, и очень подорвано, значит. Я не знаю, значит, какими он недугами страдал, значит, но один из недугов его было — это он потерял силу воли и не мог уже регулировать, сколько можно и ... и когда остановиться в питейных делах.

Это жалко было смотреть, даже, я помню, это редкое явление, что даже Сталин в последнее время, он, так сказать, другой раз прикрикивал на него, что ему не следует пить. И Жданов, значит, другой раз вынужден был страдать и, значит, наливать в себя всякие фруктовые воды, значит, когда другие наливали вина, значит, или более крепкие спиртные напитки, значит.

Но, видимо, значит, нужно полагать, если он здесь, его сдерживал Сталин, значит, а это невероятно, значит, то, видимо, дома он был бесконтролен в этом деле, значит. Я думаю, что это главное, вот Щербакова это убило, значит ... значит, и Жданова тоже, значит, видимо, в значительной степени предопределило и ускорило его смерть, значит.

Хотя я ни в какой степени не ставлю в одну плоскость Щербакова и Жданова, хотя на Жданова наша интеллигенция после смерти

Сталина и сейчас она, так сказать, питает к нему большое неуважение за его доклады, за его, так сказать, критические, по-моему, доклады, которые были опубликованы и потом были закрыты журналы, ленинградские журналы, значит. Что ... ну, конечно, Жданов сыграл свою индивидуальную роль в этих вопросах, но главным образом все-таки он выполнял прямые указания Сталина, значит, в этом вопросе.

Значит, я думаю, что если бы сам Жданов определял бы в этих вопросах свое отношение и свою политику, то она не была бы такой жесткой, потому что действительно нельзя палкой, нельзя окриком регулировать развитие литературы, развитие искусства, развитие, значит, культуры, потому что нельзя, так сказать, ну, проложить какую-то борозду и загнать всех, так сказать, в эту борозду, чтобы они шли, так сказать, не ... не отклоняясь, а шли по этой прямой, проложенной, значит. Нельзя. Не будет тогда мнений, не будет тогда и критики, и не будет, следовательно, и истины, значит. А будет какой-то трафарет, скучный, мрачный, никому не нужный, который не только будет не манить себя, не располагать, чтобы пользовались люди этим искусством, этими произведениями, значит, а будет, так сказать, ну, отрав-

лено отношение к такому, значит, искусству, значит. И оно будет ... мертвым, мертвым.

Но, одним словом, врачи были арестованы, и вот я уже, кажется, диктовал в соответствующих местах, значит, письма посыпались, значит. Ну, некоторые письма были просто, ну, в которых выражалось свое мнение и клеймили позором врачей. Ну, я понимаю эти письма, значит, потому что это соответствовало настроению людей. Они верили, что, видимо, если Сталин рассылает такой документ, и в печати появилось, следовательно, это уже доказано, значит.

... Конев прислал. Тоже мог Конев прислать, значит. Он человек тем более сам больной. Конев прислал, значит, письмо, длинное письмо Сталину, в котором он излагал, что его тоже травил врач, его тоже неправильно лечили, и ... и, так сказать, вот какие-то, так сказать, применяли лекарства и методы лечения, ну вот, такие, о которых говорил этот врач, который писал о том, что Жданов был врачами сознательно умерщвлен, значит.

Ну, это просто позор. И мы тогда уже так в кругу ... уже в этой ... группе, когда сходились и обменивались мнением, и, видимо, каждый, значит, чувствовал несостоятельность этих обвинений, но не обсуждали, пото-

му что раз Сталин сказал, то Сталин, значит ... значит, вроде, так сказать, он ведет этот вопрос, значит. Но высказывались и возмущались больше всего вот письмом, полученным от Конева, значит, потому что, если ... если эти люди были виноваты, значит, в умерщвлении или в смерти ... в исходе, значит, лечения Жданова, то такое письмо, значит, которое Конев прислал, оно уже не только клеймило тех, которые уже были выявлены, так сказать, вот, и арестованы, и шел допрос, следствие велось, а это толкало Сталина на расширение круга, вообще о недоверии врачам. Это шутка ли сказать, значит, после разгрома врага во время Второй мировой войны, значит, когда родилась и, значит, своя уже, советская ... в советские времена рожденная и получившая образование, воспитание, значит, и вдруг вот эта интеллигенция врачебная получает такое презрен ... презренное недоверие, значит.

Да еще, значит, в лечении людей, значит. Это жестокое дело, значит. Я помню свою юность раннюю, периода, когда в Донбассе в 10-м году переживал страшное дело, там тогда свирепствовала холера, значит. Очень много умерло шахтеров на шахте, на которой отец работал и я жил. А я работал за четыре версты, в заводе Боссе и Генифель-

да, в машиностроительном заводе, и шахтеры заболели, сразу попадали в холерный барак, и оттуда никто не возвращался.

И тогда поползли слухи среди шахтеров, что ... это травят врачи, что это травят буржуи, значит, и нашлись тогда свидетели, которые видели, как какой-то шел там около колодца и высыпал какой-то порошок в колодец. Всякие нелепые вещи были. А я тогда слышал, говорили, и потом это, кажется, в 1902-м году, значит, был бунт холерный на юге, кажется, ну, в Макеевке, что ли, был такой, значит, когда избивали врачей.

И вот это в наше время, значит, вот тоже на ... начали, значит, питать вот такие, я бы сказал, темные силы, значит, натравливание на интеллигенцию, на ... на ... на врачей.

... Надо было бы более решительность проявить в те времена. Ну, это уже, как говорится, как говорят, после драки кулаками не машут, поэтому я, значит, беру на себя вину, что тогда не доделал, а нужно было доделать, нужно. Это в интересах народа нашего, в интересах партии, в интересах нашего будущего.

Начались допросы, и там допросы ... Я сам слышал, как Сталин, значит, звонил ... тогда Игнатьев был министром госбезопасности.

Я знал Игнатьева, значит, я не знаю, сейчас живой он, или же уже не живой, он очень больной человек, но это человек мягкого характера, вдумчивый человек, и, значит, располагал. И я к нему очень хорошо относился. И как раз в это время у него было заболевание сердечное — инфаркт, значит. Он сам так был, ну, на краю гибели, значит, и вот Сталин ему звонит. А мы знали ... врачи разослали, в каком он физическом состоянии находится. Он с ним разговаривает по телефону в нашем присутствии. Ну, он ... Сталин выходил из себя, орал, значит, по телефону. Он угрожал ему ...

... И, кажется, Василенко был в Китае в это время. И когда его отозвали с Китая, то он как только переехал советскую границу, ему одели, кажется, тогда говорили ... кандалы и допрашивали. И ... я не знаю, все ли, но так у меня сложилось в памяти ... отложилось, что сознались в преступлениях. И я сейчас не могу осуждать этих людей, которые оклеветали сами себя, потому что слишком много у меня прошло примеров, значит, разных людей, разных характеров, но честных людей и преданных нашей партии и революции, которые сознались.

Пример этому вот Мерецков, живой, доживает, ходит уже согнувшись в дугу, который

признал себя, что он английский шпион, английский агент, значит. Следовательно, врачи тоже попали, значит, в нелучшее положение, они тоже признались. Вот такое было положение, значит.

Я помню, уже начался ... открылся XIX-й партийный съезд. Я сделал доклад по Уставу партии. И заболел. Я не мог выйти, значит, когда обсуждался мой доклад на съезде. Значит, я, наверно, день или два не выходил даже.

Ко мне пришел ... приехал Иван Никитич, значит ... профессор. Выслушал меня. Ну, это уже человек в возрасте был, значит, и старый доктор, значит. Он, значит, и пользовался этим слуховым инструментом, когда выслушивал работу сердца. Потом он прикладывал ухо непосредственно к груди больного, значит. Ну, это как-то трогало, значит ... значит, такое внимание и такая заботливость этого человека. И мое состояние было ужасное, значит. Не потому, что ... я болел, но у меня легкое ... это не ... грудь была или что-то ... легкое какое-то простудное было явление, и я поднялся быстро, значит, и я был, участвовал уже, не знаю, я ... выступали я с заключительным словом или вооб-

ще не было заключительного ... не помню сейчас.

Но я поднялся и я участвовал в конце работы съезда, значит. А ... но ... меня еще трогало, что вот этот человек, который проявляет заботу о моем здоровье, а я уже читал показания на него арестованных врачей. Но, следовательно, я ... я считал, что, если показания есть, так Сталин никогда не пощадит, хотя Виноградов ... это самое ... вот ... Виноградов, да ... Иван Никитич ... он лечил Сталина, а его редко врачи лечили ... Он его лечил. Не пощадил он его тоже, значит, арестовал. Его тоже, я не знаю, били, наверно, били, всех били, значит, я сейчас не помню. Я тоже не знаю, значит, по ... сознался он, или не сознался, значит, как прошло. Но вот он, так сказать, попал тоже в общую, значит ...

Вот, проходил этот процесс, так сказать, следствие покамест ... Я сейчас уже даже не помню, значит, был ли суд над этими врачами. И ... или они дотянули ... или следствие затянулось до смерти Сталина. Нет, не помню сейчас, значит. Вот так возникло дело врачей, значит. Это позорное дело. Это уже, кажется, был 52-й год, наверно. Да, наверно, 52-й год, значит.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

В феврале 1953 года Сталин заболел. Как это случилось?

Мы были у него в субботу. Это проходило уже после XIX съезда, когда Сталин "подвесил" Микояна и Молотова.

На первом Пленуме после XIX съезда партии из 21 или 25 человек Сталин предложил создать Президиум Центрального Комитета, что-то. Много людей он назвал тогда. Я и другие старые члены Политбюро были удивлены: как составлялся список, потому что Сталин не знал этих людей. Кто ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Я спрашивал Маленкова, но он ответил, что он не знает. По положению должен был Маленков принимать участие в формировании Президиума ЦК, в подборе людей и в составлении списков. Но он не был допущен. Это сделал Сталин сам. Сейчас я предполагаю по некоторым признакам, что он в подборе этих кадров воспользовался помощью Кагановича.

Он создал Президиум, а в Президиуме бюро, кажется, из семи или девяти человек. В это бюро вошел и я, но не вошел Молотов, не вошел Микоян. Я очень жалел, что Молотов и Микоян не вошли в него. Я считал, что они должны были быть в бюро. Вошел Ворошилов, Каганович, Маленков, Сталин, Булганин, Хрущев, Берия, кажется, еще кто-то. Президиум фактически не собирался, все вопросы решало бюро. Это Сталин выдумал такую неуставную форму, потому что бюро не было предусмотрено в Уставе партии.

Для чего Сталин создал бюро Президиума? Ему, видимо, было неудобно вышибать сразу Молотова и Микояна, он сделал Президиум расширенный, а из Президиума выбрал бюро узкого характера, как он сказал, для оперативного руководства. И туда не ввели их, таким образом, подвесили. Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то, видимо, катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна.

* * *

После XIX съезда Сталин повел политику изоляции Молотова и Микояна. Он не приглашал их никуда, ни на дачу, ни на квартиру, ни в кино, куда мы, бывало, вместе ходили. Я, Берия или Маленков, бывало,

звонили Микояну и Молотову, когда шли со Сталиным в кино с тем, чтобы они приходили. Сталин, конечно, не выгонял их, но очень сердился. Кончилось это после того, как Сталин однажды рассердился и поставил вопрос прямо:

— Вы думаете, я не вижу, что вы сообщаете, когда мы идем в кино, Молотову и Микояну, чтобы они приходили. Вы бросьте это. Я это вижу и я возмущен. Я не потерплю этого.

Ну, все и кончилось.

* * *

Ворошилов был избран в бюро. Это тоже характерно для Сталина.

Как-то мы сидели у Сталина за довольно затянувшимся ужином.

Он вдруг посмотрел и говорит:

— Как пролез Ворошилов в бюро?

Мы не смотрим, глаза опустили. Во-первых, выражение "пролез", как это он может пролезть.

Потом он сказал:

— Вы сами его называли, и он был избран.

Больше он эту тему не развивал. Такое его заявление понятно, потому что Ворошилова до XIX съезда он к работе не привлекал. Он член Политбюро, но никакого уча-

ствия в заседаниях не принимал, документы не получал, Сталин говорил в узком кругу, что он подозревает Ворошилова, что Ворошилов является английским агентом. Глупости, конечно, невероятные.

* * *

Молотова, я помню, при мне он как-то заподозрил. Я был на юге у Сталина, кажется, в Афоне, и ему вдруг в голову взбрело, что Молотов является агентом американского империализма. Какие были данные к этому? Когда Молотов был в США, он из Вашингтона или из Нью-Йорка ехал по железной дороге. Сталин считал, что раз он едет по железной дороге, то он едет в вагоне, вагон этот принадлежит Молотову. И на какие деньги он купил? Значит, он проданся американцам.

Мы ему разъяснили, что за границей нет практики ездить в индивидуальных вагонах. У Молотова, тем более, никаких вагонов не могло быть. Там все принадлежит частной железнодорожной кампании.

Все-таки Сталин написал телеграмму Вышинскому (тогда Вышинский в ООН работал) и предложил ему, насколько это возможно, узнать, известен ли в США собственный вагон у Молотова. Конечно, Вышинский

сейчас же ответил, что никакого вагона у Молотова нет и не было. Это вот я говорю к тому, что было понятно, какая обстановка была, какие затмения у Сталина бывали в последний период жизни.

* * *

Как-то в субботу от Сталина позвонили, что Сталин приедет в Кремль и чтобы мы пришли. Тогда не заседало Бюро, а он пригласил персонально меня, Маленкова, Берия, Булганина и больше никого. Приехали.

Он сказал:

— Давайте кино посмотрим.

Посмотрели кино какое-то, потом Сталин говорит:

— Поедемте покушаем на ближнюю дачу.

Это значит к Сталину поедем.

Приехали к Сталину, поужинали. Ужин затянулся. Сталин это называл обедом. Мы кончили этот обед, наверное, в пять или в шесть часов утра. Это обычное время, когда кончались такие обеды. Сталин был навеселе после обеда, но в очень хорошем расположении духа и физически ничего не свидетельствовало, что может быть какая-то неожиданность. Распрощались мы с тов. Сталиным и разъехались.

Я помню, когда мы вышли в вестибюль, Сталин, как обычно, вышел проводить нас. Он много шутил и был в хорошем расположении духа. Он замахнулся, так вроде пальцем или кулаком, толкнул меня в живот, назвал Микитой. Когда он был в хорошем расположении духа, он всегда называл меня по-украински Микита. Ну, мы уехали тоже в хорошем настроении, потому что тоже ничего за обедом не случилось, не всегда обеды кончались в таком хорошем тоне.

* * *

Разъехались домой. Я ожидал, что завтра выходной день и Сталин нас обязательно вызовет. Поэтому я долго не обедал, думал, может, он пораньше вызовет. Потом пообедал. Нет и нет звонка. Я не верил, что выходной день может быть пожертвован в нашу пользу, чтобы Сталин не вызвал нас к себе. Но нет. Уже было поздно, я дома; разделся и даже лег в постель.

Вдруг звонит Маленков и говорит:

— Вот знаешь, сейчас звонили от Сталина ребята (назвал фамилию) чекисты и они тревожно сообщили, что что-то произошло со Сталиным. Надо будет поехать. Я звоню тебе и уже позвонил Берия и Булганину. Выезжай прямо туда к Сталину, я поеду и они туда приедут.

Я сейчас же вызвал машину. Машина была у меня на даче. Я быстро оделся и приехал. Все это заняло 15 минут. Мы условились, что мы приедем не к Сталину, а зайдем в дежурку к дежурным.

Мы зашли к дежурным, спросили:

— В чем дело? Как? Почему вы так думаете?

Они говорят:

— Обычно Сталин в такое время, часов в 11 вечера обязательно звонил, вызывал и просил чай. Другой раз он и кушал. Сейчас этого не было.

Тогда послали Матрену Петровну на разведку. Матрена Петровна — подавалыщица, такая уже немолодая женщина, много лет проработавшая у Сталина. Очень ограниченный, но честный и преданный Сталину человек.

Нам чекисты сказали, что они уже послали Матрену Петровну посмотреть. Она пришла и сказала, что тов. Сталин лежит на полу, спит. Чекисты подняли тов. Сталина и положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал в большой столовой, следовательно, он поднялся с постели, вышел в столовую и там упал.

Когда нам сказали, что с ним вот такой случай произошел и что он теперь спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться и фиксировать свое присутствие, когда он в таком неблагоприятном положении находился. Мы уехали по домам.

Я приехал, прошло какое-то небольшое время, опять звонок.

Звонит Маленков и говорит:

— Звонили опять ребята от тов. Сталина. Они говорят, что все-таки что-то со Сталиным не так. Хотя Матрена Петровна, когда мы ее посылали, сказала, что он спит спокойно, это не обычный сон. Надо еще поехать.

Мы сказали, что хорошо, приедем. Мы условились, что Маленков позвонит другим членам Бюро — Ворошилову и Кагановичу, которые отсутствовали на обеде и первый раз не приезжали. Условились, что надо, чтобы приехали врачи.

Вот мы приехали опять в эту дежурку. Приехал Каганович, приехал Ворошилов и приехали врачи. Из врачей помню профессора Лукомского. Он тогда приехал и с ним еще кто-то прибыл. Кто был, я сейчас не помню.

Мы зашли в комнату. Сталин лежал на кушетке, спал. Ну, мы сказали врачам, что-

бы они приступили к своей деятельности и обследовали, в каком состоянии находится Сталин. Профессор Лукомский подошел очень осторожно. Я его понимал. Он, знаете, прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь.

Берия даже грубовато сказал:

— Вы врачи, так вы берите, как надо.

Профессор Лукомский сказал, что правая рука Сталина не действует. Парализована и левая нога. Он даже говорить не может. Состояние у него тяжелое. Сразу разрежали костюм, переодели и перенесли его в большую столовую. Положили его на кушетку, там, где он спал, где больше воздуха. Тогда же решили установить дежурство врачей.

* * *

Мы среди членов Бюро Президиума установили свое постоянное дежурство и распределились так: Берия, Маленков — двое дежурят; Каганович, Ворошилов — вместе дежурят и мы с Булганиным тоже вместе дежурили. Распределили так, но явно главными определяющими были Берия и Маленков. Они взяли себе дневное время дежурства, а нам с Булганиным вышло ночное. Я очень волновался и, признаюсь, я очень жалел, что мы теряем Сталина.

* * *

Сталин был в очень тяжелом положении. Врачи нам сказали, что при таком заболевании редко, почти никто, не мог вернуться к труду. Он мог еще жить, но что он будет трудоспособен — маловероятно. Нам сказали, что чаще всего эти заболевания непродолжительны и кончаются катастрофой.

Мы все делали, чтобы Сталина поднять на ноги. Мы видели, что Сталин лежит без сознания, что он не видит или не сознает в таком состоянии. Его стали кормить с ложки. Давали какой-то бульон и сладкий чай. Распоряжались врачи, откачивали у него мочу, он был без движения.

Я заметил, что когда у него откачивали мочу, то он старался прикрыться, чувствовал неловкость. Казалось, что он, возможно, что-то сознает.

* * *

Однажды днем, я не помню, на какой день его заболевания, Сталин вдруг как бы пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица, он говорить не мог. Он поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом он

стал жать руки, я ему подал руку, он ее пожал левой рукой. Правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства.

Тогда я обратил внимание и сказал:

— Знаете, почему он показывал рукой? На стене висит картина. Это была вырезанная из "Огонька" репродукция с картины какого-то художника. Там ребенок, девочка, кормит из рожка ягненка. В это время Сталина кормили с ложечки и он, видимо, нам показывал пальцем и пытался улыбаться: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок, которого девочка поит с рожка, а вы меня — с ложечки ...

* * *

Как только Сталин заболел, Берия ходил и пылал злобой против него. Он его ругал, он издевался над ним. Ну, просто невозможно было его слушать.

Интересно, как только Сталин проявил на лице сознание, пришел в чувство и тем самым дал понять, что он может подняться, выздороветь и мы стали жать ему руку, Берия сейчас же бросился к Сталину, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда Сталин опять потерял сознание, закрыл глаза, Берия поднялся и плюнул.

Вот это был истинный Берия. Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде возносил и боготворил и тут же плевался на него.

* * *

Наступило наше вечернее дежурство с Булганиным. Мы и днем были. Когда профессора были, то и нам надо было быть и ночью потом дежурили. Я с Булганиным был откровенен больше, чем с другими, и я ему доверял свои сокровенные мысли.

Я ему сказал:

— Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, когда Сталин уйдет от нас, умрет. Он не выживет, да и врачи-профессора говорят, что он не выживет. Ты знаешь, какой пост возьмет для себя Берия?

— Какой?

Он говорит:

— Какой?

Я говорю:

— Он возьмет пост Министра Госбезопасности. (Тогда были разделены Госбезопасность и Министерство иностранных дел). Нельзя никак допустить это. Если он возьмет пост Министра госбезопасности — это начало нашего конца. Он возьмет его только для того, чтобы истребить, уничтожить

нас и он это сделает. Поэтому это никак нельзя допустить, никак нельзя.

Он сказал, что со мной согласен и мы стали обсуждать, как будем действовать.

Я говорю:

— Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков тоже такого мнения. Он тоже должен все понимать. Надо что-то сделать, потому что иначе для партии будет катастрофа. Этот вопрос касается не только нас, хотя и нам не хотелось попасть под нож Берии. Это возврат к делам 1937-1938, а может быть даже еще хуже.

* * *

Тут у меня уже закрались сомнения. Я Берия не считал уже коммунистом. Я считал, что этот человек пролез в партию. У меня в сознании маячили слова Гриши Каминского, что он был агентом английской контрразведки, что этот волк в овечьей шкуре пробрался в партию, влез в доверие к Сталину и занял такое высокое положение.

К тому времени я уже видел, что Сталин тяготился им, и не только тяготился, а мне казалось, что были периоды, когда Сталин боялся Берии. На такие мысли наталкивал такой инцидент. Я о нем хочу рассказать.

Когда-то мы сидели у Сталина и вдруг

Сталин смотрит на Берия и говорит:

— Почему сейчас окружение у меня оказалось все грузинское? Откуда оно взялось?

Берия говорит Сталину:

— Это верные Вам, преданные люди.

— Почему грузины мне верны и преданы, а русские, что же, продажны и неверны что ли?! Убрать!

Тут, как говорится, как рукой сняло всех этих людей. Сразу их убрали. Он ходил, как побитый.

Я тогда подумал (возможно, и другие так думали, но мы по этим вопросам между собой не обменивались мнениями), что Сталин просто боится Берия, потому что Берия способен через своих людей сделать со Сталиным то, что он делал с другими по поручению Сталина: уничтожал, травил и прочее. И поэтому Сталин, видимо (если за Сталина рассуждать), справедливо считал, что Берия способен сделать что-то и делать чисто с другими, то почему он это не может сделать и со мною, то есть со Сталиным? Поэтому надо убрать окружение, через которое он имел доступ к кухне и прочее. Он их и убрал.

* * *

Но Сталин не понимал, потому что стар был, что тогдашний Нарком Госбезопасно-

сти Абакумов докладывал Сталину уже после того, как он эти же вопросы докладывал Берия и получал указания, что докладывать Сталину, Сталин думал, что он свежего молодого человека выдвинул и что тот теперь делает то, что Сталин говорит. А этого не было на самом деле. Вот так.

Подкрепляет мое мнение, что Сталин тяготился и даже боялся Берия то, что Сталин выдумал менгрельское дело. Он продиктовал тогда решение, и оно было опубликовано, что менгрелы связаны с турками, среди них есть силы, которые ориентируются на Турцию. Конечно, это была чепуха. Я считаю, что это была акция, направленная Сталиным против Берия, потому что Берия менгрел. Таким образом, он готовил удар против Берия. Тогда много было произведено арестов и опять Берия ловко вывернулся. Он ловко влез в это дело, уже как нож Сталина, и начал вести расправу с этими менгрелами, выдуманными врагами. Бедные люди. Тащили их на плаху, как баранов.

* * *

Я не все сейчас могу припомнить, но были и другие факты, которые говорили о вероломстве Берия и недоверии Сталина к Берия.

Мы договорились обо всем с Булганиным. Кончилось наше дежурство и я поехал домой. Я хотел поспать, потому что не спал на дежурстве. Принял снотворное и лег. Только я лег, еще не уснул, — звонок.

Маленков звонит:

— Срочно приезжай, у Сталина ухудшение. Приезжай срочно.

Я сейчас же вызвал машину и поехал. Приехал. Действительно, Сталин уже был в очень плохом состоянии. Другие приехали, мы все видели, что Сталин умирает. Медики нам сказали, что он умирает, что это уже агония.

Тут он перестал дышать. Стали ему делать искусственное дыхание. Какой-то огромный появился мужчина, который начал его тискать, делать манипуляции, чтобы вызвать дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так он его терзал.

Я сказал:

— Послушайте, бросьте, пожалуйста. Умер человек. Что вы хотите? Не вернуть его к жизни. Он мертв уже, но больно смотреть, как он Сталина треплет, чтобы вызвать дыхание.

Прекратили эти манипуляции. И Сталин умер.

* * *

Сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву, а мы были на ближней даче за городом. Мы сейчас же решили вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно тоже волновался.

Я решил с Маленковым поговорить. Я прошел к Маленкову и говорю:

— Егор, надо мне с тобой поговорить.

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот Сталин умер. Есть о чем говорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все и будем говорить. Для этого и собираемся.

Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по-другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берия и все уже давно обсуждено.

— Ну, ладно, — говорю, — тогда потом поговорим.

* * *

Собрались все. Все увидели, что умер Сталин. Приехала Светланка. Я ее встретил и когда встретил, то очень разволновался и

заплакал. Я не мог сдержаться. Искренне мне было жалко Сталина, искренне я оплакивал его смерть. Я оплакивал не только Сталина, а я волновался за будущее партии, за будущее страны, потому что я уже чувствовал, что сейчас Берия будет заправлять всем, что это начало конца. Я не верил, я не считал его уже коммунистом к этому времени. Я считал его вероломным человеком, готовым на все. В идейном положении я его уже не признавал за коммуниста, а насчет расправы, — так он был мясник, убийца.

* * *

Началось распределение портфелей. Сейчас же Берия предложил Маленкова назначить Председателем Совета Министров с освобождением от обязанностей Секретаря ЦК. Маленков тут же предложил своим Первым заместителем утвердить Берия и слить два министерства — Госбезопасности и Внутренних Дел — в одно Министерство Внутренних Дел и назначить Берия Министром. Я молчал, молчал и Булганин. Я волновался, как бы Булганин не выскочил, потому что было бы очень неправильно так поступить.

Я молчал, потому что в это время видел

настроение всех остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили, что мы склочники, что мы дезорганизаторы, что мы еще при неостывшем трупе начинаем драку в партии.

Я уже видел, что все идет в таком направлении, как я предполагал.

Почему Берия занял такой пост? Почему он себя так вел? Казалось бы, для него это был очень скромный пост.

Молотова назначили первым замом, Кагановича — тоже. Ворошилова предложили избрать Председателем Президиума Верховного Совета, освободив Шверника. Очень неуважительно выразился в адрес Шверника Берия. Он сказал, что его никто не знает в стране.

Я видел, что это тоже детали его плана — он хочет Ворошилова сделать человеком, который оформлял бы в указах то, что делал бы Берия, когда начнет работать его мясорубка.

Меня предложил Берия освободить от обязанностей секретаря Московского комитета с тем, чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в Центральном Комитете. Провели и другие назначения. Приняли порядок похорон, порядок извещения о смерти Сталина.

Так, собственно говоря, мы лишились Сталина и так мы приступили к самостоятельной деятельности по управлению государством.

Во время похорон и после похорон Берия ко мне проявлял большое внимание и уважение, чем я был удивлен. Он не порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но начал такие же дружеские отношения устанавливать со мной.

Если, бывало, они соберутся пройтись по Кремлю, то тоже меня приглашали. Одним словом, они начали демонстрировать мою близость к ним. Я, конечно, не противился этому, хотя мое мнение о Берия не изменилось, а наоборот, оно еще больше укрепилось.

Тогда была договоренность повестку дня заседаний Президиума ЦК составлять нам вдвоем — Маленкову и Хрущеву. Маленков председательствовал бы на заседаниях Президиума, а я, как секретарь, принимал бы участие в составлении повестки дня вместе с Маленковым.

С каждым днем Берия все больше набирал силы и быстро росла его наглость. Вся его провокаторская хитроумность была пущена в ход.

АРЕСТ БЕРИИ

Н. Хрущев не раз возвращается в своих воспоминаниях к фигуре Берии. Много места занимает, в частности, рассказ о том, с каким трудом после смерти Сталина ему удалось убедить коллег в том, что Берия должен быть отстранен от управления государством. Здесь публикуются отрывки воспоминаний о заседании Президиума Совета Министров, во время которого был арестован Берия.

Н. Хрущев попросил Микояна заехать к нему на дачу. Хрущев высказал Микояну свои опасения относительно Берии. Микоян слушал, подавал реплики, но в общем его мнение свелось

”к такому заявлению, что все-таки ... Берия — не безнадежный и что он в коллективе может работать. Это тоже вызвало у меня очень большую тревогу, потому что, значит, таково мнение товарища Микояна, потому что получалось, что разные оценки, разный подход ... это уже вызывало тревогу”.

Хрущев зашел в кабинет Маленкова с тем, чтобы уже оттуда пойти в зал заседа-

ния. Он рассказал разговор с Микояном и свою тревогу и спросил, чем кончился разговор Маленкова с Ворошиловым. Маленков ответил, что Ворошилов зашел к нему, он рассказал ему свои соображения относительно Берии; его опасности для партии, Ворошилов

”бросился, говорит, ко мне, говорит, обнял, поцеловал и заплакал. Что я, говорит, полностью согласен”.

Они условились собраться на заседании Президиума Совета Министров, но сказать, что это не заседание Совета Министров, а заседание Президиума ЦК, чтобы обсудить положение в партии, и для этого нужно было пригласить Ворошилова, он тогда был председателем Президиума Верховного Совета и не был в Совете Министров, но его пригласили, поскольку решили сделать это заседанием Президиума ЦК. Маленков открыл заседание и сказал: ”Давайте обсудим партийные вопросы”. Все согласились, Хрущев попросил слова у Маленкова и предложил, что надо обсудить вопросы о товарище Берии.

Берия сидел от меня справа и, естественно, сразу же востроился, схватил меня за руку, осмотрел, говорит, что ты, назвал меня по имени, Никита, что ты имеешь в

виду? Вот ты послушай, я об этом как раз и хочу сказать. Попросил слова.

И, судя по записи, Хрущев начал с того, что на Пленуме ЦК, это, кажется ему, был февральский Пленум, по-видимому, в 1938 или в 1939 году, когда обсуждалось положение дел в партии, критиковали почти всех участников, и тогда Хрущев вспомнил, что Гриша Каминский попросил слова.

... Он тогда был, по-моему, Наркомом здравоохранения Российской Федерации, он вышел на трибуну и сделал, примерно, такое предложение, что раз, говорит, выступают все и высказывают о всех кто что знает критического, я хотел бы сказать, что когда я работал в Баку секретарем, я не помню ... Бакинской партийной организации, по-моему, Бакинской, а не Центрального Комитета коммунистической партии Азербайджана, тогда, говорит, точно помню, ходил слух среди коммунистов, что в бытность англичан в Баку, когда они оккупировали в 1918 году Баку, значит, что Берия тогда работал в Муссоватистской контрразведке, а тогда в Баку было создано Муссоватистское Националистическое Правительство, подданное англичанам, собственно, создано было англичанами... Поэтому, значит, Берия, естествен-

но, тогда был агентом контрразведки Англии. Я, говорит, хотел бы об этом сказать все, чтоб знали в партии и проверили бы это.

Далее Хрущев говорил, что после заседания никто не выступил, справки о Берии никакой не поступило, но Каминский на следующий день уже не пришел, никто не знал, почему он не пришел. Но, говорит, это было тогда почти закономерно, многие на том заседании были, а на второй день не приходили, поскольку, уже относились к врагам народа, значит, были арестованы, и, по-видимому, Каминского постигла та же участь.

Затем Хрущев говорил о том, что знал Каминского, и дружил с ним, и считал, что человек "был какой-то особой чистоты и морали".

Затем Хрущев говорил о том, что люди исчезали сотнями, тысячами, потом только узнавали, что они являются врагами народа, и то не о каждом, но Хрущева беспокоил этот случай с Каминским и беспокоило, правду ли тот сообщил.

Кроме того, на заседании Хрущев говорил, что после смерти Сталина, что Берия в отношении партийных организаций, Украинской,

Белорусской и других, предпринял какие-то изменения в руководстве, и направленность этого была антирусская, и особенно в руководстве чекистских органов.

И мы правильно понимали его, что он хотел толкнуть в национальности и объявить грузин ... национальностью Советского Союза против русской национальности. Одним словом, значит, это очень опасный момент для ... все враги нашей Советской ... враги коммунистической партии, они рассчитывали на межнациональные ... усобицы, борьбу, значит.

... У меня складывалось впечатление, значит, и тогда, наблюдая при жизни Сталина Берия ... мне думается, что он просто не коммунист, что он карьерист, он пролез в партию ... из карьеристских побуждений, и он ведет себя ... ну, ... вызывающе, недопустимо, значит, что ... такой человек, ну, не понятен, значит, тем, чтобы честный коммунист

мог так вести себя в партии. И поэтому, я говорю, надо будет эти вопросы обсудить, значит.

После Хрущева взял слово Булганин, они раньше обсуждали это не раз еще при жизни Сталина, он высказался в том же духе,

потом все высказались очень хорошо, Молотов и другие товарищи, за исключением товарища Микояна.

Микоян выступил последним, и он повторил то, что сказал раньше Хрущев, и сказал, что Берия учтет это, Берия — не безнадежный человек, что в коллективе Берия может работать и что он может быть полезным. И когда все высказались, должен был и подвести итог, и формулировать постановление Маленков, как председатель, но он очень растерялся, и получилась пауза.

И вот тогда я вижу, попросил товарища Маленкова, чтоб он мне предоставил слово для предложения, значит. И я поставил так, как мы с ним и улаживались. Не только с ним, но и с Молотовым, и с другими товарищами, что я предлагаю Берию ... освободить, поставить на Пленуме ЦК об освобождении от обязанностей члена Президиума ЦК, по-

ставить вопрос об освобождении его от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров, от занимаемого поста министра ... министра внутренних дел, значит, и это все ... В общем, от всех постов, от государственных, которые такие ... которые он занимал ... Маленков, собственно, по-моему, я даже не помню, и опять же как-то не четко, значит, ... по-моему, он даже не поставил как следует четко эти вопросы, с тем чтобы голосовали, значит ... а он, значит, нажал кнопку, которая у него была секретная, значит, и вошли военные, вот так, как условились, значит. ...

Вошел Жуков, значит, Москаленко зашел и другие генералы. Вот один или два были полковники, значит. Ну, Жуков тогда был, по-моему, заместителем министра, и к Жукову уже тогда было хорошее доверие и хорошее отношение, хотя Жуков на первых порах не назывался в числе военных, которые бы вот помогли Совету Министров справиться, значит, с Берией. Потому что высказывали соображения, что тогда, ну, если скажем, чтобы Берию держать и провести следствие, то не повернет ли Берия, значит, в таком направлении, вызовет чекистов, которые являлись нашей охраной, которые Берии подчинены, и что он прикажет нас

изолировать. Значит, вот. Мы совершенно были бы, ну, бессильны, потому что это довольно большое объединение вооруженных, хорошо подготовленных лиц Министерства внутренних дел. Поэтому и решено было, чтоб военных привлечь. Товарищ Москаленко, он привлекался раньше, так сказать с генералами. Ему передавалось по телефону, чтобы он был вооружен и вооружены его товарищи, значит. И их — Москаленко и других вооруженных — должен был провести через ворота в Кремль товарищ Булганин, потому что люди военные, которые проходили раньше в Кремль, они обязаны были комендатуре сдавать оружие, значит. А эти должны были прийти с оружием, значит. Ну, одним словом, когда зашло уже тогда не пять человек, а я не знаю, человек десять, наверное, или больше в кабинет, значит, и тогда Берия, значит, Маленков, значит, так говорит: "Я, председатель Совета Министров, предлагаю вам, — обратился он к товарищу Жукову, — чтобы задержать Берию, значит". Жуков скомандовал Берии, чтобы он поднял руки. Москаленко и другие даже обнажили оружие, значит, считали, что может пойти на какую-то провокацию Берия. А, значит, Берия действительно рванулся к своему портфелю, а портфель его был за

спиной, на подоконнике. Я даже Берия схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием. Ну, потом проверили, что никакого оружия у него не было ни в портфеле, ни в кармане, значит. Это просто какое-то такое рефлекторное такое движение сделано, ну ... И Берия сейчас же взяли под охрану и поместили его в Совете Министров, там же, рядом с кабинетом товарища Маленкова, значит. И на этом заседание окончилось, значит. Сейчас же решили создать Пленум, значит, на завтра ... или на послезавтра, я не помню. Одним словом, как это было технически возможно скорее... где были бы поставлены эти вопросы. Тут же было решено, значит, освободить прокурора генерального, потому что прокурор... вызывал сомнения и не располагал, что он может объективно провести следствие... Ну, утвержден был прокурором товарищ, ну ... сейчас он прокурор, Руденко, товарищ Руденко, значит, и ему, значит, было поручено провести следствие... Но так как мы не знали, кому же поручить, потому что нельзя в Министерстве внутренних дел, мы не доверяли охрану Берии, значит, потому что это его ведомство, его люди, значит. Там тогда был заместителем его Круглов, по-моему, и был Серов, значит. Ну, я ма-

ло знал Круглова, Серова я лучше знал, и Серову я доверял. Я считал и сейчас считаю, что Серов — очень честный человек в своей партийности, и если что за ним и было, как за всеми, так сказать, чекистами, то он здесь тоже стал, ну, жертвой общей политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предлагал, что Серову поручить можно, но другие высказались, что надо, говорят, быть все-таки осторожным, значит, и Круглову тоже не доверяли, значит. Тогда договорились, что лучше всего поручить это командующему, кажется, противовоздушной обороны. Тогда был командующим товарищ Москаленко, ему поручить охрану. И Москаленко привел его, привез своих людей, привез к себе на командный пункт, значит, в бомбоубежище. Ему, значит, видно было, что он это делает так, как нужно, как это тогда в интересах партии, в интересах государства. Вот как только закончилось наше заседание, значит, ко мне подошел Маленков и говорит: "Ты послушай, — говорит, — вот начальник охраны, который много знает". Я забыл его фамилию, и он подошел ко мне и говорит, что он узнал, вот, что задержали Берия, значит, поэтому и я сейчас получил возможность сообщить вам, что Берия изнасиловал мою падчерицу, девочку, я не знаю,

седьмого класса, кажется, но это было уже, наверное, год или даже больше тому назад, при таких обстоятельствах, что умерла бабушка, а мамаша ее и жена вот этого начальника охраны заболела инфарктом, значит, ее отвезли в больницу. Я не знаю, как, но они, видимо, жили раздельно, что ли, с бабушкой. Одним словом, значит, эта девочка оставалась одна в доме, значит, и она, значит, потом, как изложила в своем заявлении генералу, [пошла] за хлебом, за булкой вечером, уже как раз возле дома, где жил Берия. А там, говорит, я встретилась со стариком, который так на меня, значит, смотрел, говорит, испугал меня, говорит. А потом вызвали ее чекисты, привели в дом Берии, Берия посадил ее с собой ужинать, предложил тост за Сталина, значит. Она отказалась, но он говорит, как же за Сталина разве ты откажешься выпить, и она согласилась выпить, и он, видимо ... Потом мы узнали, что у него список. Около ста или больше было таких женщин, которых приводили к нему его чекисты. Ну, он обычно угощал обедом, предлагал тост за Сталина. ...

Когда изолировали, задержали Берию, Берия попросил карандаш и бумагу. Ну, мы посоветовались между собой, значит, были сомнения, потом решили все-таки дать ему,

может быть у него, так сказать, в результате того, что его задержали, может быть, и будут какие-нибудь побуждения. Скажет искренне, что он знает из того, в чем мы его обвиняем, т.е., что он скажет, но в своей записочке он написал Маленкову: "Егор, такой-сякой, значит, ты же меня знаешь, мы друзья; зачем и ты поверил Хрущеву, это он тебя ... " и прочее. Хотя, значит, и тут же он ко мне обращался в этой записке, что то, что он честный человек и прочее. По-видимому, так как можно понять было две или три такие записки, и Маленков заволновался и даже сказал, что предложение относительно Германии о строительстве социализма они вместе с Берией сделали, и потому Маленков волновался, что против него тоже будут. Ну, мы ему сказали, что обсуждается вопрос о Берии более глубокий, чем вопросы Германии ...

Перед нами раскрылся ужасный человек. Человек — зверь, который, так сказать, ничего святого не имел, не только коммунистического, но и вообще морального, так сказать, облика человеческого, значит. А уж преступления, сколько он загубил людей и прочее.

О БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЕ

... Принято это решение было потому, что свободный проход в Западный Берлин — это была лазейка для всех разведок стран капитализма. Они через ГДР могли проникать и разведывать расположение наших войск, их вооружение и прочие разведывательные данные, которые были интересны для наших противников. Кроме того, через проход в Западный Берлин огромный ущерб наносился экономике ГДР ... Кроме этого, Западная Германия оплачивает выше интеллигенцию, чем в ГДР и других социалистических странах”.

... Срок был выбран 13-го августа, я сейчас не помню, да и это не имеет значения. Мы потом шутили, что 13-е августа на Западе считается несчастливым днем. А я сказал, что этот день будет для нас счастливым и для всего социализма. Выдержано все было в секрете, никто этого не знал. Все было подготовлено, и наши войска вышли и заняли границу.

Причем, спереди была цепь немецких солдат, а позади несколько метров —

цепь советских войск ,

чтобы Запад не видел, что за спиной немецких войск стоят советские войска ...

... Но это сразу привело в порядок. Повысилась дисциплина, заводы сразу стали работать лучше. Лучше стали работать колхозы в ГДР. Резко сократилось потребление хлеба, жиров, мяса и прочих продуктов. Товарищ Ульбрехт нам потом сообщил, что это выразилось в очень крупной миллионной сумме экономии. Потому что наши товары в ГДР население Западного Берлина покупало.

... Мы сомневались, смогут ли строго контролировать границу немцы. Здесь может сложиться ситуация, когда нужно будет применить огневые средства. А немец по немцу стрелять — это тяжелое дело. И мы высказались. Нам немцы ответили так: "У вас была гражданская война, и вы ее проводили несколько лет, и это была война русских против русских, а вы же стреляли. Так почему же немцы могут хуже понимать свои классовые задачи и что у немцев могут дрогнуть руки при выполнении своего воинского долга, при защите своей социалистической республики?"

Так оно и было, и сейчас бывают инциденты, но войска, которые созданы в ГДР,

воспитываются на марксистско-ленинском учении, понимают свою классовую позицию и стоят на охране своего социалистического отечества.

О РАКЕТНОМ ВООРУЖЕНИИ

Когда мы запустили ракету, то тогда это привело [западный мир] в трепет, что мы сейчас создали носитель ядерного оружия, что мы можем перебросить атомную бомбу ракетой, а это было неуязвимое по тем временам оружие, да и сейчас, я считаю, что если взять ракету, то она почти неуязвимая. Теоретически можно сбивать ракеты, и наука позволяет это сделать, но в свое время я выступал и говорил, что мы создали противоракетную ракету, которая может в муху попасть. Ну, это больше фраза, ею я пользовался для полемики, с тем чтобы отрезвить нашего противника, что мы, так сказать, тоже вооружены средствами — как средствами нападения ракетными, так и средствами защиты ...

... И у меня возникла идея поставить ракеты в шахты. Ракета является цилиндрическим телом, и что если мы прокопали стволы или колодцы и соответственно бы оборудовали их и поставили бы там ракеты в бетонный колодец, то она бы находилась в закрытом состоянии, с крышкой. Это одно, это уже улучшает сохранение при любой по-

годе, и если бы было попадание зарядом противника в этот район, то для разрушения потребовалось бы только прямое попадание. А это было мало вероятно, как говорится: попасть в муху — это выражение можно использовать на митинге или при публичном выступлении, но в действительности это дело тяжелое, хотя атомные бомбы имеют большой радиус действия ...

Ему доложили, что невозможно в колодец ракеты ставить.

... Я был этим очень удивлен, потому что мне казалось, что это не только возможно, но и должно их заинтересовать, но они мне сказали, что это невозможно. Я не помню, какие аргументы они мне к этому приводили, но я, понимая свое политическое положение, я считал не вправе настаивать и требовать, чтоб они так сделали. Я считал, что это люди, знающие дело, добросовестно изучили это предложение и решили, что это невозможно. Я так и оставил это, но думать над этим я все-таки продолжал, и я не был уверен, что они правильно сделали, когда отказались от моей идеи. Не помню, сколько прошло времени — год или больше — и мне тогда мой сын, а он инженер и имел ка-

кое-то отношение, во всяком случае, он знал о ракетах и об устройстве ракет, он бывал на испытаниях по своему роду работы. И я ему рассказывал и часто с ним обсуждал, т.е. он знал о моей идее и знал о том, что инженеры отказались от этой идеи. Вот когда Янгель заявил, что он может создать ракету, где горючим будет кислота, кислород, то я был на отдыхе и пригласил его, а может быть, он и сам добился приглашения, одним словом, мы встретились с ним на берегу Черного моря ... Я ему высказывал свои соображения: "Товарищ Янгель, я предлагал ..., но инженеры отказались, считают, что это невозможно, но меня их аргументы не убедили. Какое ваше мнение, я попросил бы вас подумать и ваших инженеров, которые работают в вашем конструкторском бюро". Он обещал подумать, *(хотя Хрущев говорит, что это не его область)*, а над этим работал тогда инженер Бардин, который теперь академик.

Он в этой области много делал, а теперь он возглавляет, по-моему, полезную работу на оборону страны.

А потом:

И к моему удивлению, и к моей радости, я узнал от сына — а он следил за американской литературой — что в каком-то журнале

было описано устройство шахт для запуска баллистических ракет. "Вот, — сказал он мне, — папа, я читал, знаю о твоей идее, которую забраковали, что американцы встали на этот путь".

* * *

... Конечно, политически мы обыгрывали то, что мы первые создали ракеты, первые запустили в космос. Мы это обыгрывали и тем самым старались оказать давление на американских милитаристов и военных, что мы имеем ядерное оружие, т.е. носители, которые могут достигнуть территории США. Одним словом, базы, которые они создали вокруг Советского Союза уже не имели такого значения, как тогда, когда мы не могли достигнуть территории США, здесь уже мы действовали на умы разумных, военных, и политических деятелей США, что надо наши вопросы решать путем переговоров, искать решения вопроса путем компромисса, а не путем военного шантажа. ...

* * *

Ну, мы, конечно, в пропагандистских целях это рекламировали, что мы сейчас делаем ракеты на автоматах, чуть ли не как сосиски. Это не совсем была прямая аналогия, но приблизительно наше заявление бы-

ло правдивым, потому что это был поток, конвейер ...

... Если сейчас какой-нибудь умник скажет, что я рассекречиваю, это уже не секрет, это для малосведущего человека уже известно. Эти ракеты сейчас уже давно, видимо, сняты с вооружения, потому что уже давно созданы новые ракеты, которые являются каким-то поколением ... Поэтому сейчас, не знаю, написано ли это в газетах, а моя диктовка никакой расшифровки не дает.

* * *

... Если говорить о направлении работы конструкторских бюро Сергея Павловича Королева и Янгеля, то конструкторское бюро Королева ... Там было, правда, некоторое количество обновленных ракет чисто военного назначения — эти ракеты были ускоренного способа приведения в боевое состояние — но главным образом он работал над освоением космоса. Но вопрос оборонного значения, вопрос войны, вопрос вооружения нашей армии ракетным оружием — это легло на плечи Янгеля, который возглавлял и возглавляет сейчас это конструкторское бюро. Это талантливый, я бы сказал, гениальный конструктор. Человек он физически боль-

ной, но он очень талантливый, и он создал гениальные ракеты мобильного действия. Я сейчас не буду перечислять эти ракеты под разными номерами, и они были разного назначения, но разные назначения заключались в том, что некоторые ракеты действовали на две тысячи километров. Это ракеты стратегического назначения, но ближнего действия. Были ракеты созданы на четыре тысячи километров — это тоже стратегические ракеты среднего радиуса действия — и были межконтинентальные баллистические ракеты, это те, которые могли переносить ядерные заряды в любую точку земного шара, их называли еще глобальными ракетами. У нас единственный был несчастный случай при испытании, когда мы потеряли несколько десятков людей и чуть ли не загубили главного конструктора Янгеля.

Мы потеряли тогда маршала ракетных войск Неделина, это при испытании одной новой ракеты произошел несчастный случай. Как мне рассказали, какое-то соединение было, и произошло зажигание горючего, и ракета стала действовать, когда она еще не была подготовлена к действию. Она была облеплена народом, который работал. И недалеко сидел и ожидал окончания этих работ Неделин. Следовательно, ракета припод-

нялась, упала, и кислота разлилась на каком-то расстоянии по окружности, и она сожгла людей, которые работали непосредственно над ракетой и сожгла Неделина, который сидел где-то недалеко и ожидал окончания подготовки ракеты к запуску. Янгель спасся буквально чудом. Как мне рассказывали, он захотел закурить и пошел в место, которое было специально отведено для курения, и в это время как раз произошел этот несчастный случай. Мы потеряли много людей и много потеряли красноармейцев, которые выполняли грубую работу, и потеряли, конечно, несколько специалистов, которые работали над этой ракетой. Янгелю повезло: он буквально только отошел в курительную, и в это время случилось это несчастье. Других много, тогда в западных газетах писали о том, что скрывали катастрофические случаи, которые происходят у нас при испытании ракет. Это был единственный случай, и никаких других случаев катастрофического характера у нас не было. Были, конечно, случаи, когда наши ракеты падали и не поднимались в космос, эти случаи были, но они происходили без всяких жертв, мы только несли материальные потери и потери большие, но людских жертв мы не имели и тем более мы не имели жертв среди космонавтов, которые потом начали летать в космос.

ОБ ИНЦИДЕНТЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

... Перед нами, нам выпала доля, сидела испанская делегация. Я помню, что глава этой делегации был уже немолодой человек с приличной лысиной, седой, худой, лицо сморщенное, нос вытянутый и лицо вытянутое. Лицо не плоское, а вытянутое вперед. Ну, если бы у нас были нормальные отношения с Испанией, то я бы сказал, что он был ничего, даже приличный. Но так как у нас были отношения натянутые и враждебные такие, что дальше некуда, то поэтому он действовал отталкивающе на меня и на всю нашу делегацию, потому что мы были соответствующе настроены.

... Я бы еще к этому добавил то, что, когда мы уезжали или специально приходила ко мне побеседовать товарищ Долорес Ибаррури или мы случайно на приеме встретились. Она обратилась ко мне, а у меня всегда с ней были очень хорошие отношения и я ее всегда уважал и сейчас уважаю. Она обратилась ко мне с просьбой и рекомендацией: "Хорошо было бы, если бы выбрали

какой-то момент, или в реплике или в речи, заклеямили ли бы позором франкистский режим в Испании". Я уже обдумывал, как это сделать, чтобы это не выглядело грубостью. Ну, грубость-то тут неизбежна, но я бы хотел, чтобы она была допустимая для парламентского порядка. Ну, соответственно, прежде всего я этот выпад должен был сделать против этой делегации, которая представляла Испанию, и тем самым, против режима, в пользу рабочего класса и трудового народа Испании.

Вот, собственно, когда я сидел, а мы выше сидели, и я когда сидел и носом клевал мысленно этого представителя Испанского государства, то всегда у меня, перед моими глазами было представление моего друга Долорес Ибаррури и ее задание выступить против этого...

...И я выступил очень остро против Франко, назвал его фамилию, "реакционный, кровавый режим" и прочие выражения, которые мы, коммунисты и люди, которые борются против диктатуры Франко, используем. И потом выступил с репликой представитель Испании. Он выступал, то я и вся делегация нашей социалистической делегации, мы шумели, кричали, а я потом, меня некоторые спрашивали и улыбались, а я, видимо, — и некоторые не понимали такой непарла-

ментский метод — я снял туфель и стал туфлем, чтобы громче было, стал по шопитру стучать. Но это вызвало соответствующую реакцию — и для журналистов, и для фотографов, и для других. Наши приятели, когда мы встречались, очень шутили. И Неру, когда я с ним встречался, сказал мне, как это свойственно Неру, он, конечно, считал, что не следует такого метода применять. Ну, я понимал Неру. Одно дело Неру и его политика, он нейтралист, и поэтому он промежуточную занимает позицию между капиталистическими и социалистическими странами, хочет играть роль моста, связывающего с каким-то преобладанием симпатии к нашей политике по вопросам обеспечения мира во всем мире. ...

О ПОДГОТОВКЕ ПОЕЗДКИ В США

Мы несколько беспокоились о том, какая будет встреча, какая процедура, не будет ли этим устроена какая-то дискриминация. Мы боялись, что они не сделают то, что положено сделать с членом правительства. Они это в какой-то степени и сделали. Потом, на каком уровне они нас приглашают? На уровне главы правительства или главы государства? Ну, они подчеркнуто сказали нашему послу, что они нас приглашают на уровне главы правительства, что действительно соответствовало моему рангу в государстве. Я — глава правительства, а глава государства — председатель Верховного Совета. Разговор шел о том, что в ответ на мой приезд в Вашингтон Эйзенхауэр примет наше приглашение. Мы тогда сказали нашему послу, чтобы он при разработке процедуры и церемонии приема, что все то, что будет предусмотрено при встрече меня в Вашингтоне, будет сделано для Эйзенхауэра ... Если скрупулезно разбираться, то наши претензии были несколько преувеличены, но мы все-таки хотели это подчеркнуть, чтобы исключить всякую ди-

скриминацию, а мы знали, что в Америке, у них было к этому желание, а искушение было еще больше. Они согласились с этим. ...

* * *

... Еще осталось наследие от сталинских времен: Сталин никуда не ездил, Сталин ревниво относился, если кто-нибудь ехал и брал жену; по-моему, раз только Микояну Сталин навязал взять свою жену, и он, кажется, брал с собой. В общем, это у нас считалось не то роскошью, не то обывательским, неделовым и прочее. Поэтому мы этого никогда не делали. Стал вопрос о поездке в Америку. Я тоже думал ехать один. По-моему, первый Микоян стал говорить, что за границей обыватели лучше относятся, когда гость приезжает с женой. А если еще его другие члены семейства сопровождают, то это еще больше располагает обывателя, поэтому он предложил мне взять Нину Петровну и включить других членов семейства, это будет хорошо расценено американским обывателем, и будет лучше для нас. Я несколько сомневался, что нужно это делать, но все другие поддерживали Анастас Ивановича, и я согласился. Таким образом составлялась де-

легация. Ну, обязательно в эту делегацию входил товарищ Громыко, министр иностранных дел, и тогда мы предложили Андрей Андреевичу, чтоб он взял бы тоже свою жену.

В связи с решением взять Шолохова в США.

... Мы знали грех за товарищем Шолоховым, что он иногда может себя невоздержанно вести при выпивках, но я с ним по этому поводу уже раньше объяснялся. Он ко мне раньше приходил и говорил: вот, не пускают меня в Норвегию, он какое-то приглашение имел. Я ему сказал, что не пускают не потому, что политически не доверяют, а оттого, что не уверены, что не свихнешься и не споткнешься, а тем самым нанесешь и себе урон и моральный урон для нашей страны. Он мне тогда дал слово, и мы его послали. Он бывал в Англии, Швеции, Норвегии и Финляндии, но я никаких донесений от посла — в таких случаях всегда доносят — не получал, замечаний не имел.

* * *

... Я беседовал с Туполевым, он сказал: "Я совершенно уверен, что никаких происшествий не будет, что самолет (ТУ-114) впол-

не надежный, что он выдержит эту нагрузку. А вы разрешите мне послать людей, которые, если что нужно, то они сумеют и принять меры. Я настолько уверен, что если вы разрешите, то полетит мой сын Алеша". — "Ну, — говорю я, — лучшего мне желать нечего, я верю вашему слову, и мне не нужна гарантия в виде заложника вашего сына при полете. Ведь если ведь катастрофа какая-нибудь, то мне-то какая разница, кто погибнет. Я лечу на этом самолете, потому что верю вам, что самолет нас благополучно донесет до Вашингтона. Но во всяком случае, если появятся какие-нибудь неожиданности, то, я думаю, Алеша может быть полезен, потому что он с отцом работал и знает систему этого самолета, и он будет очень полезен". Да, я думаю, что и Алеше, и Андрею Николаевичу хотелось, чтобы сын на Америку глянул одним глазом, но не опубликовали, что летит Туполев, потому что тогда надо было бы разъяснять, а это разъяснение никак не вязалось с нашим престижем.

Я помню, что когда первые контакты устанавливались с буржуазным миром, то я помню, что советские делегации приглашали — не знаю, по какому вопросу — на Принцевы острова, и тогда в газетах разъясняли, что такое Принцевы острова. Это туда собирают

бездомных собак, где они подышают. Одним словом, это была какая-то дискриминация, это были далекие времена, первые годы революции. Но когда уже кончилась война и советская власть твердо встала на почву, то буржуазный мир был вынужден считаться с нами и идти на контакты, но контакты эти были нетвердые и шаткие, и где была возможность уколоть Советский Союз и унижить, то буржуазный мир это делал. Вот я и думал, не является ли Кэмп Дэвид именно таким местом, куда президент приглашал меня на несколько дней. И вот мне доложили — оказывается, наоборот: особая честь. Мы этого никому не говорили. Сейчас я это диктую как воспоминание, как прошлое, о котором я хотел сказать. Это говорит о нашей же неосведомленности. *

* * *

Это было интересно и гордо было сознавать, что мы летим в США на своем пассажирском самолете и что мы приглашены Амери-

* По поводу сомнений относительно престижности резиденции в Кэмп Дэвиде Н. Хрущев замечает в другом месте: "Мне сейчас это смешно и немного стыдно".

кой. И это не потому, что мы Америку особенно благодворили, нет, мы капиталистическую Америку с ее извращениями, мы читали описания капиталистической Америки, которые сделал в своей книге Горький "Желтый дьявол", так что мы знали.

Далее он говорит, что беседы с Эйзенхауэром потребуют от него большой ответственности.

Здесь в справочник не полезешь и с Громыкой на ухо не пошепчешься, с тем чтобы с ним посоветоваться по некоторым вопросам, если потребуется разъяснение. ... Поэтому надо было и достойно представить свою страну, и с вниманием отнестись к своему партнеру. Спор-то у нас будет, правда, без повышения голоса, но в этом-то и сложность: надо свою позицию достойно аргументировать и защищать ее, с тем чтобы не унижаться и не позволить лишнего, что недопустимо в дипломатических разговорах, тем более ведь Сталин всю свою жизнь, до самой своей смерти, убеждал нас в том, что мы негодные люди, что мы не можем устоять против сил империализма, что при первом контакте мы не сможем достойно представлять и защищать свою Родину, что нас империалисты сомнут, а на его языке это озна-

чало, что нас "завербуют", мы потеряемся и не сумеем защитить достоинства своей страны. Все это проносилось в сознании, но это не угнетало, а наоборот, мобилизовывало силы, и я готовился к встрече.

* * *

Наконец-то мы США заставили выстроить перед нами почетный караул и исполнить гимн, а потом раздался артиллерийский салют, я не знаю, сколько положено, но кажется 21 залп. Одним словом, все, что положено по протоколу для встречи главы государств, все было проделано США. Это нас удовлетворяло, уже Америка отнеслась к нам с должным протокольным вниманием. Это протокольное внимание, но так как мы в глазах капиталистической Америки страна недостойная, зачумленная, и получить эти почести, вырвать — особое удовольствие и удовлетворение и радость. Не то что меня встречают, нет, а то, что встречают представителя нашей социалистической Родины.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Хрущев говорит, что когда Кастро вступил в Гавану, в СССР еще не знали, каким будет его "политическое направление".

В то же время они Микояна послали в Америку для установления каких-то неофициальных связей с деловым миром. Микояна пригласили на Кубу. Обстановка на Кубе была не ясна, и даже анекдот рассказывали:

Анекдот такой, значит, что руководство Кубинской революции, значит, попало на небо, значит, вышел к ним Петр, значит, представитель Бога и говорит: "Построиться, всем построиться". Все построились, тогда он сказал: "Коммунисты, три шага вперед, шагом марш!" Вышел Гевара, вышел Рауль там и еще какие-то вышли, значит, а все остальные стоят. Тогда Петр посмотрел и крикнул на Фиделя: "Эй, ты, а ты что, не слышишь, что ли?"

Далее целый абзац посвящен объяснению этого анекдота, что де вот он не считал себя коммунистом, а его считали. Потом были установлены дипломатические отношения с Ку-

бой, послали туда делегацию, а американцы лишили их нефти, и пришлось срочно организовать доставку нефти на Кубу.

Это была в те времена довольно трудная задача, потому что у нас такого количества этих посудин морских не было, значит, этих танкеров. Поэтому нам срочно приходилось мобилизовывать внутри и в ущерб своим перевозкам ... [Итальянцы продали танкеры]. Тогда у них даже конфликт такой был, в печать просачивался, Италии с Америкой, но Италия не проявила солидарности с Америкой. Но это тоже указывает о капиталистических законах и ... взаимоотношениях их-них волчьих ... между капиталистическими и империалистическими странами.

... Посла мы послали, так сказать, как говорится, ... старого дипломатического работника, да. Я сейчас его фамилии не помню, да ... Нет, это Алексеев потом. А Алексеев там был как журналист, значит, наш. Но журналист такой, значит, которого Кастро видел, особенно Рауль Кастро, что это не просто журналист, значит, а что он представляет определенное ведомство наше там, значит. И они с ним установили довольно близкие отношения, и когда что-либо нужно было, так они чаще обращались к Алексееву, чем к нашему послу.

Хрущев считает, по-видимому, что если бы американцы заранее знали какого направления мысли у Кастро, то он бы не победил. Он полагает, что американцы терпимы были вначале к нему, полагая, что это — просто замена диктатора... Потом они попросили оружие, СССР дал им оружие, но у них не было специалистов пользоваться им. Была велика опасность, что американцы повторят вторжение, но руководство СССР хотело сделать все, что в их силах, чтобы Куба

... укреплялась и развивалась как социалистическая страна и тем самым, так сказать, служила притягательной силой для латиноамериканских стран. У меня, собственно, тогда возникла мысль, что, может быть, надо пойти на крайний [шаг], сговориться с Кастро, вывести туда ракеты с ядерными зарядами, значит, установить. И таким образом вот эти средства поставить в защиту Кубы, и таким образом поставить тяжелые условия Америке, что если она нападет, то с Кубы можно разрушить деловые, промышленные и политические центры Америки, значит.

Я уже не помню, какого числа в октябре выступил Президент Кеннеди с заявлением, что русские ставят на Кубе ракеты с

ядерными зарядами и угрожают Америке, в связи с чем они принимают меры.

И они начали принимать меры. Они сосредоточили вокруг Кубы огромное количество, массу кораблей, прямо окружили остров. Сосредоточили авиацию на своих ближайших аэродромах. Подготовили десантные средства, пехоту. Одним словом, они мобилизовали огромные силы. Все завертелось.

Мы тогда считали, что американцы видят наши ракеты и они пугают нас, а сами они не меньше, чем мы, боятся атомной войны. Когда американцы обнаружили наши ракеты, мы еще не успели все туда завезти и наши корабли шли на Кубу через эту армаду американского флота. Американцы их не трогали и не проверяли. Мы в октябре почти завершили перевозку.

Мы поставили ракеты. Этой силы достаточно, чтобы разрушить Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня. Америка, пожалуй, никогда не имела такой реальной угрозы быть разрушенной, как в этот момент.

Началась переписка. Нам писали, мы им писали. С нашей стороны вел переписку, диктовал послания я. Мы уже чувствовали, что

военные силы Америки могут выйти из-под контроля Президента. Позже об этом и сам Президент нам сказал. В своих письмах Кеннеди ультимативно потребовал, чтобы мы вывезли оттуда ракеты и бомбардировщики ИЛ-28. Они знали, что они там. Когда бомбардировщики прибывали, они летали, конечно, а в полете их все "собаки" знают. Это первый наш реактивный бомбардировщик, но он был сделан в 1949 году. Тогда он был богом, ну, а к тому времени мы его сняли с производства, но на вооружении он еще состоял.

Я сейчас уже не помню всех наших телеграмм, но был такой момент, когда одну ночь я не спал дома, я ночевал в Совете Министров, потому что нависла реальная возможность начала войны.

Мы демонстрировали свое спокойствие, ходили в Большой театр. Мы хотели показать своему народу, своей стране, что мы в театре, оперу слушаем, значит, все спокойно. За границей за нами тоже пристально следили, каждый шаг наш анализировался.

Прошло пять или шесть дней и нам сообщает посол, что к нему пришел брат Президента Кеннеди — Роберт Кеннеди. Он сказал, что уже шесть дней и ночей не был дома. Глаза красные, видно, что человек не спал.

Он сказал:

— Мы обращаемся с просьбой к тов. Хрущеву, пусть он нам поможет ликвидировать конфликт. Если дальше так будет продолжаться, то Президент не уверен, что его не могут сбросить военные и захватить власть. Армия может выйти из-под контроля.

Я не отрицал такой возможности, тем более Кеннеди — молодой Президент, а угроза безопасности Америки.

— Вам будет, — сказал он, — передано послание от Президента. Мы просим, чтобы был положительный ответ. Мы с Президентом просим, чтобы Хрущев поддержал нас.

В этом документе они настойчиво требовали вывезти ракеты и ИЛ-28. Мы получили это послание и по его тону почувствовали, что действительно накал очень большой. Мы написали ответ, где говорилось, что ракеты мы установили в целях обороны и не преследовали никаких других целей, кроме предотвращения вторжения на Кубу, чтобы Куба развивалась так, как хотят кубинцы, а не так, как хотела бы третья сторона.

Поэтому мы вели переписку и по официальным каналам, а наиболее доверительные письма передавали через брата Президента. Он оставил послу свой телефон и просил звонить в любое время. Когда он говорил с послом, он чуть не плакал:

— Я, — говорит, — детей не видел (у него было шесть душ детей) и Президент тоже. Мы сидим в Белом доме не спим, — и глаза красные-красные.

Мы должны были быстро перестроиться.

Я тогда сказал:

— Товарищи, надо искать по возможности достойный выход из этого конфликта, но с обязательным сохранением Кубы.

Тогда мы и написали, что согласны вывести ракеты и бомбардировщики при условии, что Президент даст заверение о том, что на Кубу не будет вторжения ни американских, ни чьих-то других сил.

Тут мы начали нажимать, и Кеннеди согласился сделать такое заявление. ...

... Мы с Кеннеди разные люди. Я шахтер, слесарь, рабочий, стал премьером волею партии, волею народа. А он миллионер и сын миллионера, поэтому мы находимся на противоположных классовых позициях, непримиримых. Из этого надо исходить. Но несмотря на это, несмотря на непримиримость наших классовых противоречий, он преследует цели укрепления капитализма, а я преследую цели разрушения капитализма и создания нового общественного строя на основе уче-

ния, созданного Марксом, Энгельсом, Лениным ...

Но несмотря на разные политические позиции, когда вопрос касался мира и войны, мы смогли найти общее понимание и предотвратить военное столкновение. Поэтому я с уважением отношусь к его памяти и высоко ценю его деятельность.

О КРУПСКОЙ

... .. мне было очень горько смотреть на активах, бывало, придет старушка, уже старая, уже дряхлая, и вот, значит, ее сторонятся, значит, все-таки потому что она была, так сказать, ну таким человеком, который не отражал, так сказать, уже партийной линии, потому что она была, ну, как, какое бы такое выражение найти, значит, как к которой надо присматриваться, значит, что она не совсем правильно понимает политику партии.

Хрущев считает, что Крупская была права. Тогда Крупская была в таком положении, что к ней многие обращались с жалобами, и она обращалась к Хрущеву, но, как говорит Хрущев, она, по-видимому, считала, что он "продукт уже последнего поколения сталинского" и действительно он проводил генеральную линию, но ему приходилось раздваиваться, потому что по-человечески ему было ее жалко, а Сталин ее принижал.

Уже после смерти Крупской, когда [Сталин] вспоминал об этом периоде, так он тогда уже рассказывал, что он думал так, что если бы дальше продолжалось, так мы могли, так сказать, лишить ее, что она является женой Ленина, значит. Вот и назвал, что ну, ну могли бы объявить, что вот такая-то была женой Ленина, значит. Назвал довольно солидного человека, уважаемого в партии, значит, безупречного, значит, и этот человек и сейчас живет и работает. Глубокой, так сказать, старухой, значит. Ну, это я в таких вопросах быть судьей, я, если бы, я просто считаю, что это, ну, одно из проявлений неуважения к Ленину, это не клевета даже, а это больше, так сказать, это неуважение к Ленину.

О СТАЛИНЕ

Отдельные замечания

На мою долю выпала честь, так сказать, впервые прокладывать троллейбус в Советском Союзе, в Москве. И я очень много тратил сил для того, чтобы внедрить его, потому что очень много было противников этого способа. Тоже я получал поддержку со стороны Сталина, хотя после ... в последний период, значит, уже работы, когда троллейбус был уже готов и надо было его испытывать, значит, и мы двинули его, в это время я звонок получил от Кагановича — не делать этого. Я говорю, уже сделали. Ну, как ? — Все хорошо. Оказывается, что Сталин усомнился, что как бы он, значит вагон троллейбуса не перевернулся, поэтому, мол, не нужно. Это будет скандал, значит, будет использовано за границей и прочее. Но когда ему доложили, что все прошло хорошо и что этот новый вид транспорта, он даже облагораживает город, потом он бесшумный ... Это мне, конечно, очень нравилось, импонировало, и я, значит, восхищался Сталиным, что он вникает, как говорится, в большое и малое, и все прогрессивное полезное, что он поддерживает.

Об аресте сотрудника Хрущева — Лукашева.

Для меня это было очень неприятно: во-первых, я его хорошо знал, а, во-вторых, я его просил у Сталина, и потом, значит, его арестовали, так что могло быть плохо истолковано, что я вот его просил, а он оказался врагом народа.

Потом Лукашев вернулся, что, как говорит Хрущев, "редкое явление"

... избитый и физически и, так сказать, искалеченный морально, он пришел и рассказал мне, что он подвергался истязаниям и что при истязаниях от него требовали показания на меня, что я, так сказать, в каком-то заговоре нахожусь.

Когда я работал в Москве, то я ходатайствовал тогда, и Лукашева посылали, кажется в Польшу и в Литву и в другое какое-то прибалтийское государство он ездил для закупки семян лука и других овощей, значит. Что вот посылка его мною за границу — это была, так сказать, это была политическая для связи и прочее ... Он все-таки не дал таких показаний, значит, и сам был освобожден. Я Сталину рассказал это, ну, Сталин сказал

мне, да, говорит, такие извращения, что, мол, на меня тоже, мол на Сталина, собирают материал и прочее, и прочее.

* * *

Я не знаю, какой повод, не помню сейчас, да даже, я думаю, что это и больше нас поразило, что и повода-то не было. Он смотрел, стоял против меня и говорил, что "... пропащий я человек. Никому я не верю. Я сам себе не верю."

* * *

[Когда Германия капитулировала] , весь народ радовался. Почему-то я решил, хотя я знал Сталина, что умеет, так сказать, актерски играть, значит, и может ответить мне грубостью, но почему-то у меня не возникло такое, что это может быть, значит. Я решил позвонить Сталину и его поздравить с победой. Я позвонил, значит, мне дали Сталина, быстро Сталин взял трубку, и я его поздравляю: Товарищ Сталин, разрешите поздравить с победой наших вооруженных сил, с победой нашего народа, с полным разгромом немецкой армии, значит, и прочее и прочее, там, я не помню уже дословно, что я говорил. Ну, примерно такие поздравления.

И что же я, значит, какую-то грубость Сталин сказал, мне, значит, что вроде я его отнимаю, у него время, так сказать. И я обращаюсь с таким, по такому вопросу, что-то такое ... Ну, я просто остолбенел, значит, что такое, как это, я очень, так сказать, переживал, значит, и сам себя ругал, зачем я ему позвонил?

Я, собственно, знал его характер, и можно было ожидать такую грубость, потому что он другой раз, ну, это уже пройденный этап, и что он обдумывает другие какие-то великие вопросы, поэтому, что, так сказать, говорить о вчерашнем дне, а вот завтрашний день это его, вот он ломает голову. Я считаю, что это было актерской такой манерой его, что это он умело и очень хорошо играл эту роль, значит. Сейчас вроде он уже не радуется, вроде он, значит, считал, что ну ты что же, мол, поздравляешь меня, да я это наверняка и заранее знал, что так будет. Но я-то знаю, и видел его, и что он именно так не думал, значит. Он даже хуже думал, чем другие, которые его окружали, значит, в этом вопросе, а тут вот такую, значит, он выбросил ... такое выбросил колено, что в народе говорят, значит, грубости, значит.

* * *

... Когда заканчивали [следственное] дело, и Сталин считал необходимым, чтобы другие его подписали, то он тут же, значит, на заседании подписывал себя, значит, и сейчас же вкруговую давал, кто тут же сидели, и вкруговую давали другим, и те, не глядя, как говорится, уже как известное дело, а известное дело, так сказать, по информации, которую давал Сталин, так сказать, излагал он сам, так сказать свои взгляды, характеризовал это преступление, значит, те подписывали. Все подписывали, значит. И тем самым, значит, уже вроде, так сказать, коллективный, так сказать, приговор был, значит.

* * *

Хрущев считает, что большим недостатком Сталина был антисемитизм. Правда как теоретик он таких высказываний не допускал.

Однажды доложили о неполадках на авиационном заводе.

Я помню Сталин, значит, когда сидели, обменивались мнением, Сталин ко мне обратился, я секретарь Московского комите-

та. Он говорит, надо, говорит, организовать, говорит, подобрать рабочих здоровых таких, говорит, и пусть они возьмут дубинки, кончится рабочий день, выходят, и пусть они этих евреев бьют там, значит.

Значит, ну, когда я послушал его, что он говорит, думаю, что такое, как это можно? Я, значит, как это можно? Я, ну, в детстве, я в Донбассе видел, как тогда называли еврейский бунт или бунт против евреев, значит, это погром, собственно. Я сам наблюдал это, потому что, я помню, я шел со школы, значит, я ходил в школу с рудниками...

Далее описание погрома. После длинного описания погрома:

Это было позором, позором, и поэтому когда Сталин сказал, вот чтобы палками вооружить и бить, я потом, когда мы вышли, значит, Берия, ну, говорит, что, получил указания? Так иронически. Ты, значит, получил? Да, я говорю, получил указания, да, говорю, мой отец неграмотный, не участвовал в этих погромах никогда, считалось это позором, я говорю. А теперь вот мне, секретарю Центрального Комитета, дается такая директива, значит. Но я знал, что это Сталин вот сказал, а если бы что-либо такое было бы как говорится, сделано, то это, значит, стало

бы достоянием широкого круга общественности, то была бы, безусловно, назначена комиссия и жестоко были бы наказаны. Потому что Сталин никогда бы не остановился ни перед чем, значит, задушил бы любого, если это могло скомпрометировать его имя, особенно в таком уязвимом, как антисемитизм, и позорном таком проявлении.

* * *

...Расправа с этим Михоэлсом, значит, этим величайшим артистом, значит, еврейского театра. Человека большой культуры. И убить его, тайно убить, значит, зверски, значит, и потом наградить убийцу и с честью похоронить эту жертву, значит, потому что было изображено, что он попал под автомашину, и грузовая машина его убила, а он был уже подброшен под грузовую машину, значит, это все было, так сказать, артистически разыграно. Кто же это сделал? Это Сталин сделал, это по его поручению было сделано, я не помню фамилию, но этот человек, который это сделал, получил награду.

* * *

И организация такого же характера убийства против Литвинова, когда мы подняли

вот после смерти Сталина, значит, документы, то там оказалось, что ... и людей допрашивали. По-моему, это где-то в архивах должны быть документы, значит, когда Литвинова должны были убить, значит, по дороге из Москвы на ... на дачу. Там такой ... извилина была, когда он подъезжал к своей даче. Я знал хорошо это место, потому что позже, значит, я уже какое-то время жил на этой даче, значит. И ... ну, Литвинова ... тут двойное, так сказать, побуждение было, он был против него, он его считал, так сказать, нечестным человеком, агентом, значит, так он всегда все жертвы называл агентами, изменниками Родины, значит, предателями, значит, и врагами народа, значит. И, видимо, и национальная принадлежность Литвинова к еврейской нации тоже, видимо, значит, побуждала к этому, значит.

* * *

Хрущев рассказывает о просмотре трофейных кинокартин из Германии; одна картина была о том, как какой-то пират, которому поручили везти какие-то ценности из Индии в Англию, уничтожал своих сообщников по одному.

Когда мы смотрели эту картину и видели вероломство, так сказать, в какой-то степе-

ни, ну, это напоминало нам, значит, как исчезли люди, которые вокруг Сталина работали, и тут уже, как говорится, мы, ну, уже как-то чувство у нас подсказывало нам, что не таким ли способом вот эти люди "враги народа" погибли, как вот эти гибли, преданные, близкие ему, хоть и бандиты, но и он же бандит, значит.

* * *

... До съезда, значит, он увязался в дискуссию по языкознанию, значит. Тоже очень странная это была дискуссия, она ему совершенно не нужна была. Он принимал грузина, я не помню какого, был языковед, ученый, значит, он с ним беседовал, а потом тот его, значит, как-то разбудил у него желание включиться в этот спор, значит. И вот он начал вести спор, значит, включился. Он выступал против академика Марра, против его трудов, он его, Марра, уже не было в живых, значит, и в конце концов он выступал потом и против этого своего грузинского друга или приятеля, я не знаю, но это близкий человек, он его приглашал, он у него не раз обедал, его выслушивал, значит. Таким образом, вот и появился труд по языкознанию, теоретический труд последнего этапа жизни

Сталина, значит. Потом по экономическим проблемам, кажется, еще он организовал, так сказать, диспут.

* * *

Какой-то украинец написал работу и очень настойчиво ее пробивал, требовал, чтобы ЦК ее рассматривал. И вот однажды на обеде, уже в 1952 году, Ворошилов Сталину говорит:

Коба — он Сталина часто так называл "Коба" (по кличке, да), вот ты не читал, вот разослал, значит какой-то да ... и начал его ругать. Вот такой-то сволочь, он там-то и то-то пишет, что-то, значит, не помнишь, значит, не читал? Тот смотрит — нет, не читал, он смотрит на других, на Маленкова, значит. Но, кажется, Маленков сказал, что такой-то труд вроде в ЦК находится.

Но выяснили, что всем членам Президиума и кандидатам разослан документ с именем автора, значит. Ворошилов очень резко ругал его. Сталин говорит: А что это за сволочь такая? Что это такое? Арестовать его! Да, Ворошилов сказал: Арестовать его надо, говорит. Мерзавцы. Но мы смотрели, и я, что такое, как это так можно, человека, который написал документ. Ну, плохой, ну,

даже вредный, но он написал же и послал его в ЦК. Это его точка зрения, он член партии с 17-18-го года в партии, прошел большой этап борьбы в рядах партии, он был партизаном в Сибири, он сам сибиряк, хоть украинская фамилия, значит, как это могло быть? Значит, значит, вот Сталин, ну, одним словом, разобрать это дело. Потом Сталин пришел, он вспомнил ... он, значит, одним словом, этот, забыл его фамилию, это громоздкая фамилия была, потом все партийные организации обсуждали, и все клеймили позором его, значит. За что? Они сами не знали, потому что, значит, за то, что он написал этот труд, недостойный, так сказать, и антипартийный и прочее, да.

Если бы Ворошилов не поднял этот вопрос, то тот бы продолжал свою и беспокойства, называл бы всех бюрократами, значит, ну, этим бы и кончилось. А дело потом кончилось, что его-таки действительно арестовали, его исключили из партии, значит, и его арестовали, значит, потом. И он сидел. Ну, его уже выпустили уже после смерти Сталина, значит. Он обращался в Московский комитет, поэтому, значит, очень высказывал негодование против Московского комитета и лично против меня. Я ему, конечно, ... ему ничего не было известно, какая моя была роль в этом деле, но он меня критиковал.

Сталин боялся первый что-то брать с блюда и всегда требовал, чтобы кто-то попробовал, конечно, когда для этого был подходящий предлог, например:

Гусиные потроха, например... вот, Мыкита, вы не пробовали еще? Я говорю, да вот, как-то забыл, я говорю, но так как же, как же, я вижу, что он хочет, но боится. Я пробую, а он начинает ...

Итак ... каждое блюдо, значит, имело, так сказать, своего дегустатора, что это блюдо отравлено или не отравлено, значит. Сталин смотрел и выжидал, значит. Кроме Берия, потому что Берия получал, когда обедали у Сталина, он все равно получал приготовленный обед со своей кухни, со своей дачи. Ему привозили, значит, ставили, значит. Уже Матрена Петровна, которая подавала, она вот это говорит: Товарищ Берия, — она так в нос говорила, — товарищ Берия, это вот ваша трава, трава ... Мы все смеялись — трава, значит, и он ел эту траву. Он ел вот как едят в Средней Азии, он другой раз рукою брал, собирал там ... а чаще всего, значит, он рукою, значит, ел, как вот в Средней Азии делают. Я не знаю, и плов там, значит, не знаю в Гру-

зии грузины едят так рукой или же нет, но Берия это делал ...

Это уже был, так сказать, ну, Сталин на таком большом ущербе, значит.

* * *

Сталину годы уже шли, которые всегда могли поставить нас в такое положение тяжелое, а я действительно не только не ждал смерти Сталина, а боялся этой смерти, потому что я очень боялся за последствия, что будет в стране ... несмотря на то, что у меня закрадывались сомнения, что уж очень много было врагов народа, но у меня не было недоверия...

Я все-таки считал, что в основном если, может быть, перегибы какие-то были, но в основном это было все сделано правильно, и не только не осуждал, но и даже возвеличивал Сталина, что он вот не побоялся и провел такую чистку в партии, тем самым, значит, вот и мы войну выиграли и прочее.

О СЕМЬЕ СТАЛИНА

... Сталин подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали музыку, русские песни, грузинские.

Потом он поставил танцевальную музыку и начали танцевать. У нас единственный в это время признанный танцор — Анастас Иванович Микоян. Все его танцы походили один на другой — и русские, и кавказские, все они начало свое брали с лезгинки. Он танцевал, потом Ворошилов танцевал. Танцевали все. Я никогда ног не передвигал, из меня танцор "как корова на льду", но я тоже танцевал. Каганович танцевал. Он тоже танцор не более высокого класса, чем я. Маленков тоже такой. Булганин когда-то танцевал, видимо, в молодости. Он русское что-то вытаптывал в такт. Сталин тоже танцевал — что-то ногами передвигал и руки расставлял. Тож, видимо, человек никогда не танцевал. Я бы сказал, что настроение было хорошее. Я не хотел танцевать не потому, что чем-то был связан, а просто я никогда не танцевал и не умел танцевать. Если бы умел, я бы тоже Микояну компанию составил.

Насчет Молотова ... в это время уже не было у нас ... Молотов, тот уже, так сказать, был танцором, так сказать, городским ...

Я не ... не знаток, и поэтому плохой ценитель, но в моих глазах он был ... так ... танцор первого класса, значит.

Пели, значит. Пели, значит, подпевали пластинкам, значит, которые заводил Сталин, значит. Одним словом, потом появилась Светланка, значит. Я не знаю, позвали ли ее, значит, вызвали по телефону, или она сама приехала. Но она приехала и попала в стаю, значит, вот, людей немолодых, если так ... мягко говоря, значит, и трезвая приехала молодая женщина. Ее сейчас же заставил Сталин танцевать. Она танцевала, значит. Потом она уже устала, я видел, как она, ну, еле-еле, так сказать, танцует, значит. Потому что отец требует, значит. Она уже не может танцевать. А отец, значит, требует, значит. Я помню, значит, она стала к стенке, плечом прислонилась, стояла около радиолы. Музыка играла, подошел Сталин. Я тоже подошел к Светланке, значит, и стояли мы вместе. Сталин, значит, так уже пошатывался, и опять говорит: ну, Светланка, танцуй, хозяйка ... Хозяйка, говорит, танцуй. Она говорит: да я уж танцевала, я уже, папа, устала. Но он ее берет пятерней, значит, за

волосы, так сказать, за чуб, и подтянул, значит, очень ... вы знаете ...

И я видел, у ней краска на лице, значит, и слезы выступили на глазах, значит. Мне так было жалко смотреть, значит, и жалко мне было этой Светланки, значит. А он ее ... он потянул, дернул ее и дергал, значит, ...

Это проявление внимания и любезность отца к дочери, значит. Безусловно, так, потому что Сталин очень любил Светланку, очень ... Если он Васю тоже любил он, но Васю он и критиковал, потому что тот пьянствовал, значит... и потом он был недисциплинированный, а Светлана училась хорошо и, как говорится, поведение как девушки ее было хорошее, значит. Я ничего другого не слышал о ней, значит. И ... и Сталин гордился ею, любил ее, значит. ...

Но вот это и выражение отцовских чувств любви было. Это вот грубое. Не потому, что он хотел грубость и больно сделать Светланке. Нет. Это проявление любезности, но в форме такой грубой, значит, которая свойственна этому человеку. Значит, я смотрел, я думаю, вот ...

Ну, вот я заговорил о Светланке. Сейчас вот она несчастная. Я бы только так сказал, что она решилась на такой шаг, так сказать, непростительный для советского чело-

века. Она оставила родину, оставила детей и сейчас вот она, значит, ну, дала повод ... сплетничать врагам советского строя, врагам социализма. Использовать ее имя как дочери Сталина, значит, и прочее ... значит, во вред нашей стране, во вред, значит, и нашего строя, значит.

Сама она писала что-то, то, что я слушал по радио, значит ...

[Ее книга] — неумная книга, неразумно написана, и, видимо, она была написана в результате какого-то душевого переживания и какого-то надлома, физического и психического надлома, видимо. Это я не думаю, чтобы она была действительно религиозной, а вот там она пишет, что она даже крестилась, значит, и прочее ... Странно, я никак не могу примириться с этим, значит. Это какое-то, ну, проявление такое, ну, болезненное, физически какое-то боле ... болезненное явление, так сказать, вот проявилось, значит, и выразилось вот в такой форме ...

Я очень с большим уважением относился к ее мамаше. Я ее хорошо знал, значит. Я с ней учился вместе в промышленной академии, значит. Она ... я был секретарем партийной организации промышленной академии, она в группе была выбрана студентами, значит, как назывались тогда, группорги ... стар-

шей группы, значит, партийной низовой ячейки. И поэтому она часто приходила ко мне, так, за директивами, значит, или за разъяснением по тому или другому политическому вопросу. А тогда бурная жизнь была в промышленной академии. Это как раз 29-й — 30-й год, значит, и начало 31-го года. Это борьба с правыми была, значит. И промышленная академия сама была подвержена засорению правыми, значит, и она одно время поддерживала правых, не официально, но в своей деятельности. Правые опирались на промышленную академию.

Потом, значит, эта ... академия стала твердыней Центрального Комитета, и здесь моя роль была, так сказать, ну, говоря, как в таких случаях, не последняя, а я отбрасываю скромность и, так сказать, моя роль была первой. Поэтому меня и выбрали секретарем партийной организации, потому что я возглавлял группу, которая стояла твердо на позициях генеральной линии Центрального Комитета, и я поддерживал генеральную линию Центрального Комитета, которую, так сказать, проводил Сталин, значит.

И это, значит, видимо, и сближало Надю, как мы ... потом мы ее называли Надежда Сергеевна, значит. Она ко мне ... она, когда учились ... когда мы разговаривали по вопро-

сам партийным официальным, то ничем не было проявлено с ее стороны ... Она умела себя держать, значит ... Но потом, когда я уже стал секретарем московского городского комитета и областного, и Сталин ... со Сталиным часто встречался, бывал у Сталина, был ... бывал на семейных обедах, когда еще была жива Надежда Сергеевна, то я уже понял, что и о жизни промышленной академии, и моей роли в борьбе за генеральную линию в академии, промышленной академии, она много рассказывала, видимо, Сталину, и Сталин потом много мне, значит, в разговорах, другой раз, он напоминал, значит, вот то-то.

Я сперва даже не понимал, значит, что я уже забыл, какой-то там эпизод. А потом я тогда уже вспомнил, значит. Ах, это, видимо, Надя, Надя, Надежда Сергеевна. Видимо, она рассказывала ...

Это, конечно, я считаю, что это определило и ... и мою позицию, и, главное отношение ко мне Сталина. Вот я и называю это лотерейным билетом, что я вытащил счастливый лотерейный билет, значит. И поэтому я остался в живых, значит, когда мои, так сказать, сверстники, мои однокашники, мои друзья-приятели, с которыми я вместе работал в партийных организациях, большинство сложило голову как враги народа.

Поэтому я сам себе задавал, что же меня пощадило? Вот меня пощадило, значит, то, что я действительно был предан партии – в этом нет сомнения, в этом-то я сам себя знаю. Но и те товарищи, которые со мной работали, они также были преданы, значит, и также смотрели, значит, и такое же участие принимали в борьбе за генеральную линию партии и, следовательно, за Сталина. Они все-таки погибли, значит, потому что Сталин через Надежду Сергеевну, с которой я учился и поэтому на равных ... на равной ноге ... она видела, так сказать, меня и, видимо, с уважением относилась ко мне и к моей политической деятельности. И это она рассказывала Сталину и, наверно, это и послужило у Сталина, значит, основой к доверию ко мне, значит. И он другой раз нападал на меня, оскорбительно и прочее, значит, выпады делал грубые, но он опять возвращался и до своей последней, так сказать, ну ... последнего дня своей жизни, он ко мне не только хорошо относился, но он даже ... ну, насколько можно сказать о любви со стороны этого человека, это слишком ... но ... сентиментально, значит, для него и не характерно, значит, но он, безусловно, ко мне проявлял большое уважение, и это уважение выражалось и в поддержке, которую он всегда мне оказывал, значит.

... Неоднократно Сталин приглашал меня на семейные обеды, значит, которые тогда были. На этих семейных обедах, бывало, ну, Сталин, Надежда Сергеевна, как хозяйка, значит, мамаша и отец Алилуев, значит, а это родители Надежды Сергеевны, брат с женой, бывало, сестра, значит, Анна Сергеевна, значит, с мужем Реденсом, который был начальником ... областного комитета внутренних дел Московской области, Реденс. Очень хороший товарищ, по национальности поляк, и Сталин его расстрелял все-таки, значит, несмотря на то, что он должен был бы его знать и ему доверять, значит. Но он трагически погиб, значит. Вот таким образом я бывал, значит, на этих обедах.

Обеды проходили, значит, ну, как семейные обеды, значит. И ... значит, мне было приятно. Я приглашался, потом приглашался туда Булганин, мы с Булганиным там бывали. И Сталин всегда говорил: ну, отцы города. Он сажал нас рядом всегда и проявлял внимание к нам, значит. Ну ... ну ... Надежда Сергеевна... она, конечно, по характеру другой был человек, значит, и она мне очень нравилась своей скромностью. Например, это тоже хороший такой показатель. Когда она училась в промышленной академии, очень мало людей знали, что она

женой является Сталина. Алилуева — Алилуева. У нас был еще один Алилуев, значит, горняк сам, учился на горном факультете. Тоже Алилуев. Это была одна фамилия. И эта Алилуева была, значит.

Она никогда не пользовалась привилегией какой-нибудь, ну, в виде подъезда к промышленной академии на машине и чтобы она уезжала с академии в Кремль тоже на машине. Нет, она приезжала трамваем и уезжала трамваем, значит. Поэтому она ничем не выделялась. Только знали люди, ограниченный круг, что Алилуева — это жена Сталина. Это умно с ее стороны, это очень похвально. Я просто восхищался ее умением, так сказать, держать себя и не показать, значит, не только, так сказать, дать понять, что она, так сказать, близка к такому человеку, который в мире, в политическом мире, так сказать, среди друзей и врагов считается человеком номер 1, как буржуазные журналисты высказывались, значит. Это хорошее качество.

Дети, Вася, значит, был. Вася, значит, хороший мальчик был, умный мальчик, но своенравный, и в ранней молодости он стал пить, учился он недисциплинированно, значит, и он приносил много огорчений Сталину, и Сталин, по-моему, его порол, значит ... зна-

чит, за это... и представлял, так сказать, наблюдение чекистов, которые следили за ним.

Светланка — это другая. Она была меньше, значит, маленькая была, бегала, значит. Когда мы приходили, Сталин всегда ее называл "хозяйка". И поэтому и мы ее стали называть "хозяйка".

... Вот, на наших глазах это росла хозяйка. Я помню, бывало, когда мы приходили, Сталин говорил: ну, хозяйка, угощай, гости пришли, значит. Она бегала на кухню, и Сталин рассказывал, говорит, когда она на меня рассердится, говорит, так она говорит: вот пойду на кухню, пожалуюсь повару, пожалуюсь на тебя. И Сталин говорит: я ее очень уговаривал, это ты уж пожалей меня, да не жалуйся, знаешь, мне ... как это мне, значит, это же мне так не пройдет, знаете. Она тем более, так сказать, проявляла настойчивость, что она скажет, если я буду позволять с ней обращаться, значит, так, как вот он с ней обратился, значит.

Ну, Вася ... то есть это ... Яша, старший сын, ну он от первой жены был, грузинки, и он уже был человек взрослый, он был уже инженером. Поэтому раннее его детство, значит, и ... значит ... я не знаю, значит, Яшу, но он уже, когда я ходил к Сталину, бывал у него на квартире, то Яша бывал редко.

Он жил отдельно, он имел свою семью, у него, кажется, был ребенок. Поэтому, значит, я о нем мало могу сказать что-либо. Я видел его несколько раз тоже за семейным столом одного. Никогда он при мне не был у Сталина со своей женой или со своей дочерью. У него, кажется, девочка была.

Вот так мы привыкли смотреть. Когда уже покончила жизнь самоубийством Надя, значит, мы, значит, бывали, значит, тогда вот Вася, Светланка, значит. Всегда у нас были перед глазами, значит, когда мы приходили на квартиру Сталина. Таким образом, я привык к этой Светланке и привязался, я к ней очень, так сказать, ну, относился по-родительски. И мне ее было и в какой-то степени, может, по-человечески жалко как сиротку, потому что Сталин груб был и невнимателен был, значит. У него нежности родительской у него не чувствовалось, значит. Он такой сухой даже, если не грубый, так сухой, корявый человек. Везде, где повернется, след оставляет, значит, неприятный, значит, в отношениях с людьми, значит, задиристый такой характер.

И когда мне сказали, что Наде ... Светланка уехала, значит, в эту самую Индию и ... не захотела вернуться в Советский Союз, я не поверил. Я говорю, это невозможно.

Я не верю. Это, видимо, значит, очередная какая-нибудь клеветническая такая утка со стороны буржуазных журналистов.

Потом прошел день-два, не было никакого сомнения, что она не вернулась, значит. Мне и сейчас ее жалко, значит ... значит ... как это у Некрасова, значит, говорится: ей и теперь его жалко (о лесе она говорит), жалко до слез, сколько там было кудрявых берез.

Но это, значит, мне жалко ее, значит. Буквально, жалко, значит. Что вот так сложилась ее судьба. А судьба у нее сложная, значит. Мать, она лишилась матери еще в детском, так сказать, возрасте. Она воспитывалась сама, значит. Отец уделил ей очень мало внимания. Отдыхал Сталин всегда один, и он не брал детей с собой, значит. Таким образом, она, ну, воспитывалась, ну, не чувствуя родительской ласки, а люди есть ... Да животные — и те, так сказать, приятно, когда мать облизывает их на солнышке, когда они греются, значит. Это все домашние и хищные звери даже, значит, требуют и любят эту ласку. А это человек, значит, который вот был лишен ... это тоже свой отпечаток какой-то наложило на внутреннее содержание, значит, и ... значит ... и психические какие-то наслоения, так сказать, создало, значит, для ... у Светланки.

Вышла она замуж, значит. Я не знал этого человека и не видел. Морозов по фамилии, но фамилия его была русская, а он сам еврей, так что я не знал его настоящей фамилии. Он жил какое-то время, и Сталин терпел, но я никогда не видел этого Морозова, чтоб он был приглашен Сталиным. И когда родился, кажется, сын у ней, значит, первый, я думаю, что Сталин его никогда не видел, значит. Это тоже, конечно, откладывало свой отпечаток на душу Светланки, значит.

Потом вдруг ... и, значит, он ... он развел, он, видимо, потребовал. Я это не слышал, конечно, но она развелась с этим Морозовым, значит. А он умный человек, мне говорили, что он сейчас, ну, хороший экономист, имеет ученую степень ... хороший и безупречный, говорят, советский человек, значит, это.

Ну, тогда, в этот вот период, когда Сталин требовал от Светланки, чтоб она развелась со своим мужем, он, видимо, сказал и Маленкову, потому что дочка Маленкова, тоже хорошая девочка, я ее тоже знал, Оля, хорошая, значит, она вышла замуж за сына друга Маленкова — Шамберг такой, очень хороший, порядочный партийный работник. Я очень высоко ценил этого человека. Это, собственно, у Маленкова, он работал много

лет с ним, значит, в аппарате, и резолюции многие они ... все резолюции проходили, которые были по ... которые поручались Маленкову, так прежде всего готовил их Шамберг, значит. Это грамотный человек был, партийный человек, и порядочный человек был. И ... они поженились.

Я много раз у Маленкова встречал этого Шамберга. Мне он очень нравился. Молодой человек, способный, образованный, он и звание получил. Он тоже сейчас, наверно, имеет, значит ... или кандидатскую, или докторскую, так сказать ... звание докторское. Он тоже, кажется, по экономическим вопросам получил образование.

Вдруг я узнал, что он тоже ... мне сказала жена Маленкова, Валерия Алексеевна, к которой я относился с большим уважением, умная женщина. Она сказала, что вот, развелись. Оля разошлась и вышла за другого, за архитектора. Ну, я не буду сравнивать, кто из них хуже, кто лучше, это дело, значит, лучше ей сравнивать, то есть жена, так сказать, определяет, какой муж у нее был, кто лучше: первый или второй, значит.

Ну, я считаю, что и второй был хороший парень, значит, он моложе ее был на несколько лет, значит. Но бросить того, значит, и потом это был сын друга Маленкова, Шам-

берга, мне это было непонятно. И это мне не понравилось, потому что это ... и потом Маленков не антисемитом был, следовательно, Маленков мне не говорил, что Сталин ему поручил. Но я убежден, что, если Сталин ему прямо не сказал, так, когда он услышал от Сталина, что Сталин потребовал от Светланки, чтоб она развелась со своим мужем, потому что он еврей, так, безусловно, Маленков, как говорится, догадался сам и сделал это то же самое, значит, со своей дочерью.

А Сталин, кажется, знал, что дочь Маленкова вышла тоже за еврея. Ну, это тоже проявление такого низкопробного, позорного антисемитизма, значит ... значит ... Маленкову это не приписываю лично. А это вот такая холуйская ... услужение. Если Сталин это сделал, так он тоже, так сказать, это же сделал, потому что он также смотрит на евреев, как Сталин. Хотя от Маленкова я никогда ничего не слышал, чтобы можно было бы, ну, расценивать как ... ну, прорыв какой-то скрытого антисемитизма. Нет. Я считаю, что он нормальный человек, так сказать, здоровый человек и не болел этой позорной болезнью, значит.

Вот так Светланка, значит, так у ней сложи ... Вышла замуж, это уже Сталин хотел,

значит, этого, видимо. Вышла она замуж за сына Жданова, Юрия, значит. Мне он очень нравился, значит. Он сейчас ректор Ростовского университета, и он по образованию, кажется, химик сам, и мне он нравился и нравится, значит. Умный человек, образованный человек и ну, и рассудительный, значит ... Хороший. Мне он нравился, значит. И Сталину он тоже нравился этот человек, значит.

Но он не понравился Светланке. И после уже смерти Сталина она разошлась. Я не знаю, какие причины, кто-то мне говорил, что он, так сказать, не ... не ... не полноценный мужчина, так сказать, что ли ... Но Бог его знает, значит это уже, так сказать, ей определять, Светланке, значит...

Одним словом, она разошлась с ним, и я переживал. Мне было неприятно. Во-первых, и ... мне не хотелось слышать, чтобы злословили о ней, как о молодой женщине, что она, так сказать, проявляет такое непостоянство, значит, к мужчинам, значит ... И она долгое время жила без мужа, одиноко жила, значит. И у нее осталось двое детей. Один от первого мужа, и вторая девочка, кажется, от Жданова, значит.

Потом уже, не знаю, в каком году это ... в последний год, может быть, или ... или

за год до окончания моей политической деятельности, уже, когда я стал, значит, пенсионером уже, значит, другая жизнь для меня сложилась, значит, мне Маленков ... этот, Микоян сказал, что к нему приходила Светланка, к нему приходила Светланка, так мы ее называли за ... за глаза, конечно, — и что она просила его совета, что она хотела ... хотела бы выйти замуж за ... за журналиста, индуса, значит. Но, говорит, что она его любит, он старше ее, но она с ним давно знакома, что он коммунист, значит, что он порядочный человек и прочее, и прочее. И она, говорит, просила, чтобы я и тебя спросил, какое твое отношение. Я говорю, я удивлен, почему она спрашивает тебя и ... и меня спрашивает. Это ее личное дело, и поэтому, если она считает, что это достойный человек, пусть выходит замуж.

Одним словом, это выбор за ней. А мы здесь ни при чем. Мы не вмешиваемся в эти вопросы. То, что он не подданный и не гражданин Советского Союза, это, значит, не может служить препятствием, если он ей нравится. И пусть она решает. И она вышла замуж, значит.

Я уже потом узнал, что она вышла. Я уже сам был на пенсии, что она вышла замуж. И я был доволен, что ... Я хотел, чтобы она

как-то ну, устроилась и в своей личной жизни, значит.

И вот, когда я узнал об этом, что он умер, и она поехала на похороны, похоронить его на родине его, и что она не вернулась, значит, я был буквально, так сказать, потрясен. Как это так? И ... первое время я несколько дней не верил, покамест я не получил подтверждение, которое неопровержимое, что она осталась. Она-таки осталась.

Содержание книги. Я ее не читал книгу, но кое-что я слушал, выдержки по радио. Запад передавал, значит. Ну, передавал такие места, которые выгодны Западу. Поэтому, может быть, это и не являлись характерными, значит, которые бы характеризовали всю эту книгу. Но то, что было и передано, значит, это, ну, по меньшей мере просто для меня было странно, что советский человек, выросший в наших условиях и вы ... дочь Сталина, ну, так сказать, ну, если говорить, это ... воспитывалась в окружении, вот воспитывалась она в окружении ... я бы не сказал, что это было окружение Сталина. Я не знаю, что это за люди, которые были у нее воспитателями.

Я помню, когда-то я видел какая-то молодая, красивая такая, видимо, грузинка была. Как-то случайно промелькнула она, зна-

чит. Потом кто-то сказал, что это воспитательница Светланки. Потом в скором времени она исчезла, мы ее уже не видели. Я не знаю, что это за воспитательница, откуда она появилась. Потом, значит, слух был, вот не знаю, кто мне говорил, что вроде это, как говорится, было подставное лицо Берия. Не то это няня была, не то это к Сталину было подставлено. Очень красивая такая молодая женщина, значит.

Вот это. Ну, что она ... что она за человек по внутреннему своему содержанию, своему мировоззрению, значит, и по своей культуре, я ее не знал, то есть, я с ней не разговаривал никогда, так что я не знаю, значит, какое у нее было окружение, значит. Ну, кроме школы. Школа ... она училась ... училась хорошо, значит. Вот так...

Но я считаю, что, видимо, это был надлом психики, значит, у молодой женщины еще. Вот умерла мать при таких обстоятельствах, и она, конечно, понимала, что мать умерла в результате, так сказать, условий, которые создались во взаимоотношениях между матерью и отцом, так что мать не ... не умерла же, а мать покончила жизнь самоубийством. А сплетничали даже, что, мол, может быть, Сталин ее убил, значит. Я и сейчас не могу сказать, потому что я две версии знаю.

Одна версия, что ... когда говорили, что Сталин ее застрелил, и другая, значит, версия для меня более, так сказать, вероятная, значит, это, что она сама застрелилась, но она применила, так сказать, оружие и покончила с собой в результате нанесенного, так сказать, ну, оскорбления женской чести, значит, этой самой Надежды Сергеевны, значит.

... И, наверно, значит, конечно, переживала, так сказать. На нее это действовало, потом женилась ... вышла замуж она за Морозова, потом развелась, значит, а у нее остался сын. Вышла замуж она, значит, тут уже она сама оставила второго мужа, значит, а осталась у нее дочь, значит, молодая, значит, еще женщина. Это ненормальное, значит ... Потом с отцом у нее были взаимоотношения, отец ее любил, но даже эти свои чувства любви выражал такими звероподобными, значит, приемами и формами, значит, нежностью, так сказать, на такой ... кошки с мышкой, так сказать ... проявлялись у Сталина, значит, к своей дочери.

Это тоже надламывало душу ребенка, потом молодой девушки, и потом уже и женщины, матери, значит. Потом смерть отца, значит. И тут, значит, она ... потом, значит, вскрытие злоупотреблений властью, зна-

чит, и, значит, ... это тоже для нее большое потрясение было, значит. Все это вот, сложившиеся условия, оно, конечно, терзало ее душу и влияло на ее психику, значит.

И вот она ... последнее, так сказать, переполнение чаши, это смерть последнего мужа, этого, значит... Похороны ... И потом, видимо, так и есть, значит, как мне передавали уже люди, которые пользовались тоже слухами, значит, что ... при каких обстоятельствах, почему она не вернулась? Ну, мне передавали такую версию. Я называю это версией, потому что достоверно мне неизвестно, значит... значит. Но, видимо, а я верю в эту версию, видимо, это действительно было так.

Что после похорон, значит, своего мужа, она пришла в посольство. Бенедиктов там был. Я знал Бенедиктова хорошо. Это выдержанный человек. И она хотела задержаться насколько там месяц, или на три месяца еще там, на родине мужа, значит. И ей Бенедиктов, посол, посоветовал немедленно выехать в Советский Союз. Но когда рекомендует советский посол гражданину Советского Союза, который за границей бывает, немедленно выехать, значит, ну, это сразу настораживает человека, тем более она знает, так сказать, повадки, которые у нас на этот счет бывали, значит. Не бывали, а очень много

было, значит. Что это уже недоверие, что это, значит, может кончиться и плачевно для лица, которое ... которого хотят как можно скорее вернуть на родину. Это не забота о человеке, а это недоверие к человеку, политическое недоверие. Это унижительное, оскорбле ... оскорбительное и которое выводит из равновесия и даже уравновешенных людей, а она не была уравновешенная. Это видно и по содержанию ее книги. Она была надломлена, значит ... значит.

И она сейчас же обратилась за помощью к иностранным державам, в Англию там еще или к американскому посольству, и она выехала в Англию, а из Англии выехала в Америку. Сейчас, кажется, в Америке. Глупо, глупый ее поступок, неоправданный ... который нельзя оправдать ничем, значит. И глупо поступили и с ней, значит, грубо, я бы сказал, это полицейская мера, а не политических людей, которые должны проявить такт, значит, и уважение к личности, к гражданину советской страны.

Что бы, по-моему, нужно сделать? И я убежден, что этого бы не получилось, если бы с ней так поступили. Когда она пришла, значит, в посольство, и сказала, что ей нужно еще побыть там месяц, два, три, надо было ей сказать, там: Светлана или ... это самое...

и отчество, значит. Зачем три месяца, возьмите себе паспорт на год, на два, на три, а, может, и бессрочно взять. И живите. Живите здесь. Когда захотите поехать в Советский Союз, вы приедете, и обратно можете приехать.

Одним словом, дать ей свободу выбора. И тем самым морально ее укрепить, что к ней с доверием относятся, и прочее. Я убежден, что если бы даже к ней ... если бы с ней так поступили, и она уже имела написанный так называемый свой труд, который вот она опубликовала, она его бы или не опубликовала, или переделала бы. Переделала бы его. Но когда с ней поступили таким образом, что она уже находится под подозрением, она умная женщина — она поняла это. Следовательно, потому что зачем — она же не ... является таким человеком, который сейчас вот ведет какие-то ... работу в Советском Союзе, она по делу, так сказать, своему, которое она ведет, нужна, чтобы она вернулась, значит, на место своей работы. Не было этого. Она сама понимала, значит. Следовательно, значит, когда ее понуждаешь, чтоб она скорее уехала на родину, значит, ей политическое недоверие. А если ей политическое недоверие выражается, то чем оно будет завершено, значит ... Примеры довольно тяжелые, значит.

Я не думаю, что она думала, что ее могут арестовать, значит, и тем более казнить. У нее и преступлений к этому не было. Но ... всяко бывало, значит. Потому что у всех людей, которых вот, партийных деятелей, государственных и научных, которых казнили, я теперь-то знаю, что у них тоже никакого состава преступления не было. И она об этом уже знала. Она знала, что ... уже XX-й съезд об этом сказал, значит, и вскрыл эти злоупотребления ее отца. Она потрясена была, значит. И это переполнило ее чашу. И она осталась, она, так сказать, вот бросила себя в омут, если можно сказать, эмигрантской жизни, значит. Она лишила себя родины, она рассталась со своими детьми, с сыном, с дочерью, со своими друзьями, которые, безусловно, у нее были, остались здесь, в Советском Союзе.

Очень печально. Очень печально, и я поэтому Светланку, значит, и сейчас, а и к ней, вот и сейчас, так сказать, машинально вырываются те слова, которые уже не подходят к ее возрасту и ... значит, и ... к положению. Светлана ... Она уже не Светлана, Светлана Иосифовна, значит.

Вот так она покончила. Так ее кончилась, так сказать, вот ... советская карьера, карьера советского человека, значит. Жаль, очень жаль.

Я ... вот то, что я ... так, как я считал возможным и нужным было бы с ней поступить, у меня есть к этому примеры.

О ГЕНЕРАЛЕ ВЛАСОВЕ

...Сталин поднял вопрос вдруг, значит. Почему, говорит, да, вот Власов предателем стал. Я говорю: да, теперь уже бесспорно, что предателем. А вот вы его хвалили, говорит. Вы хвалили его, вы его и выдвигали, значит. Я говорю: верно. Я его и выдвигал, я говорю, и я, так сказать, вместе с командующим назначил его командующим 37-й армии, и была ему поручена защита Киева, и он блестяще справился со своей задачей. И немцы Киев не взяли, значит. А Киев пал уже в результате окружения войск, и значительно восточнее Киева. Это и потом Власов, я говорю, вышел, значит. И я его действительно хвалил и вам, я говорю, не раз говорил о его достоинствах, значит. Но потом, значит, я говорю, сколько раз вы его хвалили? Вы его награждали, я говорю, товарищ Сталин, за Московскую операцию, он же командовал же после Киева, после от того, как он остался в окружении и вышел из окружения. Вы назначили его командовать, значит, и он отличился в наступлении против немцев, когда в разгроме немцев под Москвой, значит. Потом вы его назначили,

я говорю, на самый участок ... ответственный участок, на Волдай или Валдай, я не знаю, он там попал в окружение, я говорю, потом выходил из окружения и опять вернулся к войскам в окружение ...

Вы, я говорю, мне его предлагали, когда, значит, Сталингр ... подбирали Сталинградский, командующего Сталинградским ... Вы от меня требовали, чтоб я назвал командующего фронтом, но тут же говорили, что если бы вот или же Еременко, который в госпитале больной или Власов ... Я бы Власова, говорит, рекомендовал, он Власова бы назначил. Но Власова нет.

Так что, я говорю, вы ... я хвалил и вы его хвалили, потому что дела у него были такие, которые были достойны похвалы. А потом стал, я говорю, предатель, вот это, значит, теперь уже нет сомнений, да.

Да и стали мы тут же, значит, при всех это было, поэтому все другие тоже знают, все это слышали, как он хвалил, значит, Власова и ... говорил мне, что вот лучше был бы командующим Сталинградским фронтом — это Власов, значит, но его нет, он в окружении сейчас. Вот такие инциденты. Я уж не помню после этого вот его замечания и моего такого ответа, по-моему, Сталин больше не поднимал этот вопрос.

* * *

Так почему бы ему не стать предателем, когда он оказался в окружении, когда он командовал 37-й армией, которая стояла в Киеве и защищала Киев. Он вышел, он вышел пешком, значит. Я не знаю, сколько времени было затрачено. Я помню, мы уже находились в Воронеже.

* * *

И были такие люди, которые в этих сложных переживаниях не выдерживали, видимо, так что я не думаю, что он был когда-то завербован, был агентом. Нет. Это человек был неустойчивый, значит, и, так сказать, с характером плохим, значит. И он считался коммунистом, но идейного у него ничего внутреннего не было, что это, видимо ... так сам он из учителей, и он учитель, значит, по образованию. А, видимо, не плохой был человек, и поэтому он, так сказать, если так говорить лояльно, видимо, относился к Советской власти в первое время, значит. А потом, значит, уже, может быть, даже и корыстные такие цели преследовал, оставаясь в партии с тем, чтобы получить выгодное положение служебное, значит. Таких, к сожалению,

было немало, значит. Я думаю, что таких карьеристов и сейчас еще больше. Ну, я говорю "таких" ... условно говорю в том смысле таких, что карьеристов, значит. Но вопрос, значит, уже чем завершился карьеризм вот этого Власова — предательством, это другого характера...

Ну, он соответственно и был наказан, был по заслугам осужден, повешен, значит.

О МАО ЦЗЕ-ДУНЕ

У нас был Сталин, а здесь Мао Цзе-Дун. В этом главное, поэтому эта опасность грозит и может повторяться в любой партии, в любой стране, гарантий никаких нет, и никакие вещи выдуманные не могут преградить нашествие тирании. Только лишь сама партия, сам народ. Если он высоко сознает свою ответственность, свои права, уважает свои человеческие достоинства не только коллективно, но и отдельно каждый член этого коллектива, то тогда он сможет противостоять личности и создаст коллективное мышление, проведение коллективной политики в интересах коллектива, в интересах идей коммунизма, марксизма-ленинизма, в интересах народа ...

Мао Цзе-Дун придумал культурную революцию, сперва он бросил лозунг "Пусть цветут все цветы, или пусть цветут сто цветов", — это одно и то же. Он этим спровоцировал вроде, он открыл шлюзы для широкой дороги демократии, народной демократии, свободного высказывания как устно, так и печатно своих мыслей как в партии, так и вне

партии, в народе, а по-существу это была самая такая злостная провокация, продуманная. Он людей вызвал на откровение и после этого началось истребление тех, мысли которых он считал вредными.

* * *

Хрущев говорит, что Мао Цзе-Дун после смерти Сталина в беседах с ним очень нелестно отзывался о Сталине.

... Он очень нелестно отзывался, он считал, что Сталин наносил очень большой вред китайской революции, он сдерживал революционные силы Китая. Мне трудно сейчас разбирать конкретно эти факты, потому что надо было бы поднять архивы и проанализировать все директивы, которые давал Коминтерн, и чтоб сопоставить по времени и обстановке, в которой давались такие директивы. Я думаю, что в основном эти директивы были правильные...

* * *

... Если при Сталине на заседаниях бывало, что при каждом упоминании слова "Сталин" вставали и садились, это физкультурное вроде занятие было на заседаниях, на ак-

тивах, на партийных собраниях, то Мао сделал еще проще, он напечатал выдержки из своих речей, сделал их какими-то заповедями и заставил всех людей зубрить так — если неприлично выражаться — как идиотов, а ведь люди просто отупели, и я не знаю, от страха ли или от чего. Но в кинокадрах, которые я видел по телевизору, заснятых самими же китайцами, это немыслимое дело, это унижение человеческого достоинства. Потом я слушал по радио, когда заставляют хирурга перед тем, как сделать операцию, произносить какие-то глупые изречения Мао. Разве это можно делать, разве это допустимо в наш XX век, когда уже не однажды человеческая нога ступала на Луну, верить в это время, верить в какие-то заклинания, в какое-то знахарство и наделять человека какими-то сверхъестественными силами, что операция прошла удачно потому, что этот хирург зубрил изречения Мао.

Перед тем, как что-нибудь сделать, надо было заглянуть и зубрить, что сказал Мао Цзе-Дун. Ма Цу Дун, как говорил один секретарь Московского райкома, когда я приехал из Киева в Москву.

Я его спросил: "Ну, что было?" А он говорит: "Да вот, приезжал этот Ма Цу Дун". Я говорю: "Что за Ма Цу Дун? Может, Мао

Цзе-Дун?" — "Да, да, — говорит, — этот китаец".

Так вот что Мао Цзе-Дун сделал со своей страной, вот что он сделал со своей партией.

* * *

Это неслыханное издевательство, которое проводил и проводит Мао в своей стране, когда он свою жену актрису ... Я не знаю, какими она наделена достоинствами как актриса, может быть, она хорошая, потому что о таких людях по-разному говорят. Одни люди говорят, что она была талантливая актриса, другие говорили, что ничего в ней талантливого нет, кроме того, что она была подстилкой, которая нравилась Мао, и в этом только были ее достоинства и слабость. Но поношение культурных сил Китая Мао писателей, композиторов, ученых, преподавателей, литераторов и вообще всей интеллигенции — неслыханно, это невозможно.

* * *

И все это во имя китайского народа, во имя культуры китайского народа — большие злоупотребления, но народ терпит. Он выдвинул из среды китайской молодежи большие отряды, и эти отряды наводили по-

рядок в высших учебных заведениях, устанавливали порядок, как преподавать, как трактовать те или другие положения и фактически прекратили работу средних и высших учебных заведений, потому что все они были вооружены — кто оружием, кто палками — и наводили порядок культурной революции, т.е. внедряли культурную революцию ...

ОБ УЧЕНЫХ

О Сахарове

Очень потряс своим предложением академик Сахаров, когда он предложил создать водородную бомбу. Я с ним встречался, слушал, он очень хорошее производил впечатление, и быстро была создана водородная бомба, и его расчеты полностью оправдались. Но у нас произошла размолвка с товарищем Сахаровым, это по вопросу испытания водородной бомбы, я не мог прислушаться к его голосу, не мог согласиться с ним с тем, чтобы не взрывать водородную бомбу. И эта размолвка, видимо, отложила свой отпечаток и на Сахарова и меня тоже насторожила, здесь проявилось государственное недопонимание интересов, потому что мы водородную бомбу подготовили к испытанию и взорвали не для подготовки к нападению, а для обороны, только для этих целей. Я не знаю, я не слышал ни от кого после смерти Сталина, да и от Сталина я не слышал, чтобы была подготовка для нападения ... Даже при Сталине стоял только вопрос обороны.

Так что здесь я хотел бы сказать свое мнение и просить как бы у Сахарова понимания моей позиции, правильного понимания моей позиции, с которой он не согласился. У нас не было расхождений по существу, чтобы эти средства не были направлены на уничтожение людей, а вопрос тут был ... да я должен был, как глава Правительства и один из руководителей партии, я должен был использовать все средства, которые давались нам для укрепления обороны страны. Поэтому я не имел права отказываться от испытания и согласиться с товарищем Сахаровым, чтобы отказаться от испытаний водородной бомбы. Я думал, что если не сегодня, то когда-нибудь товарищ Сахаров правильно поймет мою позицию.

В другом месте своих воспоминаний Н. Хрущев вновь возвращается к этому эпизоду:

Наши военные и ученые, которые работали в этой области обороны, тоже оказывали свой нажим, они говорили, что надо двигаться вперед и что надо провести испытания новых созданных конструкций атомных и водородных бомб, и это было закон-

но. И мы объявили, что такого-то числа будут проведены испытания новых конструкций. Я помню, что буквально за день или за короткое время ко мне обратился академик Сахаров по телефону, я с ним был знаком, на меня он производил очень глубокое впечатление, и такое впечатление он производил не только на меня, но и на всех, это был, как говорится, нравственный кристалл среди ученых, который дал такую идею, и на его идее была разработана и создана водородная бомба, он обратился ко мне, как к Председателю Совета Министров, с просьбой, чтобы не проводили испытания и во всяком случае не испытывали водородную бомбу, я не могу согласиться, зная, какой вред человечеству приносят эти испытания, и поэтому я как ученый и конструктор, как ученый, на основе чьих научных данных была создана эта бомба. Он, видимо, считал, что он вправе распоряжаться в дальнейшем, как поступить с этой бомбой, и поэтому он обратился ко мне с просьбой не делать этого испытания, уговаривал меня ... ну, им руководили общечеловеческие хорошие, очень хорошие [побуждения]. И действительно, это был ученый, который был предан науке и добрым идеям мира и процветанию мира между людьми, сохране-

нию всех возможных условий для лучшей жизни людей с тем, чтобы не только не уничтожать, но и не заражать атмосферу, не отравлять людей и не убивать их постепенно. Я говорю: "Товарищ Сахаров, ну что я вам могу сказать, я по своему политическому и государственному положению не имею права отказаться сейчас от испытаний. Это и желание мое, и желание партийного и советского руководства отказаться от испытаний, и мы это конкретно выразили в конкретных предложениях и обратились к нашим вероятным противникам, которые накапливают это оружие, но они же нас не слушали, вы же, как ученый, знаете, что они проводят испытания, они и сами об этом объявляют, и у нас есть [способы], которыми мы можем следить за этими испытаниями". Он продолжал настаивать, чтобы не проводить испытание. Я хотел быть честным перед Сахаровым, и я сказал ему: "Товарищ Сахаров, при всем моем сочувствии к вашему пониманию и к вашей просьбе, я человек, который отвечает за состояние обороны нашей страны, и я не имею права отказаться от испытаний, это было бы преступлением перед нашим государством, перед нашим народом. Вы ведь знаете, какие страдания были принесены нашему народу второй миро-

вой войной, поэтому подвергнуть еще такому риску, если отказаться от современного оружия, а наши противники ведут гонку создания новых средств вооружения, средств истребления и проводят экспериментальные взрывы. Прошу вас, поймите меня правильно, но с вашей просьбой я не могу согласиться, потому что согласиться с нею означает обречь нашу страну на то, что она будет слабее вооружена, чем США и другие союзники США, которые проводят политику, направленную против нашего государства, против нашего советского народа, поэтому мы будем продолжать взрывы". Ну, его, конечно, своими аргументами не убедил я, и он меня своими аргументами, конечно, не убедил. Таков уж закон; мы обсудили просьбу Сахарова в правительстве и решили, что мы не можем согласиться с его просьбой и должны провести испытания, и мы произвели испытания, взорвали водородную бомбу. Она выводила нас на совершенно новую ступень по вооружению ...

О Капице

... Сталин предложил построить ему [Капице] специальный институт на самом лучшем месте Москвы. А это Воробьевы Горы

считались ... И институт этот был построен, и я, когда бывал в Москве, я всегда выезжал на Воробьевы Горы, проехаться, то я уже видел созданный институт, и я радовался, что, мол, в этом институте ученые наши, чародеи под руководством Капицы создают что-то небывалое, необыкновенное для нашей страны. Но то, над чем работали, я не знал, а при Сталине был такой порядок, что если тебе не говорят то, что ты хочешь знать, то не спрашивай об этом, значит тебя это не касается. И я никого не спрашивал. Потом уже, или перед войной, или во время войны, Сталин стал выражать недовольство или даже гнев против Капицы, что Капица не дает то, что он может дать, что Капица не оправдывает наших надежд и прочее негодование. Насколько были обоснованы эти негодования, мне трудно судить, но я тогда верил Сталину, и если Сталин говорит, значит так и было. Когда кончилась война ... А кончилась война взрывом атомной бомбы Америки ... Мы отстали. И тогда весь мир ученый трубил об этой атомной бомбе и о превосходстве США, а тут уже союзнические узы, которые у нас укрепились во время войны против Германии, уже дали трещины, и наоборот, началась холодная война, которую раздул Черчилль в своей речи в

США. А когда мы взорвали бомбу, то поднялся буквально истощный вой в буржуазной прессе, что бомбу русские получили из рук Капицы, что Капица такой-сякой ученый физик, что только он мог дать русским атомную бомбу. Тут уже Сталин возмущался и говорил, что Капица к этому абсолютно никакого отношения не имеет, потому что он не занимался этими вопросами, видимо, так это и было. Когда умер Сталин, то у меня сохранились двойственные отношения к Капице, с одной стороны, он признанный в мире крупный ученый-физик, а с другой стороны, этот ученый ... не оказал нам помощь в создании советской атомной бомбы. Поэтому отношение к Капице было больше чем сдержанное. Когда умер Сталин, Капица попросился ко мне на прием. Я его принял, я слушал его, внимательно слушал. Я помню, Капица поднял вопрос о какой-то теме, над которой он хотел бы работать, и просил оказать ему помощь. Он пригласил меня в свою лабораторию, я это сейчас не твердо помню ... Денег ему мы, по-моему, тогда тоже не дали, но я точно помню. Когда я расспрашивал кого-то, по-моему, Курчатова или еще кого-то из ученых о той теме, над которой работает Капица, то они говорили, что эта тема не является очень острой для Советского Союза...

*Далее рассказывается о другой встрече
Н. Хрущева и П. Капицы:*

... Тогда я у него спросил, почему вы, товарищ Капица, не возьмете ли тему оборонного значения, мы сейчас в этом нуждаемся, он довольно пространно мне объяснил свое отношение к военной тематике, насколько я помню, а основы я хорошо помню, он мне так говорил: "Я не люблю заниматься военной тематикой, я ученый, а ученые подобны артистам, они любят, чтоб об их работе говорили, показывали в кино, писали в газетах и прочее, военная тематика — это секретная тематика, если заниматься военной тематикой, это значит похоронить себя в стенах института, в котором ты работаешь, и фамилия тоже исчезнет из печати, я не люблю этого, я хочу быть знаменитым, я хочу, чтоб о моей работе писали"; на меня такие рассуждения, надо признаться, произвели очень странное впечатление и не в пользу академика Капицы. Ведь что же делать, это ведь вынужденная тематика, пока существуют классы, армии, государства-антагонисты, нам надо заниматься военной тематикой, иначе нас задашат, раздавят, разомнут, а он говорит — нет, я все-таки не хочу заниматься военной тематикой. Мне было трудно даже

определить, как это так советский человек, пережил и видел страдания нашего народа, которые принесла война Гитлера против Советского Союза, а мы же сейчас прилагаем все усилия с тем, чтобы этого не повторилось, все делаем для подъема экономики, науки, культуры, военной мощи, а без науки военную мощь нельзя создать, и крупнейший ученый с мировым именем отказывается оказать нам помощь, если бы он это говорил не мне, а Сталину, то я не знаю, какой бы вывод сделал Сталин, но на меня это тоже подействовало плохо, я спросил при встрече товарища Лаврентьева, как вы относитесь к Капице, как вы его расцениваете, товарищ Лаврентьев дал мне очень высокую оценку этого человека, но мне уже это было известно, что он является крупным мировым ученым. Да, а Капица когда со мной говорил, то выразил желание поехать за границу, в общем он хотел, чтобы в печати прошумела его поездка. Я говорю Лаврентьеву, вот он хочет поехать за границу, как вы относитесь к этому, Лаврентьев говорит — можно пустить. Вы считаете, что он честный человек? ”Да, я абсолютно уверен, что это очень честный человек и порядочный”. Одним словом, Лаврентьев дал ему очень хорошую характеристику, и это ме-

ня успокоило, я говорю, ну а вот его отношение к военной тематике. "Да, он такой оригинал, так смотрит на военную тематику, у него сын замечательный ученый, географ, большой патриот, поэтому я считаю, что отец тоже является советским патриотом ..." А вы как считаете, знает он о военной тематике, над которой работают наши ученые? "Да, это он все знает, академики общаются между собой и обмениваются мнениями, поэтому он все знает это". Это меня сразу насторожило. Тогда я спросил Лаврентьева, может ли он как-нибудь проговориться. "Трудно мне сказать за него, но я его считаю хорошим ученым и большим патриотом Советской страны, и он предателем не станет". Но одно дело — предать, а другое — разбалтывать, это разные вещи. Тогда мы обменялись в руководстве, решили все-таки воздержаться от посылки Капицы за границу. Мы тогда находились на таком предельном уровне, в смысле атомных вооружений, который требовал большой секретности, какое количество у нас этого оружия, поэтому не хотели, чтобы наши противники узнали об этом как-то косвенно, а у нас не было уверенности, что Капица в разговоре не проговорится с учеными, среди которых у Капицы много знакомых за границей, поэ-

тому мы отказались выдать разрешение на поездку. Я потом читал уже года два тому назад, что академик Капица ездил за границу и шумно провел свою поездку и получил признание, был назначен почетным академиком в разных странах и прочее. Ну, что же, я радуюсь, наконец-то Капица был за границей, он получил удовлетворение, получил такое признание в печати. . . .

И далее:

Долг мой тогда, как Председателя Совета Министров, требовал осторожности, и я эту осторожность проявил, и мы тогда не разрешили Капице, хотя он с официальной просьбой не обращался, а только вопрос ставил, вот такое смешанное чувство у меня осталось от бесед, которые я имел с академиком Капицей. Капица мне рассказывал, что он большое дело сделал, да это и другие говорили, и это известно, что он дал новый метод получения кислорода, это для экономики страны сыграло очень большую роль, но мы тогда хотели большего, мы хотели, чтоб подтвердилось то, что говорили буржуазные газеты, что Капица создал атомную бомбу, мы этого хотели, я не знаю, могли он это сделать, мне трудно судить, я не

ученый, но во всяком случае он не приложил свою руку к этому делу и даже старался доказать, что он не занимался этим вопросом из-за каких-то принципиальных вопросов.

Если сравнить и сопоставить Капицу и Сахарова, Сахаров тоже к нам обратился, чтобы не взрывать водородную бомбу, но он все-таки дал нам водородную бомбу. Это патриотизм, это вклад и какой вклад! Хотя он потом просил, чтобы не взрывали эту атомную бомбу. Но как же иметь ее без экспериментальных взрывов, оружие, которое берется на вооружение, обязательно испытывается с тем, чтобы быть уверенным, что в нужное время оно будет действовать безотказно. Но, видимо, в этом вопросе создаются колебания. Вот академик Сахаров не определил тогда своего отношения. С одной стороны, он чувствовал раздвоение. Он чувствовал, что он должен помочь стране получить нужное вооружение против агрессоров, а с другой стороны, боялся применения этого оружия, и он, видимо, боялся, что применение этого оружия будет связано с его именем, и он хотел, чтобы его не испытывали, но это уже тут может быть разный подход человека ученого, он, видимо, пацифистского направления человек, и я

за пацифизм, если бы мы создали условия, исключаящие войны, но пока мы живем в таком мире, где нужно смотреть в оба, то здесь поддаваться одностороннему разоружению, такому пацифистскому настроению опасно, могут слопать империалисты.

Но почему же все-таки я не согласился с тем, чтобы академик Капица поехал за границу, это же отрыжки сталинского времени? Возможно, я ведь столько лет проработал под руководством Сталина. Не сразу освобождаешься от тех налетов, которые там оседают. Я этого не отрицаю, для этого нужно время, время с тем, чтобы осознать и отрешиться, но все-таки, я думаю, главное не в сталинском наследстве взглядов, а в заботе о своей стране, о своем государстве, о своем народе, поэтому не сама поездка академика Капицы беспокоила меня и руководство — я сам ничего лично не решал и не имел права решать согласно нашему порядку и кодексу и государственному и партийно-моральному, — но я лично был против поездки, я об этом уже записывал, когда я задал товарищу Лаврентьеву вопрос, знает ли Капица о наших работах по вооружению, ядерному вооружению и ракетному. Он мне ответил, что Капица все знает, ну если он знает и отказался сам работать в

этой области, у меня тут всякие мысли возникли ...

В другом месте Хрущев вновь возвращается к тому, что Капицу не пустили за границу:

... Пусть, как говорится, простят мне смертному. Я ведь смертный, а как смертный тоже не лишен ошибок, поэтому я считаю, что здесь тоже можно применить такое выражение, что ошибка была допущена Капицей, когда он отказался от работы над военной тематикой, ну и я допустил ошибку, так что на этом мы, как в детстве раньше говорили, квиты.

О Курчатове

Роль двигателя науки по созданию ядерной энергетики и ядерных зарядов и вообще ядерной науки, я считаю, первое место принадлежит нашему замечательному ученому товарищу Курчатову. Мне говорить о его достоинствах как ученого вряд ли следует, потому что он признан не только в нашей стране, но и во всем мире, как ученый-атомщик. Но я хотел бы сказать несколько слов

как о человеке. Мне приходилось много раз встречаться и не только по вопросам атомных бомб и науки о ядерной физике, он приходил ко мне и по другим вопросам, но, видимо, зная мое расположение к нему, некоторые ученые доверяли ему быть их уполномоченным, замолвить словечко по той или иной отрасли науки; я всегда внимательно слушал его, и по своему уровню понимания того или иного вопроса и правильной оценки, я к нему с большим доверием относился и считал, что он очень порядочный человек, и поэтому у меня никогда не было такого мнения, ведь другой раз ученые тоже заинтересованно подходят и в общих интересах иной раз стараются получить для себя. Я не осуждаю за это, потому что человек, преданный своей отрасли науки, прежде всего думает о ней и двигает ее вперед, но при распределении средств приходится выделять самое неотложное, то, что связано с общим развитием науки и техники, культуры, экономики и, конечно, я думаю, это и сейчас делается, обороны страны. И Курчатов отвечал всем этим качествам ученого, он правильно понимал и правильно учитывал необходимость выделения средств на самое главное, что необходимо, что создавало условия неприступности нашей страны, ...

О Туполеве

Из строителей воздушного флота, ученых, я лучше всех знал Туполева. Я с Туполевым познакомился еще в 1931 году, когда я был избран секретарем Бауманского районного партийного комитета, а товарищ Туполев тогда возглавлял ЦАГИ. Тогда ЦАГИ было единственным учреждением, где занимались вопросами воздухоплавания, и самый крупный по тем временам, кто выделялся из основной массы, это был Туполев. Тогда он был еще молодой ученый, молодой конструктор, но Туполев пользовался тогда признанием конструкторов, которые конструируют самолеты, которые летают. Но я сейчас не могу вспомнить, по каким причинам и за что арестовывался Туполев и сидел в тюрьме, где ему было организовано конструкторское бюро, где он работал; я знал, что он сидит, но Сталин об этом ничего не говорил, при Сталине не было положено спрашивать Сталина, поэтому я не знал, я даже не знал, в каком году он был арестован, сколько он сидел, сколько раз он был арестован. Но Сталин понимал, хотя и арестовывал Туполева, организовал ему условия в тюрьме с тем, чтобы он работал и отдавал свои зна-

ния на пользу Советского Союза. После смерти Сталина, когда я стал занимать соответствующее положение, которое я занимал ... я помню, как Туполев докладывал, не помню, по какому вопросу; потом все ушли, и у меня осталась группа конструкторов. Все ушли, а он задержался. Посмотрел он на меня и говорит: "Я хотел бы обратиться к вам, товарищ Хрущев. Что ж, остается еще за мной слава, что я сидел в тюрьме, — я не знаю, как он еще выразился, — одним словом, я бы хотел, чтобы правильно была оценена моя роль и чтобы я не ходил в числе людей, которые были арестованы. Это ложится и на меня, и на моих детей". Я говорю: "Хорошо, товарищ Туполев, мы обсудим и прикажем, чтоб все документы были уничтожены, чтоб вам нигде, ни в каких анкетах не писать, что вы подвергались аресту и отбывали какие-то сроки наказания". Он поблагодарил, и мы расстались. Но очень часто я встречался с Туполевым, часто мы с ним говорили по вопросам бомбардировочной авиации, потом гражданской авиации, а он большой ученый и у него большая хватка к практическим вопросам. Когда ТУ-95 показал, что он не может выполнять своих функций как бомбардировщик и его сняли с производства, он пришел ко мне и говорит:

”Я понимаю военных, которые предложили снять с производства ТУ-95, но другого-то бомбардировщика у нас нет, а ведь ТУ-95 должен был быть нашим основным бомбардировщиком. Других нет, а этот есть, значит, он еще может послужить нашей стране; я считал бы, что можно этот бомбардировщик перестроить и на его основе сделать гражданский самолет”. Это мне понравилось, и я поставил вопрос. Мы обсудили и приняли предложение товарища Туполева, и тут же поручили товарищу Туполеву создать пассажирский самолет. Я помню, что он, кажется, сделал два или три самолета, буквально перестроил бомбардировщик ТУ-95, но это был пассажирский самолет дальнего радиуса действия, но он не отвечал запросам, которые предъявляются к пассажирскому самолету, и он взял за основу ТУ-95 и создал пассажирский самолет, и он его создал, это был ТУ-114. Когда я потом по приглашению президента США прибыл в Америку, то он произвел впечатление — беспосадочный перелет Москва — Вашингтон, это звучало, и довольно хорошо звучало в пользу Советского государства. Это создал Туполев...

Потом он создал и другие бомбардировщики ТУ-16, ракетноносцы, я сейчас не могу

перечислять. Это бы просто запутался в названиях. Туполев создал очень много хороших самолетов.

О Королеве

Когда занялись ракетостроением, то на первом плане конструкторов выделялся Сергей Павлович Королев. Много раз я с ним встречался, слушал его, это страстный человек, интересный. А как говорится, его нельзя причислить к непротивленцам злу. Он азартно отстаивал свои идеи, это хорошо; я когда слушал его, то всегда восхищался; это он первый проложил дорогу, путь в космос, он первый проложил путь Земля — Луна. Это был все Королев; надо было Сергея Павловича видеть, когда он докладывал, его страсть, его горение, ясность ума, замечательный конструктор. [Нам удалось]

вырваться от Земли и послать человека, к сожалению, не удалось при его жизни послать человека на Луну, но к Луне послать и на Луну послать предметы Советского производства — это Королев сделал. Крупный ученый и очень интересный человек, он был замечателен тем, что у него сочетались крупные знания своего предмета и крупные организационные способности, неограниченная

воля и пробивные качества его. Он пробивными качествами владел, и поэтому он хорошо двигал свое дело вперед. Неожиданно смерть вырвала его из жизни. Я знал, что он лег в больницу, я знал, что готовится к операции. Я слышал от врачей, что операция несложная, и говорят, что операция прошла хорошо; поэтому хирурги уже помыли руки, считали, что операция закончилась благополучно, и вдруг какой-то шок, и Королева не стало, а он еще был в расцвете творческих сил. Если бы не было этого нелепого случая, который вынудил его лечь в больницу на эту операцию, и операция не закончилась бы трагично, то он бы мог еще много сделать для нашей страны, и я бы сказал, для всего человечества. ...

Я Сергея Павловича вспоминаю как человека, который первый вывел нашу страну в космос и дал прекрасное решение по тому времени, да и сейчас его наследством пользуются современные конструкторы, хотя они и развили эту идею.

О Келдыше

... На одном из заседаний Совета Министров, по какому-то вопросу был приглашен академик, президент Академии Несмеянов, и тогда были высказаны некоторые критические замечания. По характеру это сдержанная критика была. А Несмеянов очень спокойный человек и человек большой деликатности, он сказал: "А может следовало бы выдвинуть на пост президента Академии Наук товарища Келдыша?" — и мы сказали, что это вопрос, который стоит обсудить и подумать. И потом после заседания, после рассмотрения этого вопроса в ближайшие дни, мы пришли к выводу, что лучше президентом выдвинуть и поддержать Келдыша. Несмеянов выбыл в отставку, Келдыш был выдвинут и поддержан академиками и стал президентом Академии. Я знаю, до меня слухи и сейчас доходят, что не все академики довольны Келдышем. Но это понятно, трудно всем угодить, занимая такой пост, возглавляя такое учреждение, каким является Академия Наук; здесь много индивидуального, и люди со своими характерами, со своими запросами, чтоб президент относил-

ся ко всем равно, это невозможно. Поэтому если проявляется недовольство отдельных лиц, временное недовольство, то это как раз характеризует то, что Келдыш имеет твердый характер, свое мнение и это мнение иногда вызывает какое-то недовольство.

О Лаврентьеве

Очень у меня были хорошие отношения, и я с большим уважением относился к товарищу Лаврентьеву, вице-президенту Академии Наук; я с ним познакомился, когда он еще работал в Академии Наук Украины, он там был президентом Академии Наук; это был человек, который мне нравился за свою простоту, за свою настойчивость и гениальность. Как ученый-математик, он много сделал для обороны страны. Он привлекался как консультант по ряду вопросов в оборонном строительстве. Ему приписывалось, я точно не могу сказать, что он подал идею кумулятивного снаряда. А кумулятивный снаряд оказался очень действенным против брони, и после войны он уже совершенствовал, работал опять же над этой проблемой.

Однажды он предложил мне поехать на

испытания и сказал: "Я вам покажу снаряд, сделанный из взрывчатки определенной формы, и мы положим его на лист железа, и я прожгу этот лист железа". Я ездил и смотрел, и он действительно продемонстрировал это; это как раз была, как он мне объяснял, направленность взрывной силы этого заряда, он как бы не пробивает, а прожигает; он сделал большое дело во время войны и совершенствовался. Я считаю смелым его предложение по созданию Новосибирского филиала Академии Наук. Он мне нравился за простоту свою; это был ученый, который ходил в кирзовых сапогах. Я как раз не говорю, что это главное качество ученого. Я преклоняюсь перед человеком, перед ученым, который работает на благо народа, пусть он даже будет в цилиндре, непризнанном в нашем обществе головном уборе, но его простота, строгость его ума, его находчивость, его пробивная сила, — это подкупало.

Вот он начал доказывать, что надо создать филиал Академии в Сибири, ведь страна наша огромная, а научный центр в Москве один, это нерационально, неправильно, надо нам создать центр в Новосибирске, а потом и в других местах. Но, а кто же туда поедет, в Сибирь, Сибирь-матушку? Ведь Сибирь пока еще пугалом была, особенно

после смерти Сталина, когда в Сибири отбывали миллионы заключенных, бывших военнопленных, ведь они из Сибири вернулись к своим родным местам. А он говорит: есть такие люди, и он мне назвал целый ряд людей, дал список, все ученые, молодежь, правда, а туда надо бросать молодых; но мы поддерживали предложение Лаврентьева и дали средства, а в то время нужно было много денег выделить с тем, чтобы поднять и в короткий срок создать хотя бы основу, потому что это непрерывный процесс, процесс строительства, как и процесс науки во всех областях ... Но основу заложили быстро, и душой этого дела был Лаврентьев. Я несколько раз, когда бывал в Сибири, заезжал в Новосибирск, и слушал, и смотрел на месте, как идут работы, как идет строительство. Я был приятно поражен самим Лаврентьевым, он взял семью и жил в типовом сельском домике, он меня к себе на обед пригласил, у него скромное жилье было. Но он отказался от столичной жизни, от столичных удобств, от всего, что дает для человека столица, и согласился уехать в сибирскую тайгу и создать там филиал Академии Наук, которым сейчас гордится страна; и это — Лаврентьев, он тогда мне предлагал начать строительство другого нового центра в другом

месте, на Дальнем Востоке, но тогда я еще считал, что наши материальные возможности нам этого не позволяют, поэтому я сказал, что не надо торопиться ...

ОБ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЯХ

Когда умер Сталин и как-то распределились силы руководства и когда мы уже несколько стали более твердо чувствовать себя на ногах и народ начал лучше проявлять свои требования, особенно после ареста Берии и после его разоблачения и суда над ним, и тогда народ узнал и почувствовал себя более вольготно. Он получил возможность выражать свои мысли и выражать свое недовольство, а это неотъемлемое право людей во все времена. Но известно также, что во все времена люди за право высказывать свои мысли и выражать свое недовольство тем или другим бюрократическим налетом в Советском государстве, а это должно быть неотъемлемым, но за это право народ платил даже жизнью при Сталине, и даже очень много тысяч поплатилось за это жизнью и сидели в тюрьмах и в лагерях.

Это было около десяти или больше миллионов. Берия проявил великодушие, взял и выпустил уголовников; он хотел блеснуть своим либерализмом, а по-существу эта акция была направлена против народа, потому

что вернулись уголовники из тюрем и принялись за свое ремесло: воровать, убивать, грабить. Народ стал выражать свое недовольство и особенно стал проявлять свое недовольство жилищными условиями. Я помню, однажды на заседании Молотов поднял голос, у него чувствовалась какая-то паническая нотка, что, мол, идет очень большое недовольство тем, что нет жилья, невозможные жилищные условия в Москве. Я на него смотрел, как на новорожденного, он только теперь узнал и услышал недовольство, и он теперь только узнал, что нет жилья, что люди живут теперь в домах-клоповниках; даже в комнате одной помещалась не одна семья, редко было, чтоб одна семья размещалась в одной квартире, чаще всего две-три. Одним словом, чем больше комнат в квартире, тем больше семейств там размещалось и тем больший ад делался на кухне, где сходились интересы жильцов, где каждый должен был приготовить себе пищу и обслуживать свою семью, а площадь не позволяла, вот вам и скандалы, и драки, и прочие бытовые явления, которые существовали и сейчас существуют.

* * *

После войны, после смерти Сталина люди, как говорится, сняли замки со своих ртов, и люди получили возможность не оглядываясь, что их посадят, делать замечания. Возросли потребности, я бы даже сказал, что не потребности возросли, а возросли возможности говорить о потребностях. Стало более свободно, хотя, конечно, свободным голосом еще не говорили, потому что еще висела прошлая сталинская угроза, скажешь — посадят, вопрос задашь — посадят, а если не посадят, то другие будут ущемления или по линии служебной. Одним словом, были ущемления, сажали в тюрьмы и были репрессии. К сожалению, это было. И это создавало такое впечатление, что тишь да гладь и божия благодать, что народ хорошо живет и благоденствует, хотя огромные недостатки были и есть.

* * *

Да, даже в одной системе, в социалистическом государстве, даже к руководству разное отношение бывает. Я получал немало писем, которые довольно резко выражались против политики, которую проводило правительство. Да это всегда так бывает ...

ВЛАСТЬ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

... Если взять отношение Сталина к художникам, это было хорошее отношение. Иначе и быть не могло, он был государственный человек, занимал высокое положение, и человек он был высокого и большого ума. Но вопрос не в том, как он относился к интеллигенции, а вопрос в объективности, в понимании, в терпимости к тому, что ему лично не нравилось. А без этого художник жить не может.

А если одно лицо или группа лиц начнет определять, что хорошо и что дурно, это уже плохо для интеллигенции, уже плохо, если направлено против какого-то жанра искусства. Ведь много субъективного в восприятии звука, музыкальной мелодии и другого. А судить и осуждать — это субъективное отношение. И здесь, конечно, больше всего страдали от этого художники, писатели, они встречались, когда их сковывали, не давали возможности развернуться, но могут сказать, что были такие писатели, которые не чувствовали этого, если можно выразиться, гнету. А ограничения — это и

есть гнет в творческом труде, мне трудно говорить за писателей, это сами писатели скажут, да и потом разный характер у писателей.

Но Сталин, а это не только Сталин, а все деспоты. Все деспоты относились к литературе, к литераторам хорошо, но только при том случае, когда эти писатели хорошо писали об этом деспоте и об его периоде. Вот Николай I, который вошел в историю как Николай Палкин, который продолжал терзать людей после Александра I ... и терзал Пушкина. А разве Пушкин был плохой писатель? Разве он плохо писал? Он писал хорошо и прекрасно изливал и свою душу, и народа. И сейчас его высоко ценят в народе и будут ценить. Он бессмертные слова о себе сказал: "Я памятник создал себе нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа", однако он был в ссылке большую часть своей жизни. А ведь он мог в это время творить. А он был в ссылке или на юге, в Молдавии, Кишиневе, Одессе, или же в своем имении под Псковом. А Николай был за Пушкина, он хотел бы, чтобы Пушкин творил, но хотел, чтоб Пушкин в своем творчестве воспевал время Николая I и прославлял бы его и укреплял как монарха.

Ворошилов без ума был от художника

Герасимова, я не берусь судить творчество Герасимова, я думаю, что художник Герасимов, любимец Ворошилова, был хороший художник. Но он еще нравился Ворошилову тем, что воспевал в живописи Ворошилова, а кто в музыке Ворошилову очень нравился — кто воспевал его в музыке? Пакрас. А композитор Пакрас — я очень уважал его и уважаю сейчас. Он много хороших вещей написал, но как Пакрас написал музыку о конной армии, о Буденове и Ворошилове, я думаю, что никто больше так не написал. Его песни и они, конечно, служили подъемом. Но тут, так сказать, выпячивал и персон, заслуженно, но все-таки не в такой мере, как это было показано. И, конечно, эти люди ценили ... [тех], о которых эти интеллигенты писали и прославляли. Этим людям уже присвоено определение, что это придворные поэты, придворные музыканты и придворные художники ... Таких людей и тружеников таких, конечно, всегда старались приближать к себе и поощрять.

Я уж не говорю о материальном поощрении. Здесь, как говорится, казна открыта, здесь отношение одно.

Вот Фадеев, талантливый человек, его произведение о партизанской войне в Сибири, не помню, как называлось, но там главный герой Левинсон, по-моему, по-моему, его книжка "Молодая гвардия" — это бессмертное произведение, я сейчас забыл название, но тогда на меня эта книжка произвела огромное впечатление, там главную роль играет командир партизанского отряда Левинсон. Это потрясающее произведение, такое у меня во всяком случае было впечатление, и он занимал ведущее [положение] Жизнь Фадеева объясняется тем, что он человек умный и тонкой души и психологии, и когда Сталин был разоблачен, и когда показано было, что это не преступники, не враги народа, которые были казнены, а за ними тысячи, сотни тысяч погибли и в том числе интеллигенция, творческая интеллигенция, писательская. Он не мог пережить этого, потому что он прославлял через Союз писателей и превратился в агента Сталина и свидетельствовал, что эти люди действительно совершили преступление. Я думаю, что он был убежден в правоте, как и многие, и я в том числе был убежден. Но потом не мог переварить то, сколько он раз воспевал перед творческой интеллигенцией, вы-

полняя роль прокурора Сталина. Он потом увидел, что круг его замкнулся, и он покончил жизнь самоубийством. Надо принять во внимание, что он совершенно к тому времени спился. Я помню, когда собирал Сталин для заслушивания комитет по Сталинским премиям. Сталин собирает, заслушивает и решает о Сталинской премии. Это ж нужно дойти до жизни такой! А это было так. И докладывал всегда о представлении к награждению премией творческой интеллигенции Фадеев, всегда докладывал. И он, бывало, докладывал, а потом Сталин ему говорил: "Ведь еле-еле держится на ногах, совершенно пьян". Да это всем было видно, что он совершенно пьян. А мы еще знали, что по надобности Сталин ставил на ноги и милицию и чекистские органы, и отыскивали его по всем значным местам. А эти места были на учете. Вот и отыскивали, где Фадеев. Вот до такого состояния спился Фадеев...

* * *

... Ну, вот если взять Твардовского; у миллионов людей было на устах, которые сражались с гитлеровскими ордами, и людей, которые в тылу работали на обеспечении нашей армии, — Твардовский, его "Василий Теркин" — это бессмертное произве-

дение. Я не знаю, насколько мое суждение будет правильным, но я считал бы, что Твардовский и его творчество во время второй мировой войны — это можно сопоставить с Демьяном Бедным. Я не знаю, кто больше сделал.

Демьян Бедный во время гражданской войны — это было имя, которое знали все красноармейцы, потому что он откликался на все и вся, очень меткое направление брал он в своих творческих произведениях, с тем чтобы политически подготвить, морально укрепить, чтобы метко стреляли по врагу красноармейцы. Также служил во вторую мировую войну "Василий Теркин". Я помню, как Сталин с умилением смотрел, и все мы так же относились к этой картине. Я не помню художника, который написал эту картину, где он показал Василия Теркина.

Я помню, когда мы увидели эту картину, то Сталин сказал, чтобы мы ее в Кремле повесили. И она была повешена в Кремле перед входом в Екатерининский зал. Так этот зал у нас назывался, он такую историю имел. Это как только выйти направо из Президиума Верховного Совета, из зала заседаний, сейчас же направо висела картина больших размеров. Очень хорошо сделанная, и там Василий Теркин находился в кругу сво-

их бойцов. И позы, которые занимают красноармейцы, кто из котелка кушает, кто еще что делает, но слух их обращен, это художник хорошо сделал, к Василию Теркину.

Но не признавать Твардовского нельзя. Могут не признавать живущего сегодня, но его признал уже народ, а завтра придут другие люди и по-другому будут оценивать роль Твардовского. Вот отношение к интеллигенции, очень сложное, очень сложное.

* * *

Ну, если говорить о Пастернаке, Пастернак, я не берусь быть судьей о творчестве этого человека, но я пользуюсь мнением других поэтов, которые очень высоко ценили Пастернака и собственно за переводы его с иностранных языков. Он написал "Доктора Живаго", очень много на шумел этот роман, но это уже было после смерти Сталина, я не знаю, как относился лично Сталин к Пастернаку, я не могу судить и просто не знаю и не хочу поэтому быть лжесвидетелем.

Так вот, написал Пастернак "Доктора Живаго", хотел, чтобы его напечатали, мне докладывали, и я сейчас расскажу, как решался вопрос об этом произведении.

... [Теперь] в своей, так сказать, резиденции, в своей ссылке на даче, район Петрова Дальнего ... я жалею о том, что это в мое время, когда я имел возможность влиять печатать или не печатать, принять или не принять точку зрения докладчика. И, видимо, меня могли бы поддержать, а у меня к этому есть основания и доказательства. Я поверил. Но ведь административные меры — самые вредные для творческих людей и непрогрессивные. Шум и гвалт поднялся за границей, особенно, когда это произведение, рукопись, попала за границу, а там напечатана. Ну, сейчас же доброжелатели ... я не знаю, насколько это произведение отвечало Нобелевской Международной премии ... Но премия была присуждена Пастернаку за произведение "Доктор Живаго", тогда шум поднялся, что Советский Союз не разрешает Пастернаку поехать за границу, получить эту премию. А я сказал, давайте мы опубликуем, и Пастернак может поехать за границу для получения этой премии, мы дадим ему паспорт, и я даже, насколько я помню, мы даже сказали, что ему будут выделены средства для этого, потому что ему нужны какие-то валютные средства. Вдруг Пастернак ответил [в] газете, что он не собирается ехать и не ставит вопрос о своей поездке за границу для

этой цели. И я сейчас не могу быть судьей этого произведения, я его не читал, но люди, которые потом со мной встречались, которые читали, ну, не проявили никакого особого восторга, ни в художественном плане, ни ... это особый вопрос — судить автора и судить произведение. Но я сожалею, что это произведение не было напечатано, потому что нельзя административными методами, так сказать, по-полицейски, выносить приговор творческой интеллигенции. Скажут мне сейчас, что это я поздно решил, да, это поздно, но лучше поздно, чем никогда.

... Он трудился, за границей его напечатали, признали, Нобелевскую премию присудили, а здесь административными мерами, т.е. полицейскими мерами, положили его книгу на склад, запретили. Это уж совсем другой привкус и совсем другой дает оттенок.

* * *

... Я встречался не раз с Эренбургом. Это большой писатель был. В нем я замечал большой талант, без которого он не был бы таким большим писателем, которым он был и остался в литературе. Но у него было какое-то примирение со сталинскими метода-

ми. Но, может быть, я слишком строг к Эренбургу, потому что условия были такие, которые требовали какого-то примирения. Но у него были проявления настойчивости, отстаивания своего понимания, когда он занимал ту или другую позицию. Я помню, тогда Сталину нужно было, забыл, в связи с чем это было, или выступить в печати с заявлением, что в Советском Союзе нет антисемитизма. И тогда Сталин назвал, что привлечь к составлению этого документа, особенно подписи, потому что для составления такого документа у Сталина было достаточно авторов, чтобы привлечь обязательно к подписи этого документа Эренбурга и Кагановича; Каганович вертелся несколько, когда Сталин с ним разговаривал по этому вопросу, чувствовал, что это ему тяжело делать, но, конечно, все сделал, что ему Сталин сказал, а когда поручили переговорить с Эренбургом, я не помню — кому поручили, то Эренбург категорически отказался подписать этот документ, и я боюсь быть неточным, полагаюсь на память, хотя память у меня пока еще неплохая, хотя и бывает, что я другие события не совсем конкретно представляю, они у меня потускнели в памяти. Но мне кажется, что Эренбург не подписал этого документа. Это говорит о том,

что он имел характер, даже противопоставить его воле Сталина. Хотя Сталин с ним лично не разговаривал. Я даже не знаю, встречался тогда Сталин с Эренбургом или нет. Это я не помню. Эренбургу принадлежит фраза, пущенная в его произведении "Оттепель", т.е. после смерти Сталина наступила какая-то оттепель. К такой характеристике этого времени мы все-таки не совсем положительно относились, потому что тут было ... объяснялось это двумя положениями. С одной стороны, мы действительно допустили послабление, если выражаться грубым политическим языком, и ослабили контроль, и свободней стал народ высказываться и в беседах, и в печати — в газетах, журналах и литературе. Но тут было два чувства, это отражало наше внутреннее состояние, и мы этого хотели; с другой стороны, были такие лица, которые не хотели этой оттепели. Они даже упрекали и говорили, вот если бы Сталин был жив, этого он бы не позволил и этого бы не позволил.

А это характеризовали положительно, сейчас очень сожалею, что совершенно из памяти выпало, не то это мне прямо адресовалось, не то через третьих лиц в моем присутствии, подогревали меня со стороны, вот, мол, если бы Сталин был жив, он бы этого не позволил.

Это как раз относилось тогда к спору с абстракционистами, это сказал крупный художник. Хотя мне потом сказали, что этот художник купил у скульптора Неизвестного какую-то скульптуру и заплатил большие деньги. И сам Неизвестный говорил, что его критикуют те, которые покупают его скульптуры и платят большие деньги, но фамилии он не сказал. Но вот эти голоса были против оттепели, Эренбург был меткий в своих произведениях и умел подмечать и давать характеристику времени, я считаю, что это отражало действительность, хотя мы тогда не называли ... я даже думаю, что здесь, возможно, шли на оттепель в руководстве, и в том числе и я в этом коллективе, и шли сознательно, и сознательно побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым бы было трудно справиться. А это возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы как бы сдерживали эту оттепель с тем, чтобы эта оттепель не вызвала бы половодья и не захлестнула.

Ну, как она могла захлестнуть? Переросло бы тогда сдерживающие барьеры то, что неуютно с точки зрения руководства, и пошел бы вал такой, что смывал бы на своем пути преграды. Боялись, если так можно выразиться. Боялись того, что народ, что руководство не сможет справиться со своими функциями и не сможет руководить и направлять это по советскому руслу, которое бы вызвало творческие силы, но чтобы произведения этих творческих сил содействовали укреплению социализма.

Эта забота хорошая, чувство хорошее, но, может быть, это было несколько трусливо. "И хочется, и колется, и мама не дает", как это в народе очень метко о таком периоде в народе говорили. Возможно, что это так и было.

Я помню беседу в ЦК с группой писателей. Эренбург был приглашен на эту беседу. Я не помню, был ли товарищ Симонов на этой беседе, но Твардовский был, и Евтушенко был, и Неизвестный, потому что, по-моему, они были вызваны в ЦК на заседание Оргбюро или просто в ЦК поговорить о Неизвестном, о его творческом направлении. Я помню, на этом совещании была Галина Серебрякова. Она выступала. Я не помню

ее слов, но помню, что у нее было очень резкое выступление против Эренбурга. Эренбург прямо как на горячей сковородке подпрыгивал, когда она его бичом хлестала; словом, не помню, но содержание, направленность ее критики я помню хорошо, она упрекала Эренбурга, она буквально чуть ли не называла его подхалимом сталинским, и что в то время, когда Сталин головы рубил или же в ссылке держал писателей, Эренбург в своих выступлениях поддерживал сталинскую позицию в вопросах отношения Сталина к творческой интеллигенции. Он вскипел, горячо ей тоже возражал, я сейчас не помню как и конкретных обвинений, так и конкретных возражений, я понимал Галину Серебрякову, это талантливая, по моему, писательница, она написала трилогию о Марксе и Энгельсе, по моему, хорошо написала, я ее читал, и она мне понравилась, она большую работу проделала, много прочитала и большие материалы собрала, чтобы написать эту трилогию. Сейчас исчезла Галина Серебрякова с горизонта писателей, я о ней не слышу, и в печати не мелькнет ее фамилия, как других писателей. Я не знаю, что с ней случилось, не знаю даже, жива ли она, я думаю, что если бы она умерла, то какое-нибудь сообщение было. Я думаю, она сей-

час находится в таком состоянии, когда ее произведения не находят признания, а, следовательно, и света. ...

Я помню и сожалею о многом, что было сказано на этом совещании, в том числе и мною. Помню, я критиковал Неизвестного. Я даже допустил такую грубость, что Неизвестный, видимо, взял себе фамилию "Неизвестный" с тем, чтобы не быть неизвестным, фамилия такая вызвала не то что какое-то подозрение, потому что он занимался открыто своим творчеством и некоторые признали его; во всяком случае, с моей стороны это была грубость. Это возможно при равном положении, но с моей стороны, занимая такой высокий государственный пост, поэтому это по-другому звучит такая форма, тем более в беседе. А это не беседа была, а острая критика. Если бы я его сейчас встретил, то я бы перед ним извинился. Я помню, Евтушенко выступал, горячо выступал и поддерживал направление Неизвестного. Но это не его направление, потому что оно давно было и боролась интеллигенция против течения абстракционистов. Это известно особенно за границей, да и у нас оно было в свое время. Футуристы это тоже, по-моему, те же абстракционисты. Маяковский тоже в 1917-18 году

ходил в желтой кофте по Невскому проспекту в Петербурге. Конечно, внутренне я был и остаюсь противником этого направления, этой формы в искусстве, как в живописи, так и в скульптуре. Но это ни о чем не говорит. Нельзя административными мерами, а это меры полицейские, нельзя этими мерами бороться против течения, которое возникает у интеллигенции как в живописи, так и в музыке; я помню, товарищ Евтушенко выступил и доказывал, приводил примеры конкретные, что на Кубе такой-то абстракционист и такой-то художник, который стоял на реалистических позициях, что когда возникли трудности на Кубе, они были всегда вместе и выступали вместе с винтовками в защиту революционных завоеваний на Кубе. Это верно, но ... несмотря на разумность, которую высказал Евтушенко, очень Неизвестного критиковали, и он критиковал. Неизвестный потом передал мне через кого-то, видимо, через каких-то работников агитпропа или культуры, через Фурцеву скорее всего или через комсомол, через Павлова. Одним словом, он передал о том, что бросит заниматься своим творчеством и переходит на позиции реалистического творчества. Я, конечно, был доволен, я не помню сейчас, какие он создал

произведения, он талантливый человек, и сейчас я через печать следил, насколько это возможно, что он создал какие-то хорошие произведения, но что же, я только рад, не знаю, насколько ему помогло, когда мы его критиковали, но, наверное, это тоже было толчком, может быть и административным толчком, ведь и люди творческого труда тоже выступали и выступают против абстракционистов и, может, это было какой-то каплей перевеса, и человек перешел на реалистические позиции, это хорошо.

Я раскаиваюсь в форме критики, которую тогда организовали против Неизвестного и других. Но по существу я и сейчас противник абстракционизма, я и сейчас просто его не понимаю. Мне, конечно, по душе творчество реалистических художников.

Я помню, когда я был в Англии в числе членов правительственной делегации. Когда мы были на даче у Идена, он спросил меня: "Господин Хрущев, как вы относитесь к такому течению?" — "Я не понимаю, господин Премьер, я стою на позициях реалистического творчества". — "Я тоже не понимаю абстрактного искусства", — и тут он улыбнулся и говорит: "А как же ваш Пикассо?" — — "Ну что же, Пикассо — крупный художник, он, когда нужно, дал такое произведе-

ние , как "Голуби мира", которое было признано всеми, и это символ борьбы сейчас во всем мире. А его написал Пикассо ..."

Эту же тему Н. Хрущев продолжает развивать рассказывая о своем посещении американской выставки:

Я прошел отдел художников; ну, это просто было извращение, отталкивающее впечатление на меня произвело. Я прошел отдел скульптуры: то, что я увидел, меня просто потрясло. Была выставлена скульптура женщины. Я не обладаю красочностью языка, чтобы правильно обрисовать, что там было выставлено, но это была какая-то женщина-урод, никаких пропорций не было, огромный зад, и вообще все было непропорционально показано в сложении фигуры женщины. Ну, это просто невозможно! Когда я ходил, то меня спрашивали американские журналисты, они знали мое отношение к такому жанру искусства, поэтому они меня подзадоривали. Я говорю, как могла бы мать смотреть на этого скульптора, который изобразил женщину в таком виде; это, наверное, извращенный человек, я думаю, что он педераст и ненормальный человек; никак не может человек, любящий жизнь и при-

роду, любящий женщину, изобразить женщину в таком виде, как он ее изобразил.

* * *

Я с большим уважением относился и отношусь к товарищу Шостаковичу. Я сейчас не помню, за что и в чем выражалась конкретная критика произведений Шостаковича. Не помню и не могу сказать, но я знаю, что Шостакович признался, поэтому я не могу сказать, что Шостакович был в каком-то загоне во времена Сталина. Он много писал и много написал, особенно во время войны, он создал свои шедевры в Ленинграде и занял довольно видную позицию среди творческой интеллигенции, среди композиторов.

... Но мы не понимали Шостаковича в конкретных некоторых вопросах, когда Шостакович выступал и поддерживал джазовую музыку, с нашей точки зрения. Это тоже, если так говорить, он прав, потому что нельзя с этими формами джазовой музыки бороться административными путями. Надо, чтобы выразил свое отношение к этому народ. Я не помню сейчас фамилии людей, которых он защищал. Критиковали в свое время такого прекрасного музыкан-

та и композитора, как Утесов. Я помню еще в молодые годы, когда утесовские частушки распевали люди себе под нос, а в это время "Правда" разносила Утесова в пух и прах.

* * *

... Здесь Евтушенко прав ... если критиковали в свое время Маяковского, а Маяковский в свое время после смерти оставил произведения, которые и сейчас служат коммунистической партии в борьбе за будущее, за лучшее будущее. А более выразительно, чем Маяковский [прославил] Ленина, я не знаю других поэтов, которые бы могли быть на одном уровне с Маяковским. Хотя Маяковский по своей стилистике, своему печатному слову очень труден, очень труден, но когда я слушаю людей, которые читают Маяковского, это звучит очень строго, идейно, призывно. И сразу человек приобретает какую-то форму, которую стихи Маяковского создают, если человек внимательно слушает и отдается слушанию всем своим существом. Так что это конкретный пример в подтверждение словам Евтушенко, когда он выступал. Стихи Евтушенко нравятся мне? Нравятся, я не могу сказать о всех его стихах, потому что я всех не читал, но некоторые

его стихотворения стали песнями, которые сейчас уже почему-то не исполняются. Он очень метко сказал об отношении русских людей к войне: "Хотят ли русские войны?", а ведь некоторые, как тогда? — критиковали эту песню, говорили, что в этом произведении Евтушенко как бы отрицает войну и он как бы морально разоружает солдат. Но, по-моему, нет, мне эта песня и тогда и сейчас нравится, по-моему, эта песня очень утверждает против войны, я сейчас не помню точно слов, но он там предупреждает, что если эта война будет навязана, то русские смогут ответить на эту войну мощным ударом. В общем, я считаю, что Евтушенко талантливый поэт и хороший человек. Характер у него, так сказать, буйный, но буйный опять же с точки зрения административной, т.е. не всегда укладывается в рамки цензора и, если грубо говорить, тех, которые хотели бы подчистить и подгладить, чтоб было гладко, но это было бы скучно. Если бы все писали одинаково и все бы пользовались одними и теми же аргументами, даже пониманием, то не было бы творческого условия и для развития, и для оттачивания своего таланта и своего слога. Это было бы жестко, один бы говорил с одного конца, другой бы — то же самое с другого конца. Тогда

была бы жвачка, которая бы вызывала рвоту у читателя. Поэтому больше надо проявлять терпения и больше предоставлять возможности творческой интеллигенции. ...

* * *

Если взять техническую интеллигенцию, то здесь проще и отношения проще, здесь люди проявляют свою энергию итelligentскую в форме машин, в формах других каких-то конкретных вещей, которые служат на благо общества. Поэтому по своей деятельности они не вторгаются в сферы общественной жизни и не вторгаются в другие формы, из которых складывается общество, вопросы идеологии. Поэтому если там были поощрения в пользу той или другой отрасли, чтобы поднять их на новую ступень, и соответствующее отношение строилось к отдельным лицам или группам лиц интеллигентного труда. Так же было и в других областях интеллигентного труда. Самый острый и самый скользкий участок — это творческая интеллигенция: ну, некоторые скажут, а что интеллигенция техническая разве не творческая, разве она не творит? Конечно, каждый человек, который занимается полезным трудом является творцом ... Но когда

мы говорим творческая интеллигенция, мы подразумеваем писателей, художников, скульпторов, т.е. тех, которые непосредственно не создают материальных ценностей, без которых человек не может жить. Но они занимаются творчеством, которое вдохновляет людей и общество на подвиги во всех областях жизни человеческой.

Поэтому особенно писатели вторгаются своим трудом в сферу политическую, потому что они творят и разбирают отношения между людьми, между властью имущими и простыми тружениками и прочие вопросы затрагивают, это уже вопросы философские, вопросы идеологии, т.е. те вопросы, над которыми монопольное положение занимает или хотела бы занимать та или другая партия. И, конечно, коммунистическая партия тоже к этому стремится, чтобы вопросы идеологии были в руках партии. И это правильно, потому что без обработки умов людей и направлений, здесь первую роль играет литература всех жанров. Музыка тоже играет большую роль, но она все-таки вызывает подъем настроения. Но она выгодна тем, что она не разговаривает языком человеческим, и поэтому может и хорошее произведение, а хорошее или плохое — это понимание очень сложное.

Это зависит и от автора, который создает ту или другую музыкальную вещь, но и зависит от слушателя. Вот другой раз включишь радио, а у тебя настроение особое, вот и говоришь, кто это такую гадость написал. А потом взглянешь, а это написал Чайковский или какой-нибудь другой прославленный или признанный мастер. А в другое время слушаешь эту вещь, она производит на тебя глубокое впечатление, и ты с удовольствием ее слушаешь. Это — настроение момента. Так что здесь более сложное. Но здесь вопрос решается: нравится или не нравится, и вопрос отношения к творцам музыкальных произведений складывается тоже на этой основе.

"ЭТО НЕВЕРОЯТНО ... ДЕРЖАТЬ РАЙ ПОД ЗАМКОМ"

Я бы хотел привести примеры из практики о моем понимании и моих взглядах на счет того, держать ли границу взаперти и не пускать за границу людей и от людей, которые хотят посетить Советскую страну. Но всем известно, что после Сталина мы открыли ворота очень широко для поездки наших людей и для поездки желающих ознакомиться с Советским Союзом; конечно, хлынули люди разных направлений и люди разных политических убеждений. А иначе и быть не может — ведь народ состоит из разных элементов, политических взглядов. Поэтому надо считаться и брать за основу то, что имеется. Поэтому ехали к нам люди с разными намерениями, и люди от нас тоже ехали с разными намерениями. Некоторые даже из туристов, которые уезжали из Советского Союза, не возвращались. Некоторые уезжали с коллективами театральными, и некоторые из этих участников не возвращались. Это огорчало, но это меня не волновало; были случаи, когда люди не возвращались, а через некоторое время слезно молили, что-

бы им вернуться на Родину; много таких случаев было ...

Я считаю: это невероятно — после пятидесяти лет держать рай под замком, значит.

Если, а мы коммунисты, мы считаем, так сказать, капиталистический строй — это проклятье ... ну, строй, так сказать ... ну, проклятье, так сказать, в котором обрекаются люди труда на рабское ... капиталистическое рабство, значит. А мы строим социализм, мы многое преуспели, значит, в этом строительстве, и ... и дальше еще больше, так сказать, мы преуспеем. То, следовательно, наш строй — не следовательно, а безусловно — самый прогрессивный, значит, на данном этапе развития человечества.

Значит ... значит, это, если сравнивать, так сказать, по-библейски, что это рай для человека — я понимаю, что в понимании о рае, значит, когда все, так сказать, сыпется из рога изобилия и только подставляй рот, — нет, у нас такого рая еще нет, и когда он будет, значит, я даже не знаю, как сказать, да. Но все, так сказать, оценивается относительно, значит. Поэтому я в отношении капиталистического мира, значит, мы стоим на правильных позициях ..., и на этих позициях мы трудимся и многое сделали. И создали условия еще для больших успехов, значит.

Следовательно, как же мы сами себе противоречим. Вот эту хорошую жизнь, значит, чтобы удержать людей в хорошей жизни, надо держать под семью замками границу. Ну, это я слушал, как от врагов, которые говорили: что ж вы, говорит, сейчас вот ... врагов ..., и другой раз не враги, а и наши советские люди, некоторые зубоскалы говорили: что же, говорит, в рай, говорит, дубинкой гоните, говорит, значит. Ну, это применялось там, когда коллективизация принудительным порядком проводилась, значит, и другие акции, которые ... Поэтому я считаю, что пора, и очень уж наступила пора действительно снять вот эти обвинения и лишить аргументов врагов социализма, что мы держим границу под замком и боимся и не доверяем людям, строителям социализма, значит, что они, так сказать, являются вольными людьми, вольными строителями. Они в результате ... они живут и строят социализм в результате своих убеждений, а не в результате принуждения и ... или вынужденных условий, когда им, как говорится, податься некуда, значит.

Это, я считаю, позорит нас, значит, и время ликвидировать этот позорящий акт. А ликвидация его — это дать возможность уехать. ...

Надо смотреть на Ленина. Ленин, значит, даже врагов советского строя в первые годы ... в первый год революции высылали сами. А для желающих выехать была открыта возможность — пожалуйста, берите чемоданы и уезжайте. И уезжали. Много. Я помню, в 19-м году я был в армии, как раз служил в Курске, а тогда, значит, много эмигрировало на Украину, потому что там ... Украина была оккупирована немцами. И поэтому они, так сказать, направлялись, значит, на юг, значит. И тогда в "Красноармейском вестнике", так сказать, устном, значит, всякие анекдоты рассказывали, значит, как проходили эту границу, как там обыскивали, как ценности скрывали, какие, так сказать, находили потайные места, так сказать, люди, которые хотели сохранить очень небольшие по объему, но очень ценные по ценности вещи, как их извлекали, как их находили ... ну, много таких, я бы сказал, значит, и ... правда, а может быть, и, значит, это правда, одобренная солдатскими молодежными такими выдумками, значит.

Но сам факт был, что люди уезжали. Уезжали. Было открыто. Теперь, после пятидесяти лет, мы, значит, должны построить такое отношение, что в каждом человеке рассматривать как невозвращенца, который

не заслуживает доверия. Ну, это ... это я считаю, что стоять на такой позиции — это позорить нашу идею, позорить наше учение марксистско-ленинское, на ... наш советский строй. Поэтому я против этого, я против этого.

Дело Владимира Ашкенази

Когда я возглавлял правительство и ... молодой пианист, который получил премию на конкурсе им. Чайковского, был женат ... не был, а он и сейчас женат на девушке, которая училась тоже у нас в консерватории, англичанка, значит, и у них ребенок был.

После окончания, после конкурса они выехали в Англию. Там родители этой ... англичанки, англичане ... живут. Мне говорили, что она вроде родом, значит, или родилась в Исландии, но вот ... все-таки она англичанка и, видимо, английская подданная, значит. Паспорт у нее английский.

И ... это Ашкенази, значит, пианист Ашкенази. Хороший пианист, значит, я слушал его и поздравлял его, когда ему была присуждена премия. И потом, теперь вот я слушал, значит, и по радио, и слушал по телевидению, передавали его игру, значит. Он пришел в посольство английское наше ...

в наше посольство в Англии, в Лондоне, и говорит, сказал вот такое: я, говорит, случай ... жена отказывается ехать, говорит, в Советский Союз, я ее очень люблю, у нас ребенок есть, говорит, как мне быть? Я, говорит, прямо ... значит, это для меня такой удар, значит, вот ...

Посол сейчас же сообщил нам. Мне доложил Громыко, что вот получена телеграмма от нашего посла. Я посоветовался с товарищами и предложил. Я говорю: давайте так. Дать ему паспорт. Пусть он паспорт возьмет, значит, ну ... какого срока он захочет, значит, и бессрочный. И он может с этим паспортом, значит, всегда приехать в Советский Союз и выехать из Советского Союза тогда, когда он захочет. Это его выбор, я говорю. Это, я говорю, единственное возможное. Потому что, если мы будем добиваться, чтоб он вернулся, он, видимо, не вернется. И он не антисоветский человек, но мы его сделаем антисоветским человеком, потому что, раз он не выполнит нашей воли, нашей рекомендации, значит, он противопоставит себя правительству, значит, Советского Союза.

Значит, а сейчас же найдутся люди и найдутся комментаторы, значит, и... и ... толкователи и начнут его обрабатывать в антисо-

ветском ... Зачем нам плодить такого человека? Ну, что случится, если он будет жить в Лондоне и будет приезжать сюда, и у нас будет ... Там будет давать концерты, видимо, он же музыкант, значит, как говорится, человек свободной профессии, и у нас будет выступать, так сказать. Но он будет гражданином Советского Союза.

Все согласились, так мы и сделали. И мне приятно, когда я сейчас вот, пользуясь техникой радио, слушаю, значит, когда объявляют, что выступает или будет выступать тогда-то пианист Ашкенази, значит, в Москве. Мне было приятно, значит, и приятно сейчас, значит, что мы сохранили имя, честное имя крупнейшего пианиста, значит, за ... за собой, за своей страной, за Советским Союзом. И не разрушили и семейную жизнь.

Может быть, когда-то придет время, может быть, она захочет приехать, значит, уже обосноваться в Москве с мужем. Может быть. А может быть, может и так случиться, что он обоснуется в Лондоне. Это тоже я не исключаю. Ну что ж! Ну что ж. Я считаю, что настала пора уже сейчас, пора, когда надо думать, значит, и предоставить возможность выбора гражданину Советского Союза — хочет он жить в Советском Союзе или, если он хочет выехать, временно выехать в какую-либо

страну, а может быть, и совсем, — пожалуйста, предоставить ему эту возможность.

О поездке Рихтера

Я бы пример привел и известного риска. Я не помню, как возник вопрос: или же персонально товарищ Рихтер пожелал поехать за границу, или в порядке договоренности между государствами должен был представлять Советский Союз как великий музыкант; мне сразу стали доказывать, что посылать товарища Рихтера за границу опасно, что он по национальности немец, что мать его живет в Западной Германии, что он, возможно, вероятнее всего, пожелает соединиться со своей матерью. Хотя мне тут же говорили, что с матерью у него холодные отношения. Я не помню, как это объяснялось и чем это вызывалось, но мне говорили, и надо было решать. Я высказался в коллективе, что я за то, чтобы разрешить товарищу Рихтеру заграничную поездку. Мне говорят, что он может и не вернуться. Так что же, всегда мы какой-то риск берем. Конечно, будет жалко потерять такого музыканта, каким является Рихтер, но нельзя никому не верить и всех подозревать, что они изменники. А может быть, он и вернется, это бу-

дет хорошая слава для Советского Союза и пропаганда нашей культуры, нашего режима более свободного, который доверяет всем людям. Товарищ Рихтер, как мне потом рассказывали, побывал в Западной Германии, побывал у своей матери, ну, потом много ездил по другим странам, я сейчас не могу перечислить ... Я это как факт говорю и тем самым демонстрирую мое понимание и мой взгляд на эти вещи. Потом он ездил много раз и всегда приезжал и всегда привозил в Советский Союз большую славу музыкального искусства Советского Союза.

О поездке Плисецкой

Я бы сослался на пример более сложный с нашей балериной Майей Плисецкой. Ну, все знают ее имя, что-нибудь добавить к ее замечательному мастерству каким-нибудь выражением, чтобы оценить ее, это уже сейчас известно всему миру — достоинства этой балерины ... [когда] Театр выезжал за границу, то ее исключали, и она не ездила. Это, конечно, ее угнетало, оскорбляло и прочее. Потом я не знаю, сколько раз это повторялось, она обратилась с письмом в ЦК, по-моему, адресовалась персонально ко мне. Я ознакомился с этим письмом, и она

там выражала недовольство, что ее не пускают за границу, что ее это оскорбляет и наносит обиду, что ей не доверяют, заверяла, что она патриотка Советского Союза и что она просит доверять ей при поездках за границу Большого Театра и не исключать ее из этого коллектива ... Во многих странах ее поездки проходили очень бурно, и она приносила большую славу советскому балетному искусству. Вот примеры доверия и, если грубо говорить, оплата этого доверия со стороны Майи Плисецкой.

У меня были и другие случаи, когда я шел на риск и доказывал коллективу, с которым я работал, что без риска нельзя, что могут у нас быть просчеты, но если относиться так, то тогда надо встать на позицию ..., которыми он очень увлекался и создал действительно очень тяжелые условия для мыслящих людей, которые хотели бы, так сказать, участвовать активно в политической жизни нашей страны.

Я вспоминаю гражданскую войну и беседу в мелкобуржуазной семье, в которой я жил, когда работал — служил в армии и работал в политотделе 9-й Кубанской армии. Я помню, одна женщина, довольно острая на язык, проявляла смелость в разговорах с коммунистами. Она говорила: "Что же

вы, вот пришли к власти, вы ведь растопчете. Разве вам понятно, что такое хрупкое искусство, которым является балет?" Она была права, мы тогда в балетном искусстве абсолютно ничего не понимали, поэтому если мы открытки балерин видели, то мы считали, что это женщина сфотографирована в неприличном виде. И нечего греха таить, мы иногда злословили по адресу Луначарского, который много энергии и сил затрачивал на поддержание наших театров, поэтому считалось, что это его слабость, отклонение от норм коммунистического понимания. Мы, конечно, тогда еще не доросли, мы не понимали, не представляли, мы были люди заводов, шахт, полей крестьянских, и мы далеки были от этого балетного искусства, да и вообще от искусства. Но сейчас, если бы я встретил этих людей, которые со мной тогда говорили, я бы им сказал: "Ну, помните наш разговор в 1920-м году, вы помните ваше пророчество, что Советская власть растопчет этот вид искусства? А ведь это искусство в Советское время поднято на очень большую высоту, и есть другие доказательства того ..."

О поездке Курчатова

Когда мы в качестве делегации и представителей Советского Союза были приглашены Иденом в Англию, я предложил включить в состав делегации Курчатова. Казалось бы, во времена Сталина послать такого человека, как Курчатов, который все знал о ракетном вооружении и ядерном вооружении, потому что он сам был душой создания ядерного оружия, поэтому не мне надо было держать в секрете работы, которые мы проводили, а я через него узнавал о направлении работы создания ядерного оружия. Когда решался вопрос о поездке, я предложил включить Курчатова. Это и поднимет престиж нашей делегации и это будет демонстрацией о нашем доверии к интеллигенции. И это может побуждать и служить демонстрацией нашего желания разоружения, потому что мы включаем в состав делегации такого крупного ученого, который занимается ядерной физикой, является теоретиком, а мы его берем за границу. И ему — он там ездил один, ездил к ученым, посещал лаборатории — одним словом, полное доверие. Я гордился этим, и Курчатов не только оправдал наше доверие. Мне даже неприятно произносить

это слово, потому что оно оскорбительно может звучать в адрес такого замечательного человека, ученого и советского патриота, великого ученого нашего советского времени академика Курчатова.

Но, конечно, люди, которые непосредственно работали над конструкцией ядерного оружия, мы другой раз не разрешали им ехать не только потому, что мы им не доверяли лично, у нас было еще недоверие к буржуазному миру, а это недоверие основывалось на фактах. Такие факты были в похищении этих людей. За границей могут похитить этих людей, похитить с тем, чтобы узнать о тех работах, которые интересуют разведку. Возможно это? Возможно, и это бывало, поэтому мы... ты совершенно неповинен, ну, уж такова доля человека, который выдвигается на высокий общественный пост, как говорят, кому пышки, а кому и шишки, иногда бывает, что шишек этих получаешь не меньше, чем пышек.

О невозвращенке

... По Гвинее. Потом возник какой-то глупый вопрос. Наша преподавательница, которую мы послали в Гвинею, отказалась вернуться в Советский Союз; видимо, наши

органы, которые занимались этим вопросом, неправильно поступили и проявили бюрократическую ретивость с тем, чтобы ее оттуда вернуть в Советский Союз. Когда я об этом узнал, я возмутился: какое это имеет значение, что эта женщина хочет остаться в Гвинее, может быть, она сошлась с каким-то, нашла себе постоянного мужчину, так пусть она там и остается. Одним словом, по этому вопросу разгорелась настоящая дипломатическая перепалка, и я к этому вопросу отношусь с пониманием. Гвинейцы могли это рассматривать как какое-то оскорбление, тем более, что это могло вызвать какую-то ассоциацию, что, мол, белый против черного, что, мол, мы возмутились за преподавательницу белую, которая хочет остаться в африканской стране. Я не знаю, чем это было у нее вызвано, думаю, что это было у нее на половой основе, но это дело ее, дело личное. Мы всегда смотрели свободно на эти вопросы, поэтому для нас белый он или черный или желтый не имеет значения, для нас суть человека, душа и главное — его классовая принадлежность. Это для нас главное определение и оценка человека.

Моряк — невозвращенец

Когда корабль прибыл в Нью-Йорк, мне сообщили о чрезвычайном происшествии на корабле. ЧП заключалось в том, что один из матросов корабля покинул корабль и не вернулся на него, а явился в полицию и попросил убежище.

Мне сообщили об этом с большим волнением люди, которые это сообщали, я их успокоил. Не придавайте большого значения — ушел и ушел. Пусть попробует капиталистических хлебов, он узнает, почему хлеб в Нью-Йорке. Но я уже знал, что меня встретят журналисты, которые сопровождали неотступно, и надо подготовиться дать им объяснение. На первой же встрече они задали мне вопрос: "Г-н Хрущев, как вы смотрите, что матрос из вашего корабля не вернулся на корабль и попросил убежище в США?"

— Я это слышал, мне рассказывали об этом. Я очень сожалею — молодой человек, неопытный, не имеет никакой квалификации, и я сочувствую ему. По-видимому, ему придется очень тяжело приспособливаться к условиям американцев, ничего у него нет. Глупо он поступил, необдуманно. Если бы он сказал мне, что он хочет остаться, я бы ему даже оказал помощь на первых порах, когда он будет приспособ-

сабливаться к местным условиям. А так я сочувствую ему, что ему будет очень тяжело приспособиться.

Весь накал, который был у журналистов, сразу исчез. Они ожидали совсем другой реакции от меня. Они считали, что я буду чернить его, осуждать его или что другое, ну что угодно — только не то, что они слышали: что я кроме сочувствия никаких негодований не выражал в его адрес. И таким образом пропала сенсация, они не могли заработать на этом деле.

Это было очень показательно, и таким образом этот инцидент не мог быть раздут до таких размеров, на которые всегда падка буржуазная печать.

Продолжение каталога

<i>С. Трубецкой. Энциклопедия права.</i>	15.00
<i>Солженицын в Гарварде. Пер. с англ.</i>	15.00
<i>Л. Копелев. На крутых поворотах короткой дороги.</i>	7.00
<i>Ю. Алешковский. Синенький скромный платочек. Скорбная повесть.</i>	7.00
<i>А. Дюма. Ожерелье королевы.</i>	9.50
<i>Л. Шатуновская. Жизнь в Кремле.</i>	15.00
<i>И. Кичанова-Лифшиц. Прости меня за то, что я живу.</i>	10.00
<i>Р. Орлова. Последний год жизни Герцена.</i>	6.00
<i>Ю. Айхенвальд. Дон Кохит на русской почве.</i>	15.00
<i>Н. Валентинов. Встречи с Лениным.</i>	12.00
<i>Н. Евреинов. История телесных наказаний в России.</i>	15.00
<i>Ответственность поколения.</i>	8.00
<i>Е. Гнедин. Выход из лабиринта.</i>	8.00
<i>Э. Кольман. Мы не должны были так жить.</i>	18.00
<i>Н. Новиков. Эрнст Неизвестный: Искусство и реальность.</i>	10.00
<i>Грузинские блюда.</i>	6.00
<i>Проблемы Восточной Европы. Журнал под ред. ф.и Л.Силницких. Выпуски 1 и 2.</i>	9.00
<i>выпуск 3-4</i>	15.00
<i>В. Чалидзе. Иностранец в Советском Союзе: юридическая памятка.</i>	6.00

Заказы только по почте

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

Продолжение каталога

Ф. Яноух. Китай далекий и близкий.	7.00
Законодательство о религиозных культах в СССР.	9.00
А. Зимин. Социализм и неосталинизм.	9.00
П. Кушников. Армейский дневник 1917 года.	10.00
П. Гарви. Профессиональные союзы в России.	7.50
З. Авалов. Присоединение Грузии к России.	15.00
З. Авалов. Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.	15.00
Ю. Фельштинский. Убийство Мирбаха.	10.00
Цыганско-русский словарь.	25.00

Книги других издательств

Л. Троцкий. Моя жизнь.	20.00
Л. Троцкий. История русской революции.	30.00
Бюллетень оппозиции. Под ред. Л. Троцкого. 4 тома.	120.00

Заказы только по почте

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

Продолжение каталога

СССР:

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Единственный проблемный русскоязычный
журнал об СССР за рубежом.

Выходит нерегулярно, 300-400 страниц.

Цена выпуска — 15.00

Печатает статьи об экономических, социальных
и национальных проблемах в СССР,
статьи по истории, воспоминания и документы

**В первых пяти выпусках
наряду с другими материалами
читайте:**

Раиса Орлова, Лев Копелев. Чудо Корнея Чуковского (вып. 4-й).

Документы советско-германских отношений
1939-1941 гг. (вып. 4-й).

Н. Хрущев. Секретное письмо президенту Кеннеди о Кубинском кризисе (26 октября 1962 г.)
(вып. 3-й).

Две встречи Н. Хрущева с творческой интеллигенцией (вып. 5-й).

Н. Хрущев. Секретный доклад на XX съезде КПСС (вып. 5-й).

Из воспоминаний *Веры Пановой* (вып. 4-й).

Статьи *А. Каценелинбойгена* и *И. Бирмана*
о советской экономике.

Статьи *Максудова* по демографии СССР.